

Российская академия наук
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ И ВОСТОКОВЕДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ 2014**

**В мире арабского языка.
К 90-летию со дня рождения Г.Ш. Шарбатова**

Труды научной конференции.
Институт востоковедения РАН
22 октября 2014 г.

Москва
ИВ РАН
2016

УДК 81'42
ББК 81(5)
П731

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Рецензенты:

доктор ист. наук *Микульский Дмитрий Валентинович*
доктор филол. наук *Горелова Лилия Михайловна*
канд. филол. наук *Костыркин Александр Вячеславович*

Компьютерная верстка *А.С. Панина*

П731 Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2014.
В мире арабского языка. К 90-летию со дня рождения
Г.Ш. Шарбатова. Труды научной конференции. Институт
востоковедения РАН 22 октября 2014 г. / Отв. ред. З.М. Ша-
ляпина. Сост., научн. ред. А.С. Панина, А.А. Блинов. — М.: Институт
востоковедения РАН, 2016. — 184 с.

ISBN 978-5-89282-671-6

В сборнике представлены труды конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г.Ш. Шарбатова, выдающегося арабиста, работавшего в Отделе языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН. Сборник включает биобиблиографическую справку и список основных трудов ученого, статьи, описывающие его жизнь и научную деятельность, а также работы, продолжающие и развивающие основные направления его исследований, в том числе статьи по проблемам фонетики, грамматики, компаративистики, социолингвистики, прагматики и культурологии, рассматриваемые на арабском языковом материале.

© А.С. Панина, А.А. Блинов, З.М. Шаляпина,
составление, редактирование, 2016

© Институт востоковедения РАН, 2016

ISBN 978-5-89282-671-6 © Воробьев А.В. & Центр СК, оформление, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник включает в себя труды конференции, посвященной девяностолетию со дня рождения Григория Шамилевича Шарбатова – выдающегося филолога-арабиста, 50 лет проработавшего в Отделе языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, где и сейчас трудятся его ученики и младшие коллеги. Конференция посвящена научному наследию ученого, которое до сих пор широко используется в арабистике и еще долгие годы не потеряет своего значения.

Сборник включает 14 работ, распределенных по пяти разделам.

В первом разделе («Персоналии») представлены четыре статьи, посвященные его творческому пути и достижениям в области арабистики. Статья З.М. Шаляпиной содержит общее описание жизни и научной деятельности Г.Ш. Шарбатова и сопровождается впервые публикуемым списком его основных трудов. А.Г. Шарбатова в своих воспоминаниях об отце очерчивает творческий путь Григория Шамилевича и характеризует его взаимоотношения с коллегами. Н.Д. Финкельберг сосредоточивает свое внимание на достижениях Г.Ш. Шарбатова в области лексикографии и преподавания арабского языка. Р.Ш. Шарфутдинова описывает период своей учебы в аспирантуре под его руководством.

В четырех других разделах сборника представлены работы, продолжающие и развивающие отдельные направления исследований Г.Ш. Шарбатова.

В разделе «Сравнительно-исторические исследования» представлены статья А.Г. Беловой, где описывается корневой фонд древнеарабской лексики в современном арабском словаре с учетом различных видов и возможностей морфологической и семантической деривации, и статья О.В. Столбовой, посвященная проблемам установления этимологий для чадской лексики и той важной роли, которую играют при решении этой задачи арабские параллели.

Раздел «Фонетика и морфология» содержит две статьи: статью А.А. Крылова, в которой исследуются проблемы фонации как невербального средства, сопровождающего устную речь, и дается сопоставительный анализ этого явления в арабском и русском языках, и статью В.В. Лебедева, посвященную системе времен в арабском языке.

В разделе «Социолингвистика» исследуются проблемы развития и функционирования арабского языка в его различных вариантах и в разных ареалах его распространения. Статья Э.Н. Мишкурова посвящена теоретическим проблемам разграничения разных форм существования арабского языка и важности этнопсихолингвистической рефлексии для их изучения. В статье А.А. Блинова рассматриваются особенности функционирования арабского языка в Джибути, в статье Л.А. Чупрыгиной – на Мальте.

Последний раздел сборника «Прагматика и культурология» включает три статьи, в которых рассматриваются различные явления арабского языка с учетом их прагматических и культурологических аспектов. В двух из этих статей исследуются языковые средства, используемые в целях воздействия на воспринимающего субъекта. А.Ю. Крылов описывает под этим углом зрения риторические фигуры арабской речи, Е.А. Сабина – арабские газетные заголовки. Автор последней статьи Н.А. Шамраев рассматривает «реалии хаджа», как они представлены в арабской языковой модели мира, подчеркивая необходимость учитывать содержание этих реалий при использовании в тексте тех или иных способов их выражения.

Таким образом, сборник отражает важные области арабского и общего языкознания и может представлять интерес как для арабистов, так и для специалистов, исследующих сходные лингвистические явления на материале других языков.

З.М. Шаляпина

ПЕРСОНАЛИИ

©

З.М. Шаляпина
ИБ РАН (Москва)

Г.Ш. Шарбатов: 90 лет со дня рождения¹

Григорий Шамилевич Шарбатов (13.10.1924–27.02.2006), тат по национальности, родился 13 ноября 1924 г. в Баку – столице Азербайджанской ССР Советского Союза. Как и у многих других представителей его поколения, юность Г.Ш. Шарбатова была связана с Великой Отечественной войной. Воевать он ушел добровольцем по окончании средней школы и учебы в железнодорожном техникуме, вступив в Красную Армию 23 мая 1942 г. через Джапаридзевский ВК райвоенкомат города Баку.

Несмотря на тяжелое положение на фронтах, Г.Ш. Шарбатов не был сразу направлен в действующую армию. Как ни удивительно это может сейчас показаться, но даже в столь опасной ситуации руководство страны считало нужным думать о ее будущем и о тех, кто это будущее должен создавать и в нем жить. В военкомате обратили внимание на отличный аттестат Григория Шамилевича и на то, что, учась в техникуме, он параллельно занимался арабским языком на летних выездных курсах иностранных языков, и он был оставлен в Баку для изучения арабского на Четвертых курсах военных переводчиков Закавказского фронта. В конце 1942 г. курсы бы-

¹ При подготовке работы использовались, в частности, материалы из архива Института востоковедения РАН. Автор выражает искреннюю благодарность заведующему архивом Тамазишвили Александру Отаровичу, предоставившему нам эти материалы.

ли расформированы, и Григорий Шамилевич в числе других курсантов-отличников был направлен для продолжения учебы в Военный Институт иностранных языков в Ставрополе.

Однако в марте 1943 г. ввиду отсутствия в Ставрополе преподавателей-арабистов Г.Ш. Шарбатов вновь вернули в распоряжение штаба Закавказского фронта, в тот момент располагавшегося в Тбилиси. Оттуда он был отправлен в Кировакан на фронтовые курсы младших лейтенантов Закавказского фронта, а в июне 1943 г. был включен в состав курсантской бригады, отправленной на фронт. Три месяца, с июня по август 1943 г., Григорий Шамилевич воевал на передовой в качестве пулеметчика-наводчика 26-го гвардейского стрелкового полка 9-й воздушно-десантной гвардейской стрелковой 5-й Гвардейской Армии Степного фронта на направлении Курск – Белгород – Харьков. 13 августа 1943 г. в боях севернее Харькова Григорий Шамилевич был ранен в ногу и больше на фронт не вернулся. До мая 1944 г. он лежал в эвакогоспиталях в городах Старый Оскол и Гурьев, а по выздоровлении был вначале зачислен стрелком в учебную бригаду, базировавшуюся в гор. Чкалове, а в июне 1944 стал курсантом Чкаловского танкового училища самоходной артиллерии. Окончил он его в июле 1945 г., когда война уже пришла к своему победному завершению, и курсант Г.Ш. Шарбатов остался служить в том же училище вначале в качестве ВРИО командира взвода курсантов, затем, с ноября 1945 по август 1946 г., – в качестве помощника начальника строевого отдела штаба училища.

Лишь с сентября 1946 г. Григорий Шамилевич смог снова вернуться к изучению арабского языка – все еще в качестве военнослужащего, но уже в рамках Военного института иностранных языков в Москве. В запас он был уволен только в октябре 1954 г. в звании старшего лейтенанта командного состава.

За участие в Великой Отечественной войне (1943-1945 гг.) Г.Ш. Шарбатов был награжден двумя медалями «За боевые заслуги» (в 1945 и в 1946 гг.), медалью «За победу над Германией», а в последующие годы – орденом Отечественной

войны (1985 г.) и десятью юбилейными медалями, в том числе медалями «30 лет Советской Армии» и «К 850-летию Москвы».

В 1951 г. Г.Ш. Шарбатов окончил Восточный факультет Военного института иностранных языков, получив диплом с отличием по специальности «арабский и английский языки» с квалификацией «переводчик-референт по арабскому языку и переводчик по английскому языку», и затем в течение пяти лет – с сентября 1951 г. по август 1956 г. – работал в том же институте преподавателем арабского языка на кафедре персидского и арабского языков.

В сентябре 1956 г. в связи с расформированием ВИИЯ Григорий Шамилевич Шарбатов перешел на работу в Институт востоковедения АН СССР (в 1960-1970 гг. называвшийся Институтом народов Азии АН СССР, а с 1991 г. ставший Институтом востоковедения РАН). С этим институтом была связана вся его дальнейшая научная деятельность. В нем он проработал 50 лет – до конца своей жизни.

Начинал Григорий Шамилевич свою научную карьеру в должности младшего научного сотрудника – сперва в Секторе языка и литературы народов Среднего и Ближнего Востока (с 15 сентября по 1 октября 1956 г.), затем, после реструктуризации Института, в Секторе арабских стран Северной Африки (с 1 октября 1956 г. по 16 февраля 1958 г.). 16 февраля 1958 г. Г.Ш. Шарбатов был переведен на ту же должность в Сектор иранских и семитских языков. В июле 1960 г. этот сектор был преобразован в Сектор индийских, иранских и семитских языков Отдела языков народов Азии, а Григорий Шамилевич стал в нем руководителем группы семитских и африканских языков. 7 июля 1961 г. он был единогласно утвержден Ученым советом Института народов Азии АН СССР в должности старшего научного сотрудника Отдела языков народов Азии. С февраля 1980 г. Г.Ш. Шарбатов стал заведующим Сектором иранских и афразийских языков (позже, в 1987 г., переименованным в сектор языков Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки), а после того, как в январе 1990 г. деление Отдела на сектора было упразднено, он до конца жизни был главным научным сотрудником Отдела языков народов Азии (с 1997 г. – Отдела языков народов Азии

и Африки) и заведующим группой иранских и афразийских языков в этом Отделе.

С самого начала своей научной и преподавательской деятельности Григорий Шамилевич проявлял особый интерес к изучению живых форм арабской речи и диалектов арабского языка, а также современной арабской литературы. Он хорошо владел арабским языком (наряду с азербайджанским, татским и английским), часто бывал в арабских странах, в том числе в Алжире (1964, 1971 гг.), Египте (1959, 1962, 1966, 1969, 1975), Иордании (1968), Ираке (1959, 1960, 1968, 1970, 1980), Ливане (1970), Ливии (1979), Сирии (1968, 1970), Судане (1969), Тунисе (1971). Ему неоднократно приходилось участвовать также в работе с делегациями и представителями арабских стран в качестве переводчика, в том числе на правительственном уровне. Так, в 1958 г. Григорий Шамилевич Шарбатов сопровождал делегацию президента ОАР Г.А. Насера, а также советскую делегацию на заседании Совета солидарности народов стран Азии и Африки в Каире. В 1968 г. он был членом советской делегации советско-арабской дружбы по линии Совета советских обществ дружбы в Сирии и Ираке.

В декабре 1955 г. Г.Ш. Шарбатов защитил в ВИИЯ кандидатскую диссертацию на тему «Лексико-грамматическая характеристика египетского диалекта». В 1961 г. он (уже в Институте востоковедения АН СССР, называвшемся тогда Институтом народов Азии АН СССР) получил ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «языкознание». В 1966 г. Григорию Шамилевичу была присуждена научная степень доктора филологических наук по совокупности опубликованных работ на тему «Соотношение арабского литературного языка и диалектов». В рамках своей преподавательской деятельности Григорий Шамилевич получил в 1962 г. ученое звание доцента по кафедре «арабская филология», в 1969 г. – ученое звание профессора по той же кафедре.

В сферу научных интересов Г.Ш. Шарбатова входили проблемы литературного арабского языка и арабских диалектов, вопросы арабской литературы, истории арабистики, лексикологии и лексикографии. Им написано около 300 научных,

публицистических и научно-популярных работ общим объемом свыше 450 а.л.

Среди научных публикаций Григория Шамилевича – 7 индивидуальных научных монографий, 4 словаря (один из них в соавторстве с В.Н. Красновским), 4 учебника. Самый известный из них, написанный Г.Ш. Шарбатовым в соавторстве с А.А. Ковалевым и рассчитанный на двухгодичный курс обучения, был впервые издан в 1960 г. и переиздавался с тех пор в 1969, 1988, 1998, 1999, 2000, 2004, 2008 гг. (с систематическим обновлением учебных материалов). Он содержит весь основной грамматический, фонетический и лексический материал для изучения современного арабского литературного языка, а также оригинальные тексты, иллюстрирующие употребление этого языка в разных арабских странах (Египте, Сирии, Саудовской Аравии, Ираке). Учебник пользуется большим успехом и в качестве самоучителя.

Многие из работ Г.Ш. Шарбатова переводились на другие языки и переиздавались. Под его редакцией вышли в свет немало индивидуальных и коллективных монографий и сборников научных трудов по семитологии. В частности, он был членом редколлегии серийного издания «Языки народов Азии и Африки», ответственным редактором трех выпусков сборника «Семитские языки», членом редколлегии ведущего языковедческого журнала страны «Вопросы языкознания», ученым секретарем многих международных конгрессов.

Г.Ш. Шарбатов уделял много внимания также популяризации литературы и культурных традиций современной ему России среди арабов, а арабской литературы и культуры – в нашей стране. В его переводах, с его предисловиями и примечаниями был опубликован на русском языке ряд произведений арабской художественной литературы.

В последние годы жизни Григорий Шамилевич работал над «Арабско-русским словарем современного египетского разговорного языка» (около 120 а.л.), составленным по материалам, которые собирались им в течение 25 лет в различных районах Египта в полевых условиях, во время лингвистических экспедиций. Это первый в отечественной арабистике большой словарь разговорного языка Египта, превосходящий по своему

объему все ранее издававшиеся известные словари данного языка. По значению этого словаря для арабского языкознания специалисты сравнивают его со словарем Владимира Ивановича Даля для русистики. К сожалению, этот словарь до сих пор не издан, хотя и подготовлен к печати издательством «Восточная литература РАН».

Не успел Григорий Шамилевич реализовать и свои последние планы – написать очерк «Неологизмы современного египетского разговорного языка», а также «Сравнительную грамматику современных арабских диалектов и обиходно-разговорных языков». Эту грамматику он планировал начать в 2006 г., предполагая дать в ней описание фонетического состава и грамматического строя диалектов и разговорных языков Арабского Востока (Машрика) и Арабского Запада (Магриба).

Крупнейший специалист по арабскому языкознанию и арабской филологии, Г.Ш. Шарбатов пользовался широчайшим мировым признанием. Он выступал с научными докладами и циклами лекций в Египте, Судане, Ираке, Сирии, Ливане, Алжире, Тунисе и других арабских странах. С 1964 г. он являлся членом Российского палестинского общества. О его авторитете в научном мире свидетельствует то, что он был избран в целый ряд международных академий. В 1964 г. он стал членом-корреспондентом Египетской академии, в 1976 г. – Академии арабского языка АРЕ в Каире, в 1983 г. – Тунисской национальной организации научных исследований и переводов (Тунисской академии), в 1986 г. – Академии арабского языка в Дамаске (Сирия), в 1989 г. – Иракской академии. В 1973 г. за вклад в советскую арабистику Г.Ш. Шарбатов был награжден Международной премией имени Гамалы Абдель Насера. С 1997 г. Г.Ш. Шарбатов являлся также действительным членом Международной академии информатизации.

Высокую оценку получила научная деятельность Г.Ш. Шарбатова и в нашей стране. В 1994 г. за заслуги в области развития отношений с арабскими странами он был награжден орденом Дружбы. В 1999 г. ему был вручен орден «Звезда Вернадского» I степени – высшая награда Международного межакадемического союза по поддержке науки и содействию подготовке научных кадров. В том же году он был награжден

Почетной грамотой РАН и Профсоюза работников РАН. В 2000-2003 гг. Григорию Шамилевичу была присуждена Государственная (Президентская) стипендия выдающимся ученым России.

Наряду с научными исследованиями Г.Ш. Шарбатов вел также большую научно-организационную и научно-педагогическую работу. С 1980 года он руководил сектором иранских и афразийских языков, а затем группой языков Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки в Отделе языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН. Много лет, начиная с середины 60-х годов прошлого века, Григорий Шамилевич являлся членом Ученого совета ИВ РАН и членом ряда диссертационных советов по филологическим наукам (помимо диссертационного совета своего института, он в разные годы участвовал в советах Военного института Министерства обороны СССР, Института языкознания РАН, Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова). С 1971 г. Г.Ш. Шарбатов являлся членом Экспертного совета ВАК СССР, в том числе в 80-е годы – заместителем председателя этого совета.

Он активно участвовал в подготовке научных кадров востоковедов: много лет преподавал арабский язык в ИСАА МГУ (1956-1983 гг.), в Восточном университете при ИВ РАН (1990-е гг.), участвовал в приеме кандидатских и аспирантских экзаменов, руководил аспирантами. Под его руководством защитили кандидатские диссертации 32 аспиранта России, стран СНГ и арабского Востока; последняя из них была защищена в 2003 г. Ученики Григория Шамилевича работают сейчас в научно-исследовательских и образовательных центрах всего мира.

Важное место в жизни Г.Ш. Шарбатова занимала и общественная работа. Он был заместителем председателя Советской ассоциации дружбы и культурных связей с арабскими странами и ряда региональных обществ дружбы с арабскими странами («СССР – АРЕ», «СССР – Судан», «СССР – Тунис»), членом правления обществ дружбы «СССР – ОАР» и «СССР – Сирия», Советского комитета дружбы и солидарности с арабским народом Палестины.

С 1946 г. Г.Ш. Шарбатов был членом КПСС, в 70-е и 80-е годы его несколько раз избирали парторгом сектора и членом партбюро Отдела. Но членство в партии никогда не было для Григория Шамилевича трамплином для карьерного роста; просто для него были естественными коммунистические идеи гуманизма, справедливости и научного познания мира.

В поздравительном приказе к 70-летию Г.Ш. Шарбатова, подписанном директором Института Р.Б. Рыбаковым 13 октября 1994 г., о Григории Шамилевиче говорится: «Этот мягкий, корректный и обаятельный человек ... принадлежит к тому поколению мужчин, которому более молодые могут только позавидовать». И это не просто дежурный комплимент юбиляру. За многолетний период работы в Институте Григорий Шамилевич снискал глубокое уважение и любовь коллег, сочетая высокий профессионализм, целеустремленность, большое чувство ответственности, требовательность в работе к себе и своим сотрудникам, с такими важными человеческими качествами, как доброжелательность, готовность всегда поделиться знаниями, душевная щедрость и внимательность к товарищам по работе, скромность и тактичность.

Г.Ш. Шарбатов. Библиографическая справка (сост. З.М. Шаляпина)

Публикации о жизни и трудах Г.Ш. Шарбатова

1. [Библиография] // Шарбатов Г.Ш. *Арабистика в СССР (1917-1959). Филология*. М.: Изд-во вост. лит., 1959. С. 43, 45, 46, 52, 54, 57, 70, 75, 79, 98. В пер. на араб. яз.: М., 1961. С. 65, 66, 70, 71, 81, 83, 106, 122, 123, 133, 180, 201, 202.
2. Востоковед с Востока: (Интервью с Г.Ш. Шарбатовым) // *Альфикр аль-араби*. Каир, 1969. № 15. На араб. яз.
3. Советский востоковед Григорий Шарбатов: Моя профессия – укреплять дружбу: (Интервью) // *Аль-Адаб*. Багдад. 08.05.1970. На араб. яз.
4. Шарбатов Г.Ш. // *Академия арабского языка в Каире: Библиографический словарь членов Академии*. Каир, 1974. С.101-103. На араб. яз.

5. Лауреат премии им. Гамалы Абдель Насера // *Анба Моску*. 16.03. 1974. На араб. яз.
6. Шарбатов Г.Ш. // *Библиография стран Африки и Арабского Востока. Т. 2. Арабские страны*. М., 1980. Указ. авт. С. 364 (Ссылка на 38 назв.).
7. Дело всей моей жизни: (Интервью) // *Аль-Мадар*. М., 1983. № 3. С. 14-16. На араб. яз.
8. Востоковед Григорий Шарбатов: Востоковедение – мост человеческого общения: (Интервью) // *Ас-Сабах*. Тунис, 17.02.1984. На араб. яз.
9. Доктор Г. Шарбатов рассказывает журналу «Манбар аль-ислам»: (Интервью) // *Манбар аль-ислам*. Каир, 1985. № 6. С. 25-26. На араб. яз.
10. Список основных научных трудов доктора филологических наук, профессора Г.Ш. Шарбатова: (К 60-летию со дня рождения) / Сост. С.Д. Милибанд // *Народы Азии и Африки*. 1985. №1. С. 211-212. (Хронол. перечень 56 кн., ст. и пер. за 1954-1983 гг.).
11. Мохиддин Салик. Академику Григорию Шарбатову – 75 лет // *Арабский мир и Евразия*. М., 2000. № 1. С. 41-43.
12. Шарбатов Григорий Шамилевич // С.Д. Милибанд. *Востоковеды России. Библиографический словарь. В двух книгах. Книга II. Н-Я*. М.: Вост. лит., 2008. С. 644-645.
13. Шарбатов Григорий Шамилевич // *Российская еврейская энциклопедия*. URL: <http://www.rujen.ru/index.php>. Дата обращения: 11.06.2014.
14. Шарбатов Григорий Шамилевич // *Всемирный биографический энциклопедический словарь*. URL: <http://www.cnru123.com/>. Дата обращения: 11.06.2014.
15. Шарбатов Григорий Шамилевич // *Победители великой войны*. URL: http://arc.familyspace.ru/archive/Pobediteli_ru_6/p10030. Дата обращения: 11.06.2014.
16. Шарбатов Григорий Шамилевич // Игорь Абросимов. *СОВЕТСКАЯ РОССИЯ: 1917-1991. Государство, политика, экономика, наука, культура, литература, искусство. Свод персоналий*. URL: <http://www.proza.ru/2009/03/28/820>. Дата обращения: 11.06.2014.
17. Шарбатов Г.Ш. // *Globalpedia. Энциклопедия известных личностей*. URL: <http://globalpedia.ru/people.php?id=21776&category=192>. Дата обращения: 11.06.2014.
18. Рецензия на книгу: Учебник арабского языка (Александр Ковалев, Григорий Шарбатов) // Сайт «Уроки иностранных языков». URL: http://imadin12.narod.ru/Arab/uchebnik_arabskogo_jazyka.html. Дата обращения: 11.06.2014.

Избранные труды Г.Ш. Шарбатова

I. Монографии и брошюры

1. Шарбатов Г.Ш. *Лексико-грамматическая характеристика современного египетского диалекта. Канд. дисс.* М.: Военный институт иностранных языков, 1955. 450 с.
2. Шарбатов Г.Ш. *Лексико-грамматическая характеристика современного египетского диалекта. Автореферат канд. дисс.* М.: Военный институт иностранных языков, 1955.
3. Шарбатов Г.Ш. *Арабистика в СССР (1917-1959). Филология / АН СССР. Ин-т востоковедения.* М.: Изд-во вост. лит., 1959. 128 с.
4. Sharbatov G.Sh. Ma'sarāni, Muhammad. *al-Isti'rab fī al-Ittiḥad al-Sufyitti (1917-1961): al-lughah wa-al-adab* {Арабистика в СССР (1917-1961). Филология} / Институт народов Азии АН СССР. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 219 с. (на араб. яз.).
5. Шарбатов Г.Ш. *Современный арабский язык / ИНА АН СССР. Сер. Языки зарубежного востока и Африки. [28].* М.: Изд-во вост. лит., 1961. 112 с.
6. Шарбатов Г.Ш. *Соотношение арабского литературного языка и современных арабских диалектов / Доклад, составленный на основе опубликованных и выполненных работ, представленных на соискание учен. степени доктора филологических наук.* АН СССР. Ин-т народов Азии. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1966. 122 с.
7. Sharbatov G.Sh. *Arabic studies. Philology / USSR acad. of sciences. Inst. of the peoples of Asia. Fifty years of Soviet Oriental studies (Brief review).* Moscow: Nauka, 1967. 31 p.
8. *Современная Саудовская Аравия. Справочник / авторы: В.М. Ахмедов, Б.Н. Гашев, О.Г. Герасимов, Г.Л. Гукасян, В.А. Исаев, А.О. Филоник, Г.Ш. Шарбатов, А.И. Яковлев. Отв. ред. В.А. Исаев, А.О. Филоник.* М.: ИИИиБВ и ИВ РАН, 1998. 281 с.

II. Учебники

9. Шарбатов Г.Ш. (сост.). *Хрестоматия по египетскому диалекту / Ред. А.А. Ковалёв.* М.: Военный институт иностр. языков, 1954. 210 с.
10. Ковалев А.А., Шарбатов Г.Ш. *Учебник арабского языка (для первого года обучения).* М.: Военный институт иностр. языков, 1954. 487 с.
11. Ковалев А.А., Данилов И.С., Шарбатов Г.Ш. *Учебник арабского языка (для второго года обучения).* М.: Военный институт иностр. языков, 1956.

12. Ковалев А.А., Шарбатов Г.Ш. *Учебник арабского языка (Для государственных университетов в СССР)* / МГУ, ИВЯ. М.: Изд. лит-ры на иностр. языках, 1960. 687 с.; *Учебник арабского языка. Для студентов университетов.* 2-е изд. – М.: Наука, 1969. 687 с.; 3-е изд, исправл. и дополненное – М.: Вост. лит., 1998 г. 751 с.; доп. тиражи – М.: Вост. лит., 1999, 2000, 2002; 4-е изд. (стереотипн.) – М.: Вост. лит., 2004. 751 с.; 5-е изд. (стереотипн.). – М.: Вост. лит., 2008. 751 с.
13. Шарбатов Г.Ш. *Самоучитель арабского языка* / Приложение к журналу «Азия и Африка сегодня» (1965. № 7-12; 1966. № 1-6). М.: Наука, 1965-1966.

III. Словари

14. Шарбатов Г.Ш. *Словарь-минимум арабского языка для первого года обучения.* М.: Военный институт иностр. языков, 1952. 109 с.
15. Шарбатов Г.Ш. *Русско-арабский учебный словарь: (16 000 слов): С приложением очерка морфологии и фонетики русского языка (140 с.).* М.: Сов. энциклопедия, 1964. 1066 с., 140 с.; 2-е изд., стереотипн. М.: Русский язык, 1979. 1066 с., 140 с.
16. Иль-Фархи Т.А., Красновский В.Н. (сост.) *Карманный русско-арабский словарь. Около 8 000 слов* / Под ред. Шарбатова Г.Ш. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. 694 с.; 2-е изд. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 696 с.; 3-е изд., испр. М.: Советская энциклопедия, 1968. 528 с.
17. Иль-Фархи Т.А., Красновский В.Н., Шарбатов Г.Ш. *Карманный русско-арабский словарь: (10 100 слов)* / Под ред. Г.Ш. Шарбатова. 4-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1974. 623 с.
18. Красновский В.Н., Шарбатов Г.Ш. *Карманный русско-арабский словарь: около 11 000 слов.* М.: Русский язык, 1988. 574 с.; 2-е изд., стереотипн. М.: Русский язык, 1992. 556 с.
19. Шарбатов Г.Ш. *Арабско-русский учебный словарь: (9800 слов). С приложением очерка по морфологии и фонетике русского языка* / Институт востоковедения АН СССР. М.: Русский язык, 1981. 1072 с.; 2-е изд., стереотипн. М.: Русский язык, 1982. 1080 с.
20. Sharbatov, G.Sh. *Qāmūs 'Arabī-Rūsī madrasī: yaḥṭawī 'alā 9800 kalimah (ta'a mulḥaq khāṣṣ bi-al-aṣwāt wa-al-naḥw fī al-lughah al-Rūsīyah).* *Арабско-русский учебный словарь.* М.: Dār "al-Lughah al-Rūsīyah" lil-Nashr, 1981. 1070 p.; 2-е изд. Бейрут, 1993.

IV. Статьи, рецензии

21. Шарбатов Г.Ш. Об относительной подвижности ударения в современном арабском литературном языке // *Труды Военного института иностранных языков*. М., 1954. № 5. С. 89-95.
22. Шарбатов Г.Ш. Ахмед Амин и его египетская энциклопедия // *Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. Арабский сборник*. [т.] 32. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 41-48.
23. Шарбатов Г.Ш. Арабская новелла // *Современный Восток*. 1958. № 9. С. 72-95.
24. Шарбатов Г.Ш. Рец. на кн.: Насиб аль-Ихтияр. Революционный Египет // *Новые книги за рубежом*. 1958. № 9.
25. Шарбатов Г.Ш. Рец. на кн.: Э.Ч. Мэмэдов. Эрэб дили. Бақы, 1959. 570 с. // *Советское востоковедение*. 1958. № 6. С. 108-110.
26. Шарбатов Г.Ш. В.И. Ленин в современной арабской поэзии // *Проблемы востоковедения*. 1959. № 2. С. 28-33.
27. Шарбатов Г.Ш. Рец. на кн.: В.А. Звегинцев. История арабского языкознания. Краткий очерк. М.: МГУ, 1958 // *Проблемы востоковедения*. 1959. № 3. С. 184-186.
28. Шарбатов Г.Ш. О вопросительных и отрицательных предложениях в современном египетском диалекте арабского языка // *Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР*. 29. М., 1959. С. 52-58.
29. Шарбатов Г.Ш. Поэзия Мааруфа ар-Расафи // *Современный Восток*. 1959. № 7. С. 25-26.
30. Шарбатов Г.Ш. Хроникальная заметка о Всесоюзном совещании арабистов в Ленинграде // *Вопросы языкознания*. 1959. № 5. С. 146-147.
31. Шарбатов Г.Ш. Труды грузинских семитологов // *Бюллетень советского прессбюро в Каире*. Апрель 1959. (на араб. яз.).
32. Шарбатов Г.Ш. Об аналитичности строя современных арабских диалектов / *XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР*. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 11 с. Перепеч. в кн.: *Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9-16 августа 1960 г.* Том II. М.: Изд. вост. лит., 1962.
33. Шарбатов Г.Ш. Введение // *Современная арабская литература*. Сб. статей, пер. с араб. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 7-49.
34. Ватолина Л.Н., Шарбатов Г.Ш. Совещание арабистов в Ленинграде // *Ученые записки Института востоковедения АН СССР. XXII. Арабские страны*. М., 1960.

35. Шарбатов Г.Ш. Избранные новеллы Абд Ар-Рахмана ал-Хамиси // *Ученые записки Института востоковедения АН СССР. XXII. Арабские страны.* М., 1960.
36. Шарбатов Г.Ш. Семіто-хамітські мови. Семітські мови. Тігринья // *Українська Радянська Енциклопедія.* Київ: Гл. ред. Української Советської енциклопедії, 1960.
37. Шарбатов Г.Ш. Суданська література // *Українська Радянська Енциклопедія.* Київ: Гл. ред. Української Советської енциклопедії, 1960.
38. Шарбатов Г.Ш. Угаритська мова. Фінікійська мова. Фінікійське письмо. Хауса мова // *Українська Радянська Енциклопедія.* Київ: Гл. ред. Української Советської енциклопедії, 1960.
39. Шарбатов Г.Ш. Некоторые особенности иракского диалекта арабского языка // *Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР.* [Том] 40. М., 1961. С. 80-86.
40. Шарбатов Г.Ш. Арабские пословицы и поговорки (собрал и перевел Г.Шарбатов) // *Пословицы и поговорки народов Востока.* М.: Иностран. лит-ра, 1961. С. 7-34.
41. Шарбатов Г.Ш. Татские пословицы и поговорки (собрал и перевел Г.Шарбатов) // *Пословицы и поговорки народов Востока.* М.: Иностран. лит-ра, 1961.
42. Шарбатов Г.Ш. Литература Аравии // *Азия и Африка сегодня.* 1962. № 10. С. 46-47.
43. Шарбатов Г.Ш. Арабистика в Советском Союзе // *Бюллетень Университета Айн-Шамс.* Каир. 1962. № 3. (на араб. яз.).
44. Шарбатов Г.Ш. Произведения арабских писателей в СССР // *Аль-Магалля ас-Суфийатийа* {Советский союз}. Каир. 1962. № 23.
45. Шарбатов Г.Ш. О расширении сферы аналитичности в современных арабских диалектах (на материале египетского, сирийского и иракского диалектов) // *Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР.* № 72. Языкознание. М., 1963. С. 54-58.
46. Шарбатов Г.Ш. Предисловие // *Семитские языки.* [Вып. 1] / Институт народов Азии АН СССР. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 3-5.
47. Шарбатов Г.Ш. Образцы арабских пословиц и выражений // *Семитские языки.* [Вып. 1] / Институт народов Азии АН СССР. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 219-221.
48. Луцкий В.Б., Шарбатов Г.Ш. Арабистика // *Советская Историческая Энциклопедия.* Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1961 С. 667-674.

49. Шарбатов Г.Ш. Гаркави, Авраам Яковлевич // *Советская Историческая Энциклопедия*. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1963. С. 110-111.
50. Шарбатов Г.Ш. Гиргас, Владимир Федорович // *Советская Историческая Энциклопедия*. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1963. С. 453.
51. Шарбатов Г.Ш. Изучение арабской литературы и языка в Советском Союзе // *Журнал «Аль-Магалля ас-Суфийатийа»*. Каир. 1963. № 1. (на араб. яз.).
52. Шарбатов Г.Ш. К вопросу о типологии современного арабского языка // *Совещание по типологии восточных языков. Тезисы докладов*. М.: ИНА АН СССР, 1963. С. 38-39.
53. Шарбатов Г.Ш. Проблема соотношения арабского литературного языка и современных арабских диалектов // *Конференция по семитским языкам 26-28 октября 1964 г. Тезисы* / Институт народов Азии АН СССР. М., 1964. С. 55-93.
54. Шарбатов Г.Ш. Арабский язык // *Страны Аравии. Справочник*. М.: Наука, 1964. С. 20-26.
55. Шарбатов Г.Ш. Саудовская Аравия. Литература // *Страны Аравии. Справочник*. М.: Наука, 1964. С. 138-148.
56. Шарбатов Г.Ш. Исследования и открытия советских арабистов // *Аль-Анба ас-суфийатийа*. Бейрут. 1965. № 1. (на араб. яз.).
57. Шарбатов Г.Ш. Предисловие // *Семитские языки. Материалы первой конференции по семитским языкам 26-28 октября 1964 г.* Вып. 2. Часть 1. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. Г.Ш. Шарбатов. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1965. С. 5-25.
58. Шарбатов Г.Ш. Предисловие ко второму изданию // *Семитские языки. Материалы первой конференции по семитским языкам 26-28 октября 1964 г.* Вып. 2. Часть 2. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. Г.Ш. Шарбатов. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1965. С. 745-746. Англ. пер.: Sharbatov, Gregory. Preface to the second edition. Там же, Р. 747-749.
59. Sharbatov, Gregory. Preface to the second edition // *Семитские языки. Материалы первой конференции по семитским языкам 26-28 октября 1964 г.* Вып. 2. Часть 2. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. Г.Ш. Шарбатов. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1965. Р. 747-749.
60. Шарбатов Г.Ш. Проблема соотношения арабского литературного языка и современных арабских диалектов // *Семитские языки. Материалы первой конференции по семитским языкам 26-28 октября 1964 г.* Вып. 2. Часть 1. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. Г.Ш. Шарбатов. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1965. С. 55-66.

61. Шарбатов Г.Ш. A Brief Summary of the Reports made at the First Conference of the Soviet Semitologists // *Семитские языки. Материалы первой конференции по семитским языкам 26-28 октября 1964 г.* Вып. 2. Часть 2. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. Г.Ш. Шарбатов. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1965. С. 868-880.
62. Шарбатов Г.Ш. Форум советских семитологов // *Народы Азии и Африки. История, экономика, культура.* 1965. № 2. С. 199-202.
63. Шарбатов Г.Ш. Соотношение арабского литературного языка и диалектов как важный фактор языковой ситуации на арабском Востоке // *Материалы к дискуссии «Проблемы изучения языковой ситуации в странах Азии и Африки».* М.: Наука, 1965. С. 35-39.
64. Шарбатов Г.Ш. Семито-хамитские языки // *Советское языкознание за 50 лет.* М.: Наука, 1967. С. 391-403.
65. Шарбатов Г.Ш. Выражение времени в современном египетском диалекте // *Арабская филология* / ред. А.А. Ковалев, Г.М. Габучан. М.: МГУ, 1968. С. 121-131.
66. Шарбатов Г.Ш. К.В. Оде-Васильева (1892-1965) // *Арабская филология* / ред. А.А. Ковалев А.А., Г.М. Габучан. М.: МГУ, 1968.
67. Шарбатов Г.Ш. Запись диалектологических текстов из Кувейта // *Арабская филология.* М.: МГУ, 1968.
68. Шарбатов Г.Ш. Язык // *Объединенная Арабская Республика. Справочник.* М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968.
69. Шарбатов Г.Ш. *Совещание в ЮНЕСКО о современной арабской культуре* // *Новости ЮНЕСКО.* Париж. Июнь 1969. № 6.
70. Лебедев Е.А., Шарбатов Г.Ш. Конференция советских арабистов // *Азия и Африка сегодня.* 1969. № 9. С. 55.
71. Шарбатов Г.Ш. Как говорили каирцы 400 лет назад // *Коллоквиум по 1000-летию Каира. Тезисы докладов.* Каир, 1969. (на араб. яз.).
72. Шарбатов Г.Ш. Уникальная египетская рукопись в Ленинграде // *Аш-Шарк.* Каир. 1969. № 4. 06.04.1969. (на араб. яз.).
73. Шарбатов Г.Ш. Арабские рукописи в СССР и их изучение // *Аль Масалля ас-Суфийатийа.* Каир. 05.04.1969. (на араб. яз.).
74. Шарбатов Г.Ш. В.И. Ленин в арабской поэзии // *Ат-Тарик.* Бейрут. 1970. № 4-5. (на араб. яз.).
75. Шарбатов Г.Ш. В.И. Ленин и арабские читатели // *Аль-Мадар.* Бейрут. 1970. № 8. 22.04.1970. С. 19-21. (на араб. яз.).
76. Шарбатов Г.Ш. Арабские поэты о В.И. Ленине // *Народы Азии и Африки.* 1970. № 2. С. 93-99.
77. Шарбатов Г.Ш. Арабские литераторы о Ленине // *Азия и Африка сегодня.* 1970. № 4. С. 52-53.

78. Шарбатов Г.Ш. Марки палестинского сопротивления // *Азия и Африка сегодня*. 1970. № 6. С. 60.
79. Шарбатов Г.Ш. Уникальная рукопись Ю. аль-Магриби в Ленинграде. Лингвистический анализ // *Доклады международного коллоквиума по истории Каира*. Каир, 1970. (на араб. яз.).
80. Шарбатов Г.Ш. Системное соотношение литературного и диалектного языка арабов и вопросы языковой ситуации // *Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки*. М.: Наука, 1970. С. 78-84.
81. Шарбатов Г.Ш. Азхар, аль-Азхар (аль-Джами аль-Азхар) // *Большая Советская Энциклопедия*. 3-е изд. Том 1. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 302 (столбец 881).
82. Шарбатов Г.Ш. Амин I, Ахмед // *Большая Советская Энциклопедия*. 3-е изд. Том 1. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 524-525 (столбцы 1548-1549).
83. Луцкий В.Б., Шарбатов Г.Ш. Арабистика // *Большая Советская Энциклопедия*. 3-е изд. Том 2. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 140-141 (столбцы 408-411).
84. Шарбатов Г.Ш. Гаркави, Авраам Яковлевич // *Большая Советская Энциклопедия*. 3-е изд. Том 6. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 125 (столбец 362).
85. Шарбатов Г.Ш. Гиргас Владимир Федорович // *Большая Советская Энциклопедия*. 3-е изд. Том 6. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 552 (столбец 1643).
86. Шарбатов Г.Ш. Локальная маркированность семантических оппозиций в современном арабском литературном языке // *Вопросы семантики. Тезисы докладов (Дискуссия на расшир. заседании Филологической секции Учен. совета Ин-та востоковедения, февраль 1971 г.)*. М.: ИВ АН СССР, 1971. С. 211-212.
87. Шарбатов Г.Ш. Образ В.И. Ленина в арабской литературе // *В.И. Ленин и литература зарубежного Востока* / Редкол.: Чельшев Е.П. (пред.), Аганина Л.А., Брагинский И.С. и др. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1971. С. 222-259.
88. Шарбатов Г.Ш. Предисловие. Стихи о великом друге // *Арабские поэты о Ленине*. Бейрут: АПН. Дар аль-Фараби, 1971. С. 9-14. (на араб. яз.).
89. Шарбатов Г.Ш. Труд иракского ученого // *Азия и Африка сегодня*. 1971. № 3. С. 29.
90. Шарбатов Г.Ш. Общеарабский стандартный литературный язык и территориальное варьирование его уровней // *Всесоюзная конференция по социолингвистике*. М.: Наука, 1971.

91. Шарбатов Г.Ш. Говорят арабские писатели // *Аль-Мадар*. Бейрут. 1971. Том V. (на араб. яз.).
92. Шарбатов Г.Ш. Арабистика в Советском Союзе // *Аль-Мадар*. Бейрут. 1971. № 8. (на араб. яз.).
93. Шарбатов Г.Ш. Язык // В.Л. Бодянский. *Современный Кувейт (Справочник)*. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1971. С. 64-69.
94. Шарбатов Г.Ш. Египет. Языкознание // *Большая Советская Энциклопедия*. 3-е изд. Том 9. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 54 (столбцы 148-150).
95. Романов Б.В., Шарбатов Г.Ш. Языки Судана // *Демократическая республика Судан. Справочник*. М.: Наука, 1973.
96. Шарбатов Г.Ш. Население и этнокультурные особенности // *Страны и народы. Научно-популярное географо-этнографическое издание в 20 томах. Африка. Общий обзор. Северная Африка* / Редкол.: Ан.А. Громько и др. М.: Мысль, 1974. С. 51-84.
97. Шарбатов Г.Ш. Памяти Б.М. Гранде // *Народы Азии и Африки*. 1975. № 5. С. 244-245.
98. Шарбатов Г.Ш. Общеарабский стандартный литературный язык и территориальное варьирование его как важный социолингвистический фактор // *Социолингвистические проблемы развивающихся стран* / Отв. ред. Ю.Д. Дешериев. М.: Наука, 1975. С. 202-208.
99. Шарбатов Г.Ш. Арабский литературный язык и бахрейнский диалект // В.Л. Бодянский. *Современный Бахрейн (Справочник)* / ИВ АН СССР. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1976. С. 65-76.
100. Шарбатов Г.Ш. Язык (современные и древние языки и диалекты) // И.А.Александров. *Народная Демократическая Республика Йемен (Справочник)*. М.: Наука, 1976. С. 36-47.
101. Шарбатов Г.Ш. Типология категории числа в современных семитских языках (к вопросу о развитии вторичной внешней суффиксации) // *Типология как раздел языкознания. Тезисы дискуссии* / Институт востоковедения АН СССР; Науч. совет «Теория советского языкознания» АН СССР. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1976. С. 173-174.
102. Шарбатов Г.Ш. Предисловие // *Семитские языки* / Институт востоковедения АН СССР. Вып. 3. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1976. С. 3-4.
103. Шарбатов Г.Ш. Типы вариантности лексико-семантических противопоставлений в арабском литературном языке и их отражение в современных словарях // *Семитские языки* / Институт востоко-

- ведения АН СССР. Вып. 3. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1976. С. 184-191.
104. О значении изучения восточных языков для развития общего языкознания / авторы: В.М. Солнцев, И.Ф. Вардуль, В.М. Алпатов, А.Е. Бертельс, Н.Н. Коротков, Г.Д. Санжеев, Г.Ш. Шарбатов // *Доклады советской делегации к Международному симпозиуму «Теоретические вопросы восточного языкознания»*. М.: ИВ АН СССР, 1977. С. 3-24.
 105. Шарбатов Г.Ш. The Main Tendencies of Development of the Modern Arabic Dialects // *Kerzfassungen Abstracts Résumés. XII International Linguisten-Kongress*. Wien, 29.8-2.9.1977. Wien, 1977.
 106. Шарбатов Г.Ш. Методика прогнозирования развития современных арабских диалектов // *Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания»*. Часть 2. М.: ИВ АН СССР, 1977. С. 96-98.
 107. Шарбатов Г.Ш. Новые тенденции в арабском диалектном словообразовании и словоизменении // *Тезисы докладов III Всесоюзной конференции семитологов, посвященной памяти акад. Г.В. Церетели* / Академия наук Грузинской ССР Институт востоковедения им. акад. Г.В. Церетели. Тбилиси, 1977.
 108. Шарбатов Г.Ш. Советская арабистика за 60 лет // *Тезисы докладов III Всесоюзной конференции семитологов, посвященной памяти акад. Г.В. Церетели* / Академия наук Грузинской ССР Институт востоковедения им. акад. Г.В. Церетели. Тбилиси, 1977.
 109. Базиянц А., Шарбатов Г.Ш. Первый директор Центрального института живых восточных языков // *Азия и Африка сегодня*. 1978. № 8. С. 58.
 110. Шарбатов Г.Ш. Общность арабских народных пословиц и поговорок // *Ат-турас аш-шааби*. Багдад, 1980. № 11-12. С. 49-60. (на араб. яз.).
 111. Шарбатов Г.Ш. Послесловие // *Ал-Хамиси Абд-ар-Рахман. Мятёжная надежда: Стихи и поэмы*. М., 1982. С. 269-285.
 112. Шарбатов Г.Ш. Морфологическая вариативность в современной арабской диалектной речи // *Вариантность как свойство языковой системы (тезисы докладов)* / Институт востоковедения АН СССР. Часть 2. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1982. С. 127-129.
 113. Шарбатов Г.Ш. Методика прогнозирования развития современных арабских диалектов // *Теоретические проблемы восточного языкознания* / Институт востоковедения АН СССР. Часть третья. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1982. С. 70-76.

114. Шарбатов Г.Ш. О статусе арабских региональных обиходно-разговорных языков // *V Всесоюзная конференция по проблемам арабской культуры памяти академика И.Ю. Крачковского*. Тезисы докладов и сообщений. М., 1983. С. 70-72.
115. Шарбатов Г.Ш. Некоторые особенности разговорного языка в сравнении с литературным языком и диалектами в арабском мире // *Магаллат магма аль луго аль-арабия* {Журнал Академии арабского языка}. Т. 53. Каир, 1984. С. 204-211. (на араб. яз.).
116. Шарбатов Г.Ш. Катар: (Государство Катар) // *Зарубежный Восток: Языковая ситуация и языковая политика. Справочник* / ред. Никольский Л.Б., Солнцев В.М. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1986. С. 211-214.
117. Шарбатов Г.Ш. Языковая ситуация и языковая политика в арабских странах // *Зарубежный Восток: Языковая ситуация и языковая политика. Справочник* / ред. Никольский Л.Б., Солнцев В.М. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1986. С. 387-409.
118. Шарбатов Г.Ш. О трёхкомпонентной функциональной парадигме арабского языка и статусе арабских региональных обиходно-разговорных языков // *Проблемы арабской культуры. Памяти акад. И.Ю. Крачковского*. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1987. С. 200-206.
119. Sharbatov G.Sh. On the tripartite functional paradigm of the Arabic language (literary language, dialects, spoken languages) // *Linguistics. A Soviet Approach* / Bhakti P. Mallik, M.S. Andronov, Eds., Swapan Banerjee, Co-Editor. Calcutta: Indian Journal of Linguistics 1988. P. 189-197.
120. The study of Oriental languages : their importance for the development of general linguistics / V.M. Solntsev, I.F. Vardul, V.M. Alpatov, A.E. Bertels, N.N. Korotkov, G.D. Sanjeev, G.Sh. Sharbatov // *Linguistics. A Soviet Approach* / Bhakti P. Mallik, M.S. Andronov, Eds., Swapan Banerjee, Co-Editor. Calcutta: Indian Journal of Linguistics 1988. P. 3-25.
121. Sharbatov G. Arabic popular proverbs on labour as found in the dialects of the Arabian Peninsula and Iraq // *A Miscellany of Middle Eastern Articles in Memoriam Thomas Muir Johnstone, 1924-1983* / Ed. by A.K. Irvine, R.B. Serjeant, G. Rex Smith. Part 1. United Kingdom: Longman International Education Division (a Pearson Education company), 1989. P. 101-110.
122. Шарбатов Г.Ш. Моновокализм и бивокализм глагольных основ в арабских диалектах и разговорных языках (ареал, функция, система) // *Теоретические проблемы языков Азии и Африки. V Меж-*

- дународный симпозиум ученых социалистических стран. Тезисы докладов советской делегации / Институт востоковедения АН СССР. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1990. С. 132-136.*
123. Шарбатов Г. Ш. Особенности функционирования иранизмов в современном египетском обиходно-разговорном языке // *Ирано-афразийские языковые контакты*. Вып. 2. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1991. С. 114-124.
 124. Г.Ш. Шарбатов. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки // *Языки Азии и Африки*. [Том] IV. Афразийские языки. Книга 1. Семитские языки / Отв. ред. И.М. Дьяконов, Г.Ш. Шарбатов / Академия наук СССР, Институт востоковедения. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1991. С. 250-330.
 125. Шарбатов Г.Ш. Предисловие к стихам саудовского поэта Абд аль-Азиза Ходжи // *Дипломат*. 1995. № 3.
 126. Шарбатов Г.Ш. Неологизмы в современном арабском литературном языке // *Журнал академии арабского языка*. Дамаск, 1995. № 3. (на араб. яз.).
 127. Шарбатов Г.Ш. К проблеме выделения стилевых уровней лексики арабских обиходно-разговорных языков // *Восточное языкознание. К 80-летию Ю.А.Рубинчика*. М.: Вост. лит., 2003. С. 235-239.
 128. Шарбатов Г.Ш. О статусе заимствованных морфем в современных арабских обиходно-разговорных языках (ОРЯ) // *Языки Азии и Африки: традиции, современное состояние и перспективы исследований. Материалы научной конференции 5-8 октября 1998 г.* / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 1998. С. 147-149.
 129. Шарбатов Г.Ш. Арабский литературный язык и современные диалекты Аравии // *Современная Саудовская Аравия* / Отв. ред. В.А. Исаев, А.О. Филоник. М.: ИИИиБВ и ИВ РАН, 1998. С. 37-43.
 130. Шарбатов Г.Ш. Современная саудовская литература // *Современная Саудовская Аравия* / Отв. ред. В.А. Исаев, А.О. Филоник. М.: ИИИиБВ и ИВ РАН, 1998. С. 218-230.
 131. Шарбатов Г.Ш. Расширение омонимии в арабских разговорных языках как следствие их типологической эволюции // *Сборник трудов научно-практической конференции по проблемам арабистики : посвящ. памяти Владимира Николаевича Красновского* / МГИМО(У) МИД РФ; ред.: А.В. Торкунов, Ю.А. Булатов, Н.К. Усманов и др. М.: МГИМО, 1999.
 132. Шарбатов Г.Ш. Рождение тунисского романа (Рец. на книгу Н.К. Усманова «Современный тунисский роман») // *Арабский мир и Евразия*. 2001. № 2. С. 60.

133. Шарбатов Г. Ш. Трудно ли читать хадисы? (Рец. на книгу В.В. Лебедева «Читаем хадисы по-арабски») // *Арабский мир и Евразия*. 2001. № 2. С. 39.
134. Шарбатов Г.Ш. Роль вторичного корнеобразования в развитии словарного состава арабских обиходно-разговорных языков // *Восточное языкознание. К 80-летию Ю.А. Рубинчика*. М.: Вост. лит., 2003. С. 315-321.
135. Шарбатов Г.Ш. К проблеме выделения мягких и твердых согласных фонем в арабских диалектах и обиходно-разговорных языках // *Арабская филология*. Вып. 2. М.: Гуманитарий, 2004. С. 191-197.
136. Шарбатов Г.Ш. The development of the secondary root formation in the Arab colloquial speech // *XXXVII Международный конгресс востоковедов. Тезисы. XXVII International Congress of Asian and North African Studies. Abstracts*. М.: ИВ РАН, 2004. С. 181-182.
137. Шарбатов Г.Ш. Развитие вторичного корнеобразования в разговорной речи арабов // *XXXVII Международный конгресс востоковедов. Тезисы. XXVII International Congress of Asian and North African Studies. Abstracts*. М.: ИВ РАН, 2004. С. 182-184.

V. Публикации в средствах массовой информации

138. Шарбатов Г.Ш. Soviet Arabic Studies // *Moscow News*. 22.III.1958.
139. Шарбатов Г.Ш. Конференция сторонников мира Ирака // *Бюллетень АПН в странах Юго-Восточной Азии*. М., апрель 1959.
140. Шарбатов Г.Ш. Изучение арабских рукописей в Советском Союзе // *Аль-Ахрам* (газета). Каир. 4 января 1963 г. (на араб. яз.).
141. Шарбатов Г.Ш. Советские ученые исследуют проблемы арабского языка и литературы // *Аль-Анба Суфийатунна* (газета). Бейрут. 20.12.1965. (на араб. яз.).
142. Шарбатов Г.Ш. Александрийские творения (стихи о Ленине в ОАР) // *Огонёк*. 1970. Январь. № 2. С. 8.
143. Шарбатов Г.Ш., Наровчатов С.С. Любовь полноводная, как Нил // *Литературная газета*. 1969. № 10. 05.03.1969.
144. Шарбатов Г.Ш. Там, где сливаются два Нила // *Анба Моску* (газета). 26.04.1969. (на араб. яз.).
145. Шарбатов Г.Ш. Ленин и Египет // *Аль-Ахбар* (газета). Каир. 16.04.1969. (на араб. яз.).
146. Шарбатов Г.Ш. Почему аль-Джахиз приезжал в Москву? (об изучении арабской литературы в СССР) // *Аль-Айям* (газета). Хартум. 05.02.1969. (на араб. яз.).

147. Шарбатов Г.Ш. Как Абу-ль-Аля аль-Маарри путешествовал из Каира в Москву (об изучении арабских рукописей в СССР) // *Аль-Айям* (газета). Хартум. 06.02.1969. (на араб. яз.).
148. Шарбатов Г.Ш. Дети в Советском Союзе говорят по-арабски // *Аль-Айям* (газета). Хартум. 07.02.1969. (на араб. яз.).
149. Шарбатов Г.Ш. Изучение арабского классического наследия в СССР // *Аль-Айям* (газета). Хартум. 10.02.1969. (на араб. яз.).
150. Шарбатов Г.Ш. О чем поведал мне аль-Махди (О новой жизни в Судане) // Газета «Аль-Айям». Хартум. 11.02.1969. (на араб. яз.).
151. Шарбатов Г.Ш. Ленин в арабской литературе // *Анба Моску* (газета). 28.03.1970. (на араб. яз.).
152. Шарбатов Г.Ш. Произведения В.И. Ленина на арабском языке // *Анба Моску* (газета). 21.03.1970. С. 5. (на араб. яз.).
153. Шарбатов Г.Ш. О поэзии Тауфика Зайяда // *Анба Моску* (газета). 04.04.1970. (на араб. яз.).
154. Шарбатов Г.Ш. Марки палестинского сопротивления // *Ан-Нуда* (газета). Бейрут. 15.04.1970. (на араб. яз.).
155. Шарбатов Г.Ш. Арабские литераторы рассказывают о Ленине // *Аль-Ахбар* (газета). Бейрут. 19.04.1970. (на араб. яз.).
156. Шарбатов Г.Ш. Арабские поэты и Ленин // *Анба Моску* (газета). 19.04.1970. (на араб. яз.).
157. Шарбатов Г.Ш. Ленин в поэзии палестинского сопротивления // *Аль-Кидах* (газета). Бейрут. 20.04.1970. (на араб. яз.).
158. Шарбатов Г.Ш. Изучение новой истории арабских стран в СССР // *Аль-Баас* (газета). Дамаск. 21.04.1970. (на араб. яз.).
159. Шарбатов Г.Ш. Арабская литература в советских исследованиях // *Аль-Баас* (газета). Дамаск. 22.04.1970. (на араб. яз.).
160. Шарбатов Г.Ш. Ленин в творчестве писателей и поэтов Ливана // *Ан-Нуда* (газета). Бейрут. 22.04.1970. (на араб. яз.).
161. Шарбатов Г.Ш. Сирийские поэты о Ленине // *Аль-Баас* (газета). Дамаск. 24.04.1970. (на араб. яз.).
162. Шарбатов Г.Ш. Приветственное слово поэту Риддвану аш-Шаххалю и его поэме «Ленин» // *Аль-Ахбар* (газета). Бейрут. 16.05.1970. (на араб. яз.).
163. Шарбатов Г.Ш. Ленин в песнях Нильской долины // *Аль-Джумхурия* (газета). Дамаск. 28.04.1970. (на араб. яз.).
164. Шарбатов Г.Ш. Советско-арабские культурные связи // *Аль-Джумхурия* (газета). Багдад. 28.04.1970. (на араб. яз.).
165. Шарбатов Г.Ш. Как узнал аль-Джавахири о поездке аль-Мутанабби в Россию // *Ас-Саура* (газета). Багдад. 28.04.1970. (на араб. яз.).

166. Шарбатов Г.Ш. Изучение экономики Ирака в СССР // *Аль-Джумхурия* (газета). Багдад. 29.04.1970. (на араб. яз.).
167. Шарбатов Г.Ш. Новая история Ирака в советских исследованиях // *Ас-Саура* (газета). Багдад. 29.04.1970. (на араб. яз.).
168. Шарбатов Г.Ш. Символ жизни (Ленин о Египте) // *Правда*. 06.05.1970.
169. Шарбатов Г.Ш. Ленин в сирийской поэзии // *Аль-Маарифа* (журнал). Дамаск. Май 1970. № 99. (на араб. яз.).
170. Шарбатов Г.Ш. Ленинская поэма из Египта // *Огонёк*. Июнь 1970. № 25.
171. Шарбатов Г.Ш. О поэтическом сборнике М. Бсису // *Аль-Ахбар* (газета). Бейрут. 07.06.1970. (на араб. яз.).
172. Шарбатов Г.Ш. Ленин и авангард литераторов Арабского Востока // *Лотос* (журнал). Каир. 1970. Том 2. Вып. 2. (на араб. и европ. яз.).
173. Шарбатов Г.Ш. Арабские поэты о Ленине // *Лотос* (журнал). Каир. 1970. Том 2. Вып. 6. (на араб. и европ. яз.).
174. Шарбатов Г.Ш. Арабская поэма о Ленине // *Иностранная литература*. 1971. № 4.
175. Шарбатов Г.Ш. Развитие социальной драмы Египта // *Анба Моску* (газета). 14.08.1976. (на араб. яз.).
176. Шарбатов Г.Ш. Исследование о муаллаках // *Анба Моску* (газета). 11.09.1976. (на араб. яз.).
177. Шарбатов Г.Ш. Предисловие к поэме А. Аль-Хамиси // *Огонёк*. 1980. № 3.
178. Шарбатов Г.Ш. Поэт и дипломат // *Трибуна ислама* (газета). М., 10.10.1995.
179. Шарбатов Г.Ш. Изучаем историю и культуру Саудовской Аравии // *Трибуна Ислама* (газета). 01.01.2000 г.

VI. Работа в качестве редактора, составителя, переводчика, автора предисловий, примечаний, комментариев

VI.1 Научно-исследовательская и учебная литература

180. *Арабско-русский разговорник*. Сост. рус. текста С. Неверов. Пер.: Самир Адхам и Г. Шарбатов. Ред. Ильяс Шахин и В. Ломакин. М., 1960. 404 с.
181. *Современная арабская литература*. Сборник статей. Пер. с арабского. Сост., отв. ред., автор предисл. Г.Ш. Шарбатов. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 192 с.

182. *Арабские народные пословицы и поговорки*. Перевод с арабского / Сост. и перевод Г.Ш. Шарбатова. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 61с.
183. *Семитские языки*. [Вып. 1] / Институт народов Азии АН СССР. Отв. ред. Г.Ш. Шарбатов. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 250 с.
184. *Семитские языки. Вып. 2. Часть 1. Материалы Первой конференции по семитским языкам 26-28 октября 1964 г.* / Отв. ред. Г.Ш. Шарбатов. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1965. 362 с.
185. *Семитские языки. Вып. 2. Часть 1. Материалы Первой конференции по семитским языкам 26-28 октября 1964 г.* Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. Г.Ш. Шарбатов. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1965. 362 с.
186. *Семитские языки. Вып. 2. Часть 2. Материалы Первой конференции по семитским языкам 26-28 октября 1964 г.* / Отв. ред. Г.Ш. Шарбатов. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1965. С. 369-744.
187. *Семитские языки. Вып. 2. Часть 2. Материалы Первой конференции по семитским языкам 26-28 октября 1964 г.* Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. Г.Ш. Шарбатов. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1965. С. 369-892.
188. *Семитские языки*. Вып. 3. / Институт востоковедения АН СССР. Отв. ред. Г.Ш. Шарбатов. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1976. 282 с.
189. Белова А.Г. *Синтаксис письменных текстов в арабском языке* / Институт востоковедения АН СССР. Отв. ред. Г.Ш. Шарбатов. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1985. 126 с.
190. *Ирано-афразийские языковые контакты*. Вып. 1 / Отв. ред. Шарбатов Г.Ш. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1987. 172 с.
191. *Ирано-афразийские языковые контакты*. Вып. 2 / Отв. ред. Шарбатов Г.Ш. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1991. 132 с.
192. *Языки Азии и Африки*. [Том] IV. Афразийские языки. Книга 1. Семитские языки / Отв. ред. И.М. Дьяконов, Г.Ш. Шарбатов; гл. ред. издания чл.-корр. АН СССР В.М. Солнцев; издание основано чл.-корр. АПН СССР, проф. Г.П. Сердюченко / Академия наук СССР, Институт востоковедения. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1991. 447 с.
193. *Языки Азии и Африки*. [Том] IV. Афразийские языки. Книга 2. Кушитские языки. Ливийско-гуанчские языки. Египетский язык. Чадские языки / Отв. ред. И.М. Дьяконов, Г.Ш. Шарбатов; гл. ред. издания чл.-корр. АН СССР В.М. Солнцев; издание основано чл.-корр. АПН СССР, проф. Г.П. Сердюченко / Академия наук СССР, Институт востоковедения. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1991. 399 с.

194. Белова А.Г. *Химьяритский язык*. Ареальные исследования (к истории арабского языка). Отв. ред. Г.Ш. Шарбатов. М.: Вост. лит., 1996. 190 с.

VI. 2. Художественная литература

195. *Место на земле*. Рассказы современных египетских писателей : пер. с арабского / Сост. В. Борисов; Худож. Ю. Соостер; Пер. В. Борисов, Д. Юсупов, А. Султанов, О. Ковтунович, Г. Шарбатов, Г. Батурич, Д. Баширов, Ю. Султанов. М.: Гос. изд-во детской лит-ры, 1957. 176 с.
196. *Арабские поэты о Ленине* / сост., автор предисл. Г.Ш. Шарбатов. Бейрут: Изд-во «аль Фараби», 1971. 149 с. (на араб. яз.).
197. *Юсеф эс-Сibaи. Добрейшие люди*. Рассказы / Сер. Библиотека «Огонек» № 19 (1972). Перевод: Л. Сапожникова, В. Хрулева, Е. Голубовская, Г. Шарбатов, Б. Романов, С. Сухин. М.: Изд-во «Правда», 1972. 47 с.
198. Аль-Хамиси, Абд ар-Рахман. *Монолог* [Текст] : Стихи / Сер. Библиотека «Огонек», . № 12 (1973) / Пер. с араб. Г. Ашкинадзе ; сост. и предисл. Г.Ш. Шарбатова. М.: Изд-во «Правда», 1973. 31 с.
199. Аль-Хамиси, Абд ар-Рахман. *Мятежная надежда* : стихи и поэмы : пер. с араб. / Вступ. слово А.В. Софронов. Послесл. Г.Ш. Шарбатов. М.: Прогресс, 1982. 288 с.
200. Абд аль-Азиз Ходжа. *Странствуя в ее глазах* : [Стихи : Перевод] / Сост., предисл., с. 7-30, и примечания Г.Ш. Шарбатова; Ил. А.Ю. Никулин]. М.: Изд. группа «Прогресс- Культура», 1994. 175 с.
201. Абд аль-Азиз Ходжа. *Весь мир в твоих глазах* : [Стихи] (на аварском яз.). Пер., предисл. Расула Гамзатова. Сост., предисл., примечания Г.Ш. Шарбатова. Махачкала: Дагест. книжное изд-во, 1995. 127 с.

А.Г. Шарбатова
ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова,
Дипломатическая академия МИД РФ
(Москва)

В кругу коллег и коллег-друзей (по-разному о разном)

Григорий Шамилевич Шарбатов родился и жил в большой дружной и доброй семье. Теплота, взаимопомощь и открытость сохранялись в родственных отношениях до самых последних дней, то есть всегда. Такое же дружелюбие и участие в судьбе Григорий Шамилевич проявлял и к окружающим, причем всегда искренне. Многие коллеги и окружающие с симпатией или юмором относились к его искренности и непривычно-избыточной чистоте души, некоторой наивности в бытовых ситуациях или в оценке поведения ряда непозитивных персонажей, но всегда, не задумываясь, пользовались его добротой и обращались к нему, без какой-либо застенчивости или сдержанной скромности, по любым вопросам – и личным, и деловым-рабочим.

За доброту и открытость, коллегиальное взаимодействие, контактность и постоянную готовность к конкретной бескорыстной помощи Григория Шамилевича очень любили иностранные коллеги из разных стран со всех континентов, с которыми он общался в течение всей жизни на многочисленных симпозиумах, конференциях, научных мероприятиях и в международных востоковедных событиях, как в своей стране, так и за рубежом. Особенно, конечно, Г.Ш. Шарбатова ценили и любили представители арабских стран самого разного уровня – от президентов до рядовых граждан. И часто говорили ему с восхищением: «Антум Шарбат!» (т.е. «Вы – очень милый добрый человек!»)

Дерево арабистики

Ветвистое и мощно развивающееся дерево современной арабистики уходит корнями в древние царства, которые сменя-

ли друг друга на территории Аравии, Персии, Ассирии, Вавилона, в более поздние времена – в османскую, персидскую и африканские цивилизации, а также в истоки христианства и ислама, зародившихся на Ближнем Востоке.

В Российской империи, как хорошо известно, востоковедение возникло как следствие удач и неудач в Крымской войне. По указанию матушки-императрицы был создан особый департамент, где, конечно, особое место отводилось изучению истории, языка и культуры соседей – Турции и Ирана. Поэтому исходно все востоковеды империи изучали турецкий и персидский. И даже «окунувшись» в арабистику, продолжали писать исследования по этим языкам и любить их беззаветно. Неслучайно, что часть основополагающих грамматических терминов в пособиях по арабскому языку имеют тюркское происхождение («кизафет», например), а структура первых пособий и хрестоматий по арабскому языку полностью отражает структуру ранее созданных пособий и хрестоматий по турецкому и персидскому языкам. Причем с самого начала в этом «широком» востоковедении работали и творили «носители языка», что было нестандартно для других филологий, а российские востоковеды активно путешествовали по Ближнему Востоку и практически работали с восточными языками в России. Профессор Х.К. Баранов, например, всегда гордился своей переводческой практикой с турецким языком и рассказывал студентам о перипетиях профессии. Т.е. арабистика сразу возникла и как теоретическое, и как практическое направление. А арабисты-основатели в России всегда были энциклопедистами в своей профессии и передавали этот опыт своим последователям.

Арабистика в России – результат практической необходимости для существования русской общины в Палестине и контактов Российского палестинского общества (РПО). Следовательно, исторически арабистика базируется на арабском христианском наследии. Количество российских паломников в святые земли множилось год от года. Отделения РПО стали работать в столице империи в Санкт-Петербурге и в Москве. Горстка существовавших тогда востоковедов, среди которых был и И.Ю. Крачковский, влилась в деятельность РПО по распоряжению департамента иностранных дел. зарабо-

тали курсы арабского языка. В результате иранисты и тюркологи расширили свое энциклопедическое образование, а в дальнейшем стали столпами-основателями современной отечественной арабистики.

С самого начала в РПО преподавали арабы-христиане, они – создатели первых пособий по арабскому языку, хрестоматий по арабской литературе, словарей арабского языка. Все создавалось вручную, в полном соответствии со знаниями конкретных прикомандированных специалистов и их представлениями о преподавании. Как и все арабисты возрожденной арабистики в СССР, Г.Ш. Шарбатов учился по пособию, хрестоматии и словарю сирийца Михаила Осиповича Аттая (1852-1924) и по учебнику и хрестоматии Клавдии Викторовны Оде-Васильевой (Кельсум Ауда, 1892-1965). Кстати, первое пособие по арабскому языку профессор Аттай подготовил в 1884 г. для Казанского университета (первый центр востоковедения в России и самый большой в Европе того времени), где по нему, в частности, учил арабский язык будущий великий русский писатель Л.Н. Толстой, мечтавший о карьере дипломата. М.О. Аттай создал фонд Лазаревского института, базу отечественного востоковедения. В благодарность и с восхищением Г.Ш. Шарбатов в соавторстве с А. Базиянцем написал статью о М.О. Аттая: «Первый директор Центрального института живых восточных языков».

Впоследствии Григорий Шамилевич написал книгу «Арабистика в СССР», где изложил хронологию развития отечественной арабистики в XX веке.

Благословенный Египет и Бессмертные на Ниле

Египет, Нил, Каир, Каирский университет – волшебная сказка, нежданно-негаданно ставшая явью. Первая любовь на Ближнем Востоке, сохранившаяся на всю жизнь. Точно, как в арабской пословице: «Кто хоть раз испил воду Нила, остался с ним сердцем навсегда».

Полгода научной стажировки в Каирском университете, на филологическом факультете, кафедре арабской филологии – бесценный подарок лично от президента Гамалия Абдель Насера. Поездка, которая осталась в памяти, как самое незабываемое

мое и самое счастливое событие в профессиональной жизни и как дополнительная неопубликованная сказка из любимой книжки «1001 ночь». Миллион новых впечатлений, миллион новых знакомств, миллион новых знаний и много-много солнца каждый день.

В университете Григория Шамилевича приняли очень доброжелательно. Очень быстро завязались дружеские отношения со многими коллегами, которые сохранились на всю жизнь. Обменивались новостями, книгами, статьями. Григорий Шамилевич был включен в список постоянных адресатов рассылки сборника статей Каирского университета. Многие коллеги по кафедре были ровесниками, в дальнейшем заняли большие посты в учреждениях высшей школы Египта, в организациях культуры, издательского дела и просвещения.

В те времена было принято, чтобы в процессе образования будущей элиты египетского общества принимали участие не только профессора университета, но и ведущие творцы и умы Египта. Лекции читали такие столпы общеарабской культуры, как Таха Хусейн, Тауфик аль-Хахим, Юсеф Идрис, крупнейшие поэты и энциклопедисты того времени.

Это была эпоха возрождения освободившегося Египта, начала новой жизни и формирования нового общества. Рушились старые традиции, зарождались новые. Наиважнейшие направления того времени – культура и просвещение в народные массы, история и культурное наследие в народ, народное творчество как главная ценность для всех. Стали создавать сборники стихов на диалекте, изучать живые диалекты Египта, хотя раньше разговорные языки квалифицировались как низкий стиль и как языки, не входящие в литературный арабский язык.

На кафедре стали увлеченно разрабатывать методику изучения разговорных языков. Увлёкся этой темой и Григорий Шамилевич. Он ездил по всему Египту, посещал большие города и маленькие деревушки и везде записывал разные варианты разговорной речи. Продолжил эту работу и в последующие многочисленные командировки в ОАР. В результате его работа была принята на кафедре Каирского университета как ценная и практически важная. Было множество интервью на телевидении Египта, много публикаций в «Аль-Ахрам» и других араб-

ских изданиях. Журналисты назвали его в своих статьях «доктор Хиггинс египетского диалекта». Во время интервью предлагали разгадать, откуда те или иные диалектальные слова и выражения, и, к великому изумлению журналистов, Григорий Шамилевич всегда безошибочно определял область Египта, городской или деревенский вариант, частенько угадывал географическое название, откуда были загаданные примеры из диалекта.

Впоследствии Григорий Шамилевич стал первым арабистом в СССР, который написал научный труд по изучению разговорного арабского языка. И, конечно, труд был посвящен любимейшим египетским диалектам.

Профессора-филологи Каирского университета одновременно занимались и научной работой. Была задумана эпохальная работа – создание Толкового словаря современного арабского языка. Работа была поддержана на самом высоком уровне страны, и в Академии наук Египта закипела работа. Историческое название академии – «Собрание Бессмертных». Звание академика было очень почетным и пожизненным. Лингвистические и литературоведческие исследования Григория Шамилевича настолько восхитили академиков-филологов, что его пригласили участвовать в создании Толкового словаря на постоянной основе. Тем более что он занимался филологией в целом, как принято в египетской и общерабской науке, а не фрагментарными темами и дробными аспектами либо лингвистики, либо литературоведения, как принято в европейской науке.

Заседания бессмертных академиков проводились в центре Каира, на берегу Нила, в здании Академии – ежегодно, весной, как правило, после рамадана. Работа длилась целую неделю и велась интенсивно, состояла из сессий. Заседания были многочасовыми, очень серьезными и интересными. Тщательно обсуждался каждый раздел, термин, фразеологизм. Заслушивались все мнения и замечания, в заключение принималось коллегиальное решение, которое фиксировалось на бумаге. Но эту недельную работу предваряла круглогодичная работа: на последней сессии раздавались задания для изучения на следующий год, и все участники должны были проработать задания и присылать свои результаты в Академию в течение всего года. Словарные статьи составлялись в алфавитном порядке. В са-

мом начале решили обрабатывать в год по две буквы арабского алфавита. Но на практике задача оказалась тяжелой и непосильной, поскольку первые буквы арабского алфавита очень объемные. Поэтому в дальнейшем стали ограничиваться одной буквой в год.

Григорий Шамилевич был единственным иностранным членом коллегии по созданию Толкового словаря современного арабского языка. В Институте востоковедения это участие очень ценилось и приветствовалось. Бессмертные ежегодно присылали приглашение на весеннюю сессию, так как в течение года получали результаты работы по новой букве словаря и ценили их так же высоко, как и личное участие московского профессора в устных дискуссиях во время сессий. 17 лет подряд Григорий Шамилевич ездил в Каир и добросовестно трудился на благо любимой арабистики. Но потом в секретариате Академии наук СССР поменялись референты, а новый сотрудник решил, что такая работа нашей стране не нужна и перестал передавать в ИВ АН СССР приглашения от египетской академии наук, которые продолжали ежегодно приходить в Москву.

В Москве Григорий Шамилевич решил создать Словарь египетского разговорного языка, так как обладал прогностическим умом и предвидел, что арабский мир будет развиваться в сторону увеличения доли разговорных языков за счет развития медийных средств и за счет самой логики развития арабского общества. Он первый применил термин «арабские разговорные языки», т.е. системно-структурные образования, которые включают в себя и диалекты, и говоры, и пр. Но до него был принят только термин «диалекты», в который бессистемно включали все, что вне литературного языка. Идея создания словаря, хоть и с немалыми препятствиями, да и не сразу, но была поддержана и директором института, и в Президиуме Академии наук. Был создан план-проект, работа началась. Закончилась она лишь в конце жизни, так как исторические перемены в стране отразились и на работе.

Во время множественных путешествий к любимому Нилу Григорий Шамилевич познакомился со многими замечательными людьми, как арабами, так и соотечественниками, с которыми сохранялись добрые дружеские отношения в течение

всей жизни. Писатели, поэты, профессора и академики с египетской стороны, среди которых Юсеф Идрис, Абдурахман аль-Хамиси, Мухаммед аль-Бадави и др., корреспонденты и представители государственных учреждений с советской стороны, среди которых Е.М. Примаков, Н.К. Коцарев, О.В. Ковтунович, А.А. Агарышев и др.

В Египте, работая в Каирском университете и в Академии бессмертных, Григорий Шамилевич очень заинтересовался арабскими пословицами и поговорками, так как оказалось, что, с одной стороны, они очень важны для языковой экспрессии, частотны в употреблении как в устном разговорном языке, так и в письменных произведениях и даже в газетном языке, а с другой – очень образны и помогают понять специфику арабского языка структурно и семантически, но при этом передают реалии и многовековой опыт народа, которые имеют параллели в пословицах и поговорках других народов. Арабские коллеги утверждали, что пословицы и поговорки в арабском мире имеют больший процент использования в письменном и устном вариантах языка, чем в других языках и странах, и включали их в качестве примеров в толковый словарь и учебные пособия. Поэтому Григорий Шамилевич включал во все издания Учебника арабского языка пословицы и поговорки в разные разделы, а также написал и издал книгу «Арабские народные пословицы и поговорки», собрав для нее самые употребительные фразеологизмы. Этот сборник пословиц до сих пор актуален и чрезвычайно полезен для профессионального становления арабистов.

Творческая лаборатория

Самое любимое место для бесконечной работы и короткого, но активного отдыха – Подмосковье, дача. Там прошло более полувека, там были созданы почти все научные труды. И работалось там совсем по-другому, как признавался Григорий Шамилевич. На свежем воздухе, в тени деревьев, за огромным деревянным столом, на котором размещалась большая картотека и много словарей и книг, которые были нужны для создания конкретного словаря или статьи. Были придуманы и сделаны своими руками специальные приспособления, которые позволяли работать при любой погоде в саду, за любимым столом.

Зеленый цвет – самый любимый, природа – предмет бесконечного восхищения. Летом собирались красивые листочки – молодого папоротника, дуба, подорожника, березы, майской нежгучей крапивы. Они бережно раскладывались в «настольные» книги между страницами, а потом, в холодную пору, радовали, когда неожиданно попадались на глаза, бережно сохранялись. На даче жили не менее полугода, с середины апреля по октябрь, а когда появились внуки – круглый год. Зимой и в межсезонье работа кипела на светлой террасе. И всегда спорилась. Вечером – обязательная часовая прогулка с друзьями-соседями, утром и в середине дня – зарядка, как средство борьбы с «очень-очень усидчивым» видом научного труда и творчества.

Свою дачу иметь категорически не хотелось, чтобы не мучиться с крайне нелюбимыми хозяйственными проблемами. Поэтому, несмотря на постоянные пожелания семьи, всегда жили на съемной даче. Вначале проводили лето рядом с семьей друзей – Мохаммеда аль-Массарани – по Северной железной дороге, где и пристрастились к дачной жизни, а с 1960 и до самого конца – по Белорусской железной дороге, в 25 км от Москвы.

В начале 60-х XX века, будучи в командировке в ОАР, Григорий Шамилевич познакомился в Каире с доброжелательной и веселой семьей сотрудника ССОД (Союза советских обществ дружбы), арабиста Араслы Эльмана Гамидовича. Когда семья приехала в Москву, созвонились, и Эльман Гамидович пригласил в гости на дачу (дача принадлежала академику Амирасланову, отцу его супруги Эльвиры). Было много гостей (взрослых и детей) и очень весело, гуляли по поселку и отдыхали. Григорий Шамилевич поинтересовался, нет ли здесь свободной дачи, так как поселок был очень благоустроенный. Через час расспросов у соседей выяснилось, что есть. С семьей Араслы остались теплые дружеские отношения на многие-многие годы, дачная дружба оказалась крепкой, да и общих знакомых было очень много. Более того, встречались не только на многочисленных мероприятиях в Доме дружбы в Москве, но и за рубежом, в частности в Ираке, когда Григорий Шамилевич ездил в командировки в Багдад, а Эльман Гамидович работал там представителем ССОД.

В результате семья Григория Шамилевича переехала в академический поселок Дачи-2. Правда, перед переездом пришлось получить специальное разрешение в Академии наук СССР, так как поселок был «слегка» закрытым, как оказалось. Когда я училась в старших классах школы, никак не могла понять, почему в учебниках по физике и химии были черно-белые портреты тех ученых, которых я всегда встречала на даче на прогулке. Я ведь в детстве и не знала, что они создавали лазер, космические ракеты, электронику и прочее необходимое для страны и всемирной науки. Кроме физиков и химиков в поселке было еще много геологов, немного биологов и единичные представители других наук. Даже было два филолога: академик М.Б. Храпченко, который, впрочем, приезжал на дачу крайне редко, и член-корреспондент С.Г. Бархударов, который по полгода жил на даче. В поселке царил очень доброжелательная атмосфера и существовал свой особый мир.

Как-то раз, отдыхая в санатории в Кисловодске, Григорий Шамилевич познакомился с Николаем Осиповичем Рубаном, знаменитым тенором. Рубан оказался многолетним фанатом спортивного (не пляжного) бадминтона. Собрал на отдыхе команду симпатичных себе людей, обучил их этому виду спорта и устроил соревнования.

Григорий Шамилевич приехал домой очарованный Николаем Рубаном и навсегда влюбленным в бадминтон. Добился, чтобы на свободном участке в поселке сделали профессионально сделанную и размеченную площадку, приобрели нужное оборудование. Далее он всех увлек игрой и обучил всех – от мала до велика – этой замечательной игре. Проходили постоянные соревнования, жители поселка специально пораньше приезжали из Москвы накануне своих матчей, было четкое расписание плей-офф. И Григорий Шамилевич был очень известен и уважаем в поселке. Эта азартно-спортивная жизнь длилась около 20 лет. И бадминтон – единственное, из-за чего Григорий Шамилевич мог ненадолго отложить свою работу со словарями. Хотя на каждый день у него всегда был написан четкий план: сколько написать страниц, какие намечены встречи, какие звонки, какие мероприятия надо посетить.

Часто, в основном в выходные, приезжали гости, как правило, близкие друзья. Александр Александрович Ковалев очень любил дачу, шашлыки, поход в лес за грибами. Всегда много шутил и играл с нами, детьми. Ведь он знал нас с самого рождения и даже чуть-чуть раньше. Мы радовались его приезду, так как привыкли часто его видеть в Москве – жили рядышком в Черемушках, в 10 минутах ходьбы. Он захаживал к нам в гости, и просто встречались на улице, в магазине.

Дачи-2 заселялись в три этапа. В середине 60-х Академия дала разрешение построить новые дачи на свободных участках. И в результате в поселке появилась семья историков: академик Бободжан Гафурович Гафуров и доктор исторических наук Капитолина Александровна Гафурова. Они не очень часто приезжали на дачу, но каждый приезд был праздником. Бободжан Гафурович был очень добрым и веселым человеком, любил подолгу играть с детьми, придумывал разные смешные розыгрыши. Очень любил, когда приезжала его племянница Разия, не мог на нее наглядеться. Когда Гафуровы приезжали на дачу, непременно приглашали к себе в гости. Всегда было праздничное застолье, открытое общение, интересные разговоры. Отсутствовала официальщина или деловые разговоры.

Когда я выросла, узнала, что А.А. Ковалев и Б.Г. Гафуров работали директорами у себя на работе и многие считали их строгими и суровыми в общении. На работе они соблюдали правила субординации и все другие нужные на работе правила.

Академика Б.Г. Гафурова очень почитали в арабских странах и часто присылали официальные приглашения на различные научные конференции и симпозиумы. Но он лишь пару раз посетил арабский мир, так как был очень занятым человеком. Дважды он ездил на важные мероприятия с Григорием Шамилевичем. Однажды на переговорах в Каире возникла ситуация, когда надо было быстро принять решение, а для этого – обсудить между собой некоторые детали, не ставя о них в известность окружающих. Но на переговорах было очень много людей, и было неизвестно, владеет ли кто-либо из них русским языком или нет. Неожиданно Бободжан Гафурович повернулся к Григорию Шамилевичу и сказал: «Давайте гово-

речь на родном языке: вы на своем, а я – на своем, попробуем». И, к удивлению высокопоставленных арабских чиновников, советские гости заговорили на непонятном им языке. Так иранские языки помогли решить серьезные задачи – в нужном месте, в нужное время.

В конце 80-х гг. не стало хозяйки, у которой мы снимали дачу, но наследники разрешили пожить в доме до конца лета. Пришлось искать новое пристанище, было очень грустно, так как Григорий Шамилевич не представлял себя вне дачной жизни в этом поселке. Как-то в субботу к нам зашла Капитолина Александровна Гафурова. После утраты супруга она довольно редко приезжала на дачу, трудно было добираться. Оказывается, до нее дошел слух о том, что произошло. Она очень уважала папу и знала, что дача для него – это практически его рабочий кабинет, и предложила: «Если ничего не найдете, переезжайте ко мне в летний домик, а когда меня не будет на даче, то в основной». Так и получилось, она спасла нас на много-много лет, всегда была доброжелательна и внимательна. Несколько лет подряд я жила у нее круглый год, мы много общались и беседовали. Благодаря ей я полюбила науку историю, узнала очень много удивительного. Капитолина Александровна была кладезем знаний и очень интересным собеседником. Меня всегда трогало, насколько она глубоко чтит память мужа и сохраняла все его вещи и фотографии в прекрасном состоянии, заботилась о них. Григорий Шамилевич был всегда благодарен ей за искреннее общение и незаменимую помощь.

Самой близкой по духу семьей в поселке была семья члена-корреспондента АН СССР С.Г. Бархударова. Это была очень большая и дружная семья из трех поколений, проживавшая в Москве и Ленинграде. А дача была местом встреч для всех. Старший сын Леонид работал замдиректора в ИН'ЯЗе и был знаком Григорию Шамилевичу еще по Военному институту, а младший – Алексей – по ИВАНу, так как был индологом. Дочь Татьяна была математиком, как ее мать, жила с семьей в Ленинграде.

Степан Григорьевич был великим тружеником. У него был свой отдельный домик на участке, где он работал с утра и до позднего вечера, с одним перерывом на обед. Внуки его

обожали и никогда не шумели рядом с его домом-кабинетом. Для него тоже дача была творческой лабораторией, он ее бесконечно любил. Именно там он создавал Учебник русского языка, по которому мы учились в школе. Там он работал над многотомным Толковым словарем русского языка, инициатором которого и был. Причем, по его рассказам, пробить создание словаря современного русского языка было довольно трудно, не все в министерстве понимали, что такой словарь необходим, и неизменно спрашивали: «Зачем?». Несколько лет пришлось ходить по кабинетам и рассказывать, почему такой толковый словарь нужен стране.

Степан Григорьевич был высоким, стройным и очень красивым человеком с огромными карими глазами и густой белой гривой волос, всегда аккуратно и гладко причесанный. Он был олицетворением старых дореволюционных академиков, собственно, и родился в 1904 г. в Санкт-Петербурге. Всегда поражал своей необычайной скромностью, собранностью и довольно ощутимой строгостью. У него была очень красивая русская речь, он никогда не говорил очень быстро, никогда не разговаривал громко, но все, что он произносил, сразу воспринималось и запоминалось.

В его домике был привезенный из зарубежной командировки телефон-аппарат внутренней связи с большим домом, где находился парный аппарат. Никому не позволялось входить в дом-кабинет, поэтому даже на обед его звали по этому телефону. И другие вопросы решались таким же образом. Единственный человек, которому С.Г. Бархударов разрешал посещать свое рабочее место, был Григорий Шамилевич, с которым он там беседовал и обсуждал лексикографическую проблематику, очень важную и любимую для обоих.

Учебник и его клоны

Как-то, во время домашнего воскресного обеда А.А. Ковалев сообщил, что в Министерстве образования принято решение создать вузовские учебники по всем иностранным языкам и по единой схеме. Он уже обращался к старшему поколению, но Б.М. Гранде и другие отказались принять участие в этой работе и сказали, что Шарбатов может сделать эту

работу на базе учебного пособия, которое он создал еще в Военном институте. Но Григорий Шамилевич сказал, что это слишком большая работа и он не готов ее делать за предложенный короткий период времени. После долгой дискуссии решили, что такую работу должен делать коллектив авторов, распределив темы в соответствии со специализацией каждого участника.

В итоге осталось 2 соавтора: А.А. Ковалев и Г.Ш. Шарбатов. Они совместно дома обсуждали, что и как нужно сделать, как «примирить» единую схему (с русским наполнением) со спецификой арабского языка. Отдельно в издательстве обговаривались особенности расположения арабского текста и верстки. Александр Александрович сказал, что готов сделать только разделы с глаголами и некоторые синтаксические разделы, так как именно это его тема исследования и по ней у него имеются материалы для работы. Другие разделы он трогать не будет. Григорий Шамилевич напомнил, что договаривались писать учебник коллективно, на равных. Но Ковалев был неумолим. Тогда решили обратиться за консультацией в издательство. Там сообщили, что соавторы могут выполнять работу в любых долях и это будет отражено в контракте и, соответственно, в условиях оплаты. Но авторы будут перечисляться по алфавиту, согласно издательским правилам, а не объему выполненной работы. Так и получилось. Был сделан и утвержден план-проект, подписан договор с прописанными долями, работа закипела.

Создавали учебник увлеченно, добросовестно и вдумчиво. Очень тщательно продумывали методическую часть, проштудировали все имеющиеся на тот момент учебники. Ведь это должен быть учебник, а не учебное пособие, как раньше. И должен быть учебник-помощник, с которым можно работать и самостоятельно, если по каким-то причинам студент пропустил занятие. Решили, что, в отличие от учебников по новоевропейским языкам, арабский учебник должен содержать максимальное количество примеров из жизни арабов, их традиций и обычаев, среды обитания, так как имеются значительные отличия в образе жизни и традициях от того, что принято в европейском и нашем отечественном укладе жизни.

В дальнейшем, в последних изданиях Учебника Григорий Шамилевич добавил много текстов по исламским праздникам, Корану и страноведению, что было запрещено использовать в учебниках в советское время. Он освободил для новых материалов место за счет удаления старых текстов об Октябрьской революции и Конституции СССР.

По совместному решению учебник был распланирован на два года обучения, т.е. были включены все базовые темы и по отечественной, и по общеевропейской классификации, и все грамматические разделы. Также в учебнике был создан прекрасный справочный аппарат и словарь. И до сих пор это единственный учебник арабского языка с такой совершенной структурой.

Дело в том, что по международной классификации учебником считается только такое издание, по которому можно качественно обучаться как с преподавателем, так и самостоятельно. А если это издание методически составлено таким образом, что по нему можно обучаться только в аудитории с преподавателем, то это называется учебным пособием, независимо от того, что крупными буквами напечатано на его обложке, так как качество обучения по такому пособию в результате получается совсем другое. Поэтому Александр Александрович и Григорий Шамилевич приложили очень много усилий, чтобы получился качественный Учебник арабского языка. И этот Учебник прошел соответствующее апробирование и был утвержден Министерством образования СССР в качестве основного учебника для всех вузов страны, где изучался в то время арабский язык.

Интенсивность и направленность изучения иностранных языков зависит от международной обстановки и колебаний напряженности в том или ином регионе, поэтому всегда носит волнообразный характер. Волны национально-освободительных движений в арабском мире в 60-х гг. XX в. привели к переустройству социальных структур в арабском мире и изменению карты региона. Многие страны стали налаживать контакты с СССР и развивать сотрудничество в разных областях. Следовательно, потребовалось огромное количество арабистов и специалистов со знанием арабского языка. Разные министерст-

ва, чьи специалисты должны были быть задействованы в работе с арабскими странами и в арабских странах, стали открывать свои курсы, отделения и подразделения в ведомственных вузах и на других площадках – для ускоренного обучения арабскому языку. Потребовались новые словари и учебные пособия с узкой тематической специализацией.

Но по новым правилам Министерства образования СССР учебное направление вуза официально регистрировалось только при полном материально-техническом обеспечении по выбранному направлению. Следовательно, каждый вуз должен был иметь свою учебную базу и педагогический состав. Авторские права в СССР не соблюдались, и, как известно, не случайно, а намеренно – чтобы не платить авторам прошлых лет за публикацию множества их книг и статей. А также для того, чтобы «размножить» имеющиеся работы хороших и проверенных авторов для реализации патриотического долга перед родиной.

А.А. Ковалева и Г.Ш. Шарбатова пригласили в ВИИЯ для разговора с руководством. Там разъяснили, что по разрядке Министерства обороны СССР должен быть создан учебник и ряд учебных пособий по арабскому языку, причем в очень краткие сроки, за несколько месяцев. Но преподаватели сообщили руководству, что не могут это сделать, а общевузовский учебник уже есть. Руководство обратилось с просьбой к обоим авторам деятельно помочь и предоставить свой учебник в качестве основы. Тем более, как обещали генералы, это будет чисто внутреннее пособие и оно больше нигде не будет использоваться. Соавторы, уважая свою альма-матер, пообещали предоставить все материалы и помочь в работе. На кафедре ближневосточных языков были назначены ответственные за создание внутреннего учебника. И, на быструю руку, было создано учебное пособие, мини-клон базового Учебника, с сокращенной грамматикой, некоторыми другими сокращенными или удаленными разделами, с почти полностью урезанной методической частью. По объему получилось около 20% от базового Учебника. Как было разъяснено, основная задача этого пособия – побыстрее подготовить военных переводчиков для отправки за рубеж, на работу, а там они наберутся практических знаний в полном объеме. Причем новые авторы мини-клона

так спешили, что даже не все примеры успели заменить, хотя первоначально обещали это сделать.

Также по разнарядке своего министерства был создан учебник в МГИМО, а по разнарядке других министерств и ведомств – в других упомянутых и не упомянутых вузах, на разных курсах ускоренной подготовки переводчиков и специалистов. Семья мини-клонов довольно стремительно разрасталась. Только ЛГУ стал исключением. Там Ольга Борисовна Фролова, ученица И.Ю. Крачковского, создала свой учебник, и на кафедре подготовили серию других необходимых пособий, так как обучение в ЛГУ имеет свои глубокие традиции и специфику обучения.

В дальнейшем в Военном институте были созданы учебники по разным разговорным арабским языкам по той же единой схеме. Григорий Шамилевич очень радовался этому новому направлению в практической арабистике, с удовольствием общался с авторами, которые создавали свои пособия не путем компиляции данных из чужих и устаревших книжек из разных стран, а на базе собственного практического опыта работы в арабских странах. И, хотя эти пособия создавались по разнарядке руководства с целью практической подготовки курсантов к работе военного переводчика в конкретной стране, они оказались очень своевременными и полезными.

Историческая эпоха в стране опять поменялась, и на рубеже веков клоны вышли из тени своих ведомств, авторы стали издавать эти пособия как авторские, рекламировать их, заполнять ими полки книжных магазинов и загружать в Интернет-магазины.

Но эпохи в нашей стране довольно часто меняются, и слава богу.

Истоки педагогики и науки

Послевоенный ВИИЯ – это фронтовики, прибывшие из разных точек страны, большинство – с боевыми ранениями, и выдающийся профессорско-преподавательский состав. Послевоенные времена были тяжелые и голодные, курсанты ходили в институт в том, что было, т.е. в своей фронтовой форме, внешние отличия были видны только у фронтовиков-моряков.

Поступить в институт можно было сразу же после краткого собеседования и написания заявления о желании изучать тот или иной язык.

Учебные группы были очень небольшими, поэтому все курсанты хорошо знали друг друга, независимо от курса или изучаемого языка, тем более что все проживали в одной казарме. Царила атмосфера взаимопомощи и полного доверия. Эти отношения сохранились между ними на всю оставшуюся жизнь. Пройдя горнило величайших испытаний, фронтовики выработали особый характер, четкую систему ценностей. Если кто-то поступал недостойно во время обучения или в дальнейшей жизни, его навсегда выключали из списка доверия, но никогда не опускались до мщения, считая недостойных персонажей не заслуживающими своего внимания.

Отношение к учебе было чрезвычайно серьезным и ответственным. Понимали, что должны будут достойно представлять страну за рубежом. Никто не ленился, все стремились к знаниям. В дальнейшем выпускники послевоенных лет достигали больших успехов везде, на каком бы поприще ни работали. Вскоре после окончания войны в стране прошла всеобщая демобилизация и выпускники Института занялись мирными профессиями, стали преподавателями, журналистами и учеными, сотрудниками новых учреждений с международной деятельностью. Знания, приобретенные в институте от ведущих специалистов-профессионалов, неустанное трудолюбие и высокий моральный дух помогли в освоении появлявшихся новых направлений деятельности на благо родины, которую они беззаветно защищали. Среди курсантов того времени были В.В. Овчинников, Р.К. Миньяр-Белоручев, Г.А. Восканян, Е.П. Чельшев, И.Ф. Вардуль, Л.С. Бархударов, И.В. Головнин, А.Т. Аксенов, Л.Л. Нелюбин, В.С. Сегаль и др.

В тот период руководство института считало обязательным приглашать для преподавания и составления учебных материалов самых лучших специалистов страны, независимо от их происхождения, социального статуса или партийной принадлежности.

На кафедре иранских, тюркских и арабского языка работали такие столпы востоковедения, как профессора М.С. Ка-

менский, Б.М. Гранде и Х.К. Баранов. Они, как и К.В. Оде-Васильева, составляли такое расписание занятий, которое позволяло бы им преподавать в нескольких вузах одновременно, и в МИВе, в частности. Преподаватели организовывали совместные вечера художественной самодеятельности для учащихся МИВа и ВИИЯ, ставили с ними общие спектакли. Так курсант Г.Ш. Шарбатов познакомился со студентом В.А. Кирпиченко, с которым потом общался в Каире и Москве, и с другими мивовцами.

Поскольку преподаватели-арабисты были крайне востребованы и заняты, иногда приходилось их заменять. Григорий Шамилевич был привлечен к преподаванию еще во время обучения в ВИИЯ. Вначале, на третьем курсе, – эпизодически, а потом, на четвертом курсе, – на постоянной основе, так как профессора очень высоко оценили его уровень знаний по арабскому языку и коллегиально приняли решение взять его в свой коллектив. Также приняли во внимание, что Григорий Шамилевич владел иранским и тюркским языками, а энциклопедичность образования была обязательной среди столпов профессии.

В результате приходилось продолжать учиться самому и учить арабскому языку курсантов младших курсов. Впоследствии П.В. Мигалев и С.С. Пегов, например, очень удивились, когда через 40 лет узнали, что Григорий Шамилевич был курсантом, когда преподавал у них на 3-м курсе, и что у них была маленькая разница в возрасте, так как все были фронтовики. Запомнили его как строгого и знающего специалиста, уважение к которому навсегда сохранили. Методику преподавания Григорий Шамилевич познал от своих выдающихся преподавателей, которых всегда высоко и искренне почитал. Когда профессор М.С. Каменский, первый и самый любимый учитель Григория Шамилевича, трагически ушел из жизни, Григорий Шамилевич был взят на его место, на постоянную ставку.

По окончании ВИИЯ было госраспределение. Григорию Шамилевичу предложили 3 места работы на выбор, в том числе должность корреспондента газеты «Правда» – самая ценная работа на тот момент. Но он очень прикипел душой к

преподавательской работе и отказался от предложенных вакансий, попросив оставить его преподавателем на кафедре.

В то время на кафедре преподавали И.М. Фильштинский и Ю.А. Рубинчик, с которыми впоследствии Григорий Шамилевич много лет работал в ИВ АН СССР.

Григорий Шамилевич участвовал в создании учебных пособий и хрестоматий, которые выполнялись в то время стеклографическим способом. Перенимал опыт педагогической и методической работы, что очень пригодилось впоследствии.

В ВИИЯ началась и научная деятельность Григория Шамилевича. Под руководством старших коллег написаны первые статьи и исследования по египетскому языку. В то время на кафедре работал А.А. Ковалев, который вначале был преподавателем Григория Шамилевича, а потом – близким другом семьи, соавтором, коллегой и начальником – одновременно.

Когда отмечали 30-летие окончания института, повзрослевшие выпускники принесли на встречу фотографии тех времен, различные памятные предметы и стенгазеты, которые сохранились. На курсе были любители составлять стенгазету, среди которых выделялся веселый морячок-китаист Сева с прекрасным легким пером и увлеченностью эпиграммами. Стенгазета 1950 года особенно изобиловала шаржами и стихами. С удивлением все обнаружили, что почти все, написанное и нарисованное в той стенгазете, сбылось в последующей жизни. Григорий Шамилевич был нарисован очень серьезным и с большой раскрытой книгой в руках, подпись гласила: «Крачковским можешь ты не быть, но быть Барановым – обязан!» Моряк по распределению стал корреспондентом газеты «Правда» в Японии, где жил и работал по многу лет и неоднократно. Увлечшись японской культурой, Всеволод Владимирович Овчинников написал бестселлер «Ветка сакуры» и множество интересных статей и эссе.

Лексикография

Еще во время обучения Григорий Шамилевич очень интересовался словарями. А по-настоящему его пристрастил к работе со словарями Х.К. Баранов, который в период обучения и работы Григория Шамилевича в ВИИЯ составлял Русско-

арабский словарь в соавторстве с К.В. Оде-Васильевой. Его знаменитый Арабско-русский словарь уже существовал в первоначальном виде и очень помогал в изучении языка.

Харлампович Карпович очень любил преподавание и общение со студентами. После восстановления востоковедения в середине 50-х гг. и до самого конца своей долгой жизни он преподавал в МГИМО. Как-то студенты задали ему вопрос: «Можно ли выучить арабский язык?» Профессор ответил, причем без юмора: «Конечно. Двадцать-двадцать пять лет стараний, и все станет ясно и понятно». Все восприняли это как шутку, но через четверть века поняли, что ответ был чистой правдой.

В 60-е гг. Григорий Шамилевич увлеченно работал над Русско-арабским учебным словарем и не раз консультировался с Х.К. Барановым по разным вопросам составления словаря. Профессор всегда был очень конкретен в советах и доброжелателен. А позже Григорий Шамилевич составил оборотный Арабско-русский учебный словарь.

Впоследствии был создан Карманный русско-арабский словарь в соавторстве – первый карманный словарь в арабистике.

Работа по составлению словарей была центральной и очень любимой для Григория Шамилевича, он увлеченно занимался ей до конца жизни. Настольными книгами были словарь Х. Вера, М.О. Аттая, Х.К. Баранова, коллективный арабский Толковый словарь.

МГУ

Когда создавался Институт восточных языков при МГУ, кафедру формировал Б.М. Гранде. Это был человек невысокого роста, полноватый и очень чадолубивый. Мог любого обаять своей улыбкой и любезными манерами. Проницательный ум и энциклопедические знания необычным образом сочетались с прекрасными организаторскими способностями, твердостью в принятии решений и повышенной активностью. Б.М. Гранде пригласил на кафедру Григория Шамилевича, так как высоко ценил его успехи в преподавании в ВИИЯ и доброжелательный нрав. С легкой руки профессора Гранде Григорий Шамилевич проработал на кафедре более 30 лет и создал совместно с А.А. Ковалевым базовый Учебник арабского языка.

Б.М. Гранде создал хорошую традицию приглашать на работу носителей языка. Эта методика значительно обогатила процесс обучения и повысила качество образования. Во время переменок на кафедре устраивались чаепития и веселые дискуссии на русском и арабском. Доброжелательная атмосфера и высокая ответственность в работе были отличительной чертой в работе кафедры того времени.

Григорий Шамилевич полвека проработал членом Ученого совета ИСАА.

Гамаль Абдель Насер – новая эпоха в отношениях с арабским миром

На разломе эпох, когда менялась карта мира, освободившиеся страны искали крепкое и надежное плечо, на которое можно было бы опереться на пути к прогрессу своей страны. Такие поиски новых путей не миновали и президента Египта Гамалья Абдель Насера после того, как была выполнена первоочередная и основная задача – окончательное освобождение страны от ига колониализма. Многие страны задействовали свои дипломатические каналы, чтобы заполучить в свою орбиту лидера большой африканской страны, владеющей Суэцким каналом – водной артерией номер один для перевозок всего мира. Советская дипломатия одержала первоначальную победу, и в апреле 1958 г. состоялся первый официальный визит президента Египта в Советский Союз. Важно было завоевать сердце Насера, и к визиту готовились как никогда серьезно. Но на первой же встрече глав двух государств – Никиты Сергеевича Хрущева и Гамалья Абдель Насера – возник коллапс. Приглашенный переводчик не справлялся с работой, Насер его совсем не понимал, а он – Насера. Пришлось сделать вынужденный перерыв на обед. А в это время шла сумасшедшая работа по поиску переводчика, так как столь важный визит срывался и все рушилось до основания и, возможно, навсегда.

Григорий Шамилевич спокойно вел занятие по арабскому языку, когда неожиданно дверь аудитории открылась и вошли двое незнакомых мужчин. Извинившись, сообщили, что срочно требуется его помощь, занятие надо немедленно прекратить и явиться в Кремль, но зачем, не сообщили. Шок,

непонимание, что происходит, потеря дара речи. Нежданные гости поинтересовались: «А по-арабски вы разговаривать умеете?» Ответ: «Да, вы как раз зашли на практическое занятие по арабскому языку».

В Кремле Григорий Шамилевич был подведен к людям, которые сидели в больших красивых креслах в большом красивом зале и молча пили чай. Его подвели к мужчине с необычной красивой внешностью и непривычно одетому с точки зрения привычных советских реалий. Сопровождавшие шепнули на ухо: «Поздоровайтесь по-арабски. Это президент Египта Гамаль Абдель Насер». Потрясенный Григорий Шамилевич повернулся к необычному мужчине, слегка склонился и произнес традиционное арабское приветствие, но с египетским акцентом. Сосредоточенный доселе мужчина удивленно повернулся к нему, улыбнулся и спросил: «Кто вы? Когда вы жили в Египте?» Григорий Шамилевич ответил: «Я преподаватель арабского языка. Изучал египетский диалект по книгам и магнитофонным записям. Но никогда в Египте не был, хотя это моя самая большая мечта». Тогда президент Насер еще шире улыбнулся и произнес: «Вы обязательно посетите Египет. И много-много раз. Запомните это». Эти слова оказались провидческими.

Визит Насера прошел грандиозно. Почти полмесяца ездили по стране, демонстрировали достижения промышленности и сельского хозяйства. Были непосредственные контакты на местах с руководителями предприятий и обычными тружениками. Люди с таким искренним восторгом и восхищением встречали египетскую делегацию, что это не могло не затронуть душу гостей. Делегация была практически завалена подарками и добрыми словами. По возвращении в Москву было составлено много двусторонних соглашений, которые были потом реализованы.

Насер был в то время лидером в арабском мире. И многие арабские страны, которые на него равнялись, также сделали выбор в пользу Советского Союза. Так открылась новая страница советско-арабских отношений.

Как-то в ходе поездки по стране президент Насер сказал Григорию Шамилевичу: «Давайте поговорим о вашей мечте. Куда бы вы хотели поехать в Египте, где побывать?» Ответ: «В

Каирский университет. И попутешествовать по Нилу». «Мне нравится эта идея. Пусть так и будет», – сказал президент Насер и подозвал своего помощника, чтобы он написал приглашение. Помощник тщательно все записал и спросил, как точно пишется ФИО. Григорий Шамилевич продиктовал. Помощник был в замешательстве и решил, что что-то неправильно понял, переспросил фамилию. Григорий Шамилевич медленно и по слогам повторил ее. В этот момент президент Насер повернулся к нему, весело засмеялся и стал повторять: «Антум Шарбат, антум – шарбат!»

В дальнейшем, на многих последующих встречах, как и во время ответного визита Н.С. Хрущева в Египет, куда его Григорий Шамилевич сопровождал в качестве личного переводчика, президент Насер неизменно называл его «Шарбат» и по-доброму приветствовал.

Удивительно, но прошло всего полвека, и теперь тысячи арабов, и египтян в том числе, говорят по-русски, а тысячи россиян знают арабский язык и круглый год спокойно посещают арабские страны для отдыха и туризма. Даже малейшие препятствия для таких контактов отсутствуют. А каких-то пятьдесят лет назад никто и представить себе не мог даже в самых несбыточных фантазиях, что такие волшебные превращения возможны.

Спустя много-много лет, перед очередной сменой исторических эпох в России, когда уже не было никого из участников геополитических событий 50-60 гг. XX века, Григорий Шамилевич получил в Каире премию имени Гамаль Абдель Насера из рук президента АРЕ Мухаммада Хосни Мубарака. Он всегда очень ценил эту премию.

Современную эпоху в отношениях нашей страны с арабским миром заложил именно президент Гамаль Абдель Насер.

Женщины-коллеги

Григорий Шамилевич очень уважал женщин-востоковедов, считая их хорошими аналитиками и добросовестными исследователями с широким научным кругозором. В дирекции его часто упрекали, что в его секторе самое большое количество женщин в институте. Он парировал, что подбирает сотруд-

ников только по профессиональным качествам. Действительно, в секторе были собраны замечательные и единичные специалисты: иранисты Л.Н. Киселева и К.Н. Еремина, арабистка А.Г. Белова, у которой Григорий Шамилевич был научным руководителем. В дальнейшем в секторе периодически появлялись молодые специалистки, которые потом рассеялись по свету, где успешно трудятся и по сей день. Григорий Шамилевич очень старался продвигать своих коллег: привлекал к написанию публикаций и монографий, участию в конференциях. При первой возможности направлял их в научные командировки, в отличие от других руководителей секторов, от которых не раз получал упреки и комментарии.

Григорий Шамилевич очень радовался, что Анна Григорьевна Белова активно общается с арабистами других учреждений, участвует в написании учебных пособий и научных статей. Она так же, как и он, увлеклась социолингвистической тематикой и не раз ездила на международные конференции за рубеж. Григорий Шамилевич считал ее очень талантливым арабистом, надежным человеком и постпредом сектора и института в европейских центрах арабистики.

Особое уважение всегда было в отношении Бетси Яковлевны Шидфар из МГИМО. Григорий Шамилевич очень высоко ценил ее безграничный научный кругозор и жизнерадостный доброжелательный нрав. Не раз консультировался с ней по вопросам литературоведения и с удовольствием общался по семейным вопросам.

Такое же особое уважение всегда было и в отношении Натальи Дмитриевны Финкельберг, с которой он познакомился еще в издательстве «Русский язык» во время работы над Учебным словарем, где она по-хорошему удивила его отличным знанием тонкостей арабского, а также редким сочетанием тихого нрава с полной непреклонностью в рабочих моментах. Н.Д. Финкельберг всегда радовала тщательностью в разработке своих лингвистических исследований и интересной тематикой публикаций.

Григорий Шамилевич всегда привлекал Б.Я. Шидфар и Н.Д. Финкельберг к оппонированию по литературоведению и языкознанию соответственно, называя их «надежность 100%».

Исходно кумиром была Клавдия Викторовна Оде-Васильева, которая всегда вызывала глубочайшее почитание и высочайшее восхищение. Она с симпатией и по-доброму относилась к Григорию Шамилевичу и всегда откликнулась на его просьбы о консультациях и помощи в практической и методической работе.

Григорий Шамилевич очень сетовал, что по советской традиции женщин предпочитали не выдвигать на руководящие посты любого уровня. И был счастлив, когда времена изменились. При первой же возможности стал выдвигать Зою Михайловну Шаляпину на должность руководителя отдела, так как был полностью уверен, что она сможет достойно выдержать все трудности на этом посту и сохранить особый дух сотрудничества и доброжелательности в отделе, что было для него немаловажно. А потом долго радовался, когда удалось преодолеть все препоны на этом пути.

Новый поворот – синхронный перевод

Отношения с арабскими странами развивались и укреплялись, начиная с хрущевских времен. Соответственно, происходил обмен делегациями разного уровня. Укреплялись и межпартийные контакты. Представителей арабских партий стали приглашать на советские партийные конференции и съезды ЦК КПСС, встречи на высшем уровне. На этом новом историческом этапе потребовался синхронный перевод с арабского языка на русский и обратно, т.е. родилось абсолютно новое направление в практической арабистике.

Григорий Шамилевич был приглашен в ЦК КПСС, в международный отдел. Там информировали о новой сложившейся ситуации и сообщили, что насущная задача на сегодня – создание группы синхронистов, которые будут обслуживать партийные мероприятия и съезды ЦК.

Дело новое, неизведанное. Григорий Шамилевич стал выяснять, кто и как этим делом уже владеет. Оказалось, что вияяковский знакомый Рюрик Константинович Миньяр-Белоручев разработал систему для западноевропейских языков, практикует ее, создал группу специалистов. Он имел большой опыт практического перевода на встречах главы СССР с прези-

дентом Франции Де Голлем и президентом Кубы Фиделем Кастро. Система основывалась на методиках ООН и была значительно укреплена собственными разработками Миньяр-Белоручева. Приблизительно за полгода Григорий Шамилевич разработал систему синхронного перевода для арабского языка с учетом значительного объема специфики как синтаксического, так и фонологического характера. Очень помог приобретенный опыт переводческой работы на высшем уровне – с главами государств и правительств разных арабских стран. Было создано краткое руководство для синхронистов с рекомендациями и комментариями. Из коллег-арабистов была создана группа, которой Григорий Шамилевич бескорыстно передавал знания и умения, для которой проводил бесплатные интенсивные практические занятия. В дальнейшем несколько человек смогли продолжить эту деятельность, совмещая ее с основной работой. Синхронисты вскоре оказались очень востребованы, так как в эпоху Л.И. Брежнева в Москве и за рубежом проводилось бесчисленное количество международных мероприятий. А некоторые из самых «умных» первенцев стали призывать коллег: «Не растите себе конкурентов! Преподавайте помедленнее!» И вырастили себе группу последователей, создав замкнутый коллективчик единомышленников-синхронистов.

Но Григорий Шамилевич, выполнив поставленную родиную задачу, вскоре отошел от напряженной работы синхрониста, тем более что был активно задействован на других интересных мероприятиях научного и просветительского характера. Однако съезды партии вспоминал с удовольствием, так как там состоялось много встреч с интересными людьми из арабского мира, а всем работающим на съезде выдавали замечательные продуктовые заказы, которые он с большой радостью приносил домой детям.

Это повествование специально составлено на основе тематического принципа, а не хронологического. Тем более что даты немногочисленных описанных событий хорошо известны. Надеюсь, что читатели воспримут позитивно предложенный материал.

Григорий Шамилевич Шарбатов:
лексикограф и педагог

Эта статья – дань памяти Г.Ш. Шарбатова, этого крупного ученого, широко известного в нашей стране и за рубежом, и знак благодарности за ту щедрость, с которой он делился с окружающими энергетическим богатством своей личности.

В научном наследии, оставленном Г.Ш. Шарбатовым, отражаются особенности индивидуально-социального характера его познания, в котором всегда сочетались два начала научной рефлексии – обнаружить нечто новое (эвристическое начало) и выяснить возможные пути доказательства (технологическое начало). Умение совместить новую идею с трезвой оценкой имеющихся в данный момент возможностей доказать истинность идеи обеспечивало ученому успешное продвижение по пути осознания многих проблем как в области общей и частных теорий языка [Шарбатов 1959], так и в области теории перевода, а также по пути выдвижения новых идей [Шарбатов 1961] и формулирования новых парадигм [Ковалев-Шарбатов 2004]. Умение сочетать: а) свои знания, б) практику наблюдения за новыми явлениями окружающего мира, в том числе и в области новых технологических возможностей, в) формирование своих гипотез, г) их всестороннюю проверку и д) появление новых объективных знаний – вот что отличало работу сознания Григория Шамилевича на протяжении всего алгоритма его научной рефлексии.

Примером может служить история создания и роли Учебника арабского языка, который был издан в 1960 г. в соавторстве с А.А. Ковалевым. Этот учебник, выдержав несколько переизданий, остается до сего времени признанным образцовым учебным материалом для создания базовых знаний об арабском языке в ВУЗах. Совмещая научную и преподавательскую деятельность, Г.Ш. Шарбатов постоянно следил за судьбой Учебника и к началу нынешнего столетия подготовил его

четвертое, переработанное и расширенное издание. Преподаватели отмечают такие качества Учебника, как: тщательный отбор научно достоверных фактов, характеризующих систему арабского языка; системность подачи материала; дидактически проверенные принципы составления упражнений с учетом возрастных особенностей студентов; ценность приложений; доступность поиска нужной информации; техническое оформление арабского материала.

Однако, обращаясь к оценке работы Г.Ш. Шарбатова над Учебником и учитывая беседы автора настоящей статьи с сегодняшними преподавателями, можно сделать еще один вывод о личности этого ученого. Как известно, общей тенденцией развития научного познания является направление мысли от внешнего восприятия мира к углублению знания о скрытых элементах систем и об их функционировании во все более разветвленных надсистемах. Можно предположить, что научная рефлексия такого ученого, каким был Г.Ш. Шарбатов, на протяжении более полувека была посвящена изучению двух синергетических систем – системы арабского языка и системы познающего иноязычного субъекта. При этом интерес к системе познающего мир человека и особенно к системе сознания человека, познающего иной язык и иную культуру, отразился в работах Г.Ш. Шарбатова еще до современного признания антропоцентрической парадигмы в развитии многих наук.

Как известно, интерес этот возник в середине прошлого столетия и был обусловлен победой известного системно-структурного подхода в научной оценке всего сущего. Развитие системологии привело к появлению знаний о существовании сверхсложных систем и о возможности самоорганизации подобных синергетических систем.

По-видимому, первым объектом изучения системы сознания человека, познающего иной язык и иную культуру, для Григория Шамилевича стало его собственное сознание, наблюдение и анализ трудностей, с которыми он сталкивался сам при овладении системами других языков. Общение с Григорием Шамилевичем обнаруживало, что для него понятия *учить* и *учиться* были неразделимы. Можно предположить, что подобный дуализм был свойственен ему на протяжении

всей жизни, изменялся только вектор главного интереса к той или иной области предмета, составляющей для него в данный момент цель познания. Контакт с окружающим миром позволял исследователю определять место в алгоритме движения своего познания от открытия нового до формулирования промежуточной гипотезы (почему появилась та или иная конкретная мысль? С какими своими или чужими знаниями она связана? Как можно проверить эту новую идею? Если наблюдение за новыми явлениями окружающего мира подтверждает правильность этой новой идеи, то каким образом можно продолжать проверку и сформулировать идею пока как гипотезу? И так далее). Подобный алгоритм работы научной рефлексии был хорошо известен Г.Ш. Шарбатову в том числе и в области технологических возможностей (будущее формирование своих гипотез; возможности их всесторонней проверки; появление новых объективных знаний).

Однако общение с Григорием Шамилевичем провоцировало и собеседника на повышение активности его мозговой деятельности, будь то студент, аспирант, молодой ученый-арабист, востоковед, переводчик и т.д.

Что отличало Шарбатова-педагога от других учителей арабского языка? В аудитории дуализм в сознании педагога понятий *учу других* – *учусь сам* всегда ощущался студентами, что создавало творческую атмосферу стремления решать трудные задачи совместными усилиями, вместе с человеком, который знает больше, но хочет узнать еще больше, в том числе и о каждом студенте, о потенциале его способностей. Студента подкупала искренность проявляемого педагогом интереса к личности обучаемого, к трудностям, с которыми последний встречается на пути понимания чуждой для него системы арабского языка.

Однако истинным призванием, которому Г.Ш. Шарбатов страстно отдавался в течение всей своей творческой научной жизни, стали сопоставительная лексикология и арабская лексикография. Одной из главных черт Григория Шамилевича как практикующего арабского лексикографа была тесная связь с запросами жизни, на которые он откликался благодаря своей неумемной жажде познания.

Творческая натура этого человека проявлялась в каждом новом словаре, составителем которого он был. Он всегда был инициатором чего-то нового, обгоняя свое время. Так, он был одним из составителей первого русско-арабского разговорника, появившегося в канун проведения в Москве всемирного фестиваля молодежи и студентов в 1957 г. В начале 80-х годов он принял участие в проекте издательства «Русский язык», целью которого было создать словари для иностранцев, желающих изучать русский язык. В 1964 г. Г.Ш. Шарбатов стал составителем Русско-арабского учебного словаря, а в 1981 – составителем Арабско-русского учебного словаря. Оба словаря по своей значимости далеко вышли за проектную задачу, которая, безусловно, была решена составителем научно обоснованно и творчески блестяще, учитывая лексикографическую слабость отечественной практики того времени и бедность технологической поддержки. Достаточно упомянуть, что к 1964 г. еще не существовало ни одного русско-арабского словаря, а в издательстве не существовало ни одной печатной машинки с арабским шрифтом, поэтому вся техническая работа осуществлялась вручную. Если же говорить о дополнительных функциях, на выполнение которых были запрограммированы данные два словаря, то, во-первых, за этим однозначно стоит личность Г.Ш. Шарбатова, который, по сути, являлся не *составителем* (традиционное обозначение человека, взявшегося за отбор словника и разработок словарных статей из имеющегося материала), а *автором* этих работ: они явились местом соединения:

– авторской концепции, утверждающей необходимость учитывать национальные особенности иноязычного адресата словаря;

- научных знаний и практических компетенций автора;
- его педагогических воззрений;
- и стремления расширить пространство познания.

К сожалению, серьезных научных исследований в этом направлении пока не проводилось.

В силу выполнения «расширительных» функций оба словаря вышли в свет, имея:

а) объемы, большие по сравнению с объемами, предусмотренными проектом издательством «Русский язык» (1196 страниц и 1076 страниц соответственно);

б) каждый словарь имеет в приложении очерк морфологии, фонетики и словообразования русского языка, написанный на арабском языке;

в) в Русско-арабском учебном словаре русские слова даны в арабской оригинальной авторской транскрипции;

г) в обоих словарях арабский текст имеет огласовки;

д) приведенный иллюстративный материал, который включал как устойчивые, так и свободные словосочетания с их переводами, а также частотные пословицы и поговорки арабского и русского языков, может иметь особую значимость для сопоставительного изучения развития семантик этих языков.

Г.Ш. Шарбатов, создавая свои словари в докомпьютерные десятилетия прошлого столетия, разработал основы отечественной лексикографической традиции для составления арабско-русских словарей. Эти основы пригодились и с приходом новых технологий. К использованию новых технологий Григорий Шамилевич пришел не только как мэтр традиционной лексикографической традиции, но и как автор новой гипотезы о состоянии языковой ситуации в Арабском мире на примере Египта. Им была изложена точка зрения, согласно которой современный арабский язык Египта состоит из четырех подсистем: арабского классического языка, так называемого арабского литературного языка (АЛЯ), обиходно-разговорного языка и диалекта. Идея постепенного расслоения континуума АЛЯ на региональном уровне была принята научной общественностью с большим интересом. Постепенно интерес к теме возникновения региональных вариантов АЛЯ рос, что привело к появлению ряда научных статей и диссертационных исследований, но тема несколько не теряет своей актуальности.

Григорий Шамилевич с радостью приветствовал появление новых технологий и с гордостью показывал верстку своего нового словаря, над которым он трудился без перерыва несколько десятилетий, извлекая информацию из печатных изданий, ведя по старинке картотеку, установив географическое районирование Египта, опрашивая носителей языка по опреде-

ленной системе и т.д. К сожалению, пошатнувшееся здоровье не позволило автору увидеть результат своего подвижнического труда. «Арабско-русский словарь. Современный египетский обиходно-разговорный язык», включающий около 32 000 слов, был набран и подготовлен к печати в издательстве «Восточная литература», но так и остался до сих пор в издательском архиве, ожидая спонсоров. Горько сознавать, что человек, создавший такой словарь, который был новым словом в сопоставительном исследовании арабского и русского языков с выходом в другие смежные науки, человек, более полувека направлявший развитие отечественной ориенталистики и создавший школу арабистики, человек, беззаветно преданный науке и воспитавший сотни своих учеников, не заслужил посмертного памятника в виде вышедшего его же собственного словаря.

Однако память о Григории Шамилевиче Шарбатове живет в трудах его учеников.

Двадцать первый век увидел новые технологии сбора и обработки текстов, ускорившие эти процессы и высвободившие непроизводительный людской труд. Словарь всегда представляет собой произведение, т.е. законченный и объективно существующий текст. Этот текст может быть опубликован в виде печатной книги, размещен на электронном носителе или в Интернете. Он может представлять собой замкнутую систему (в виде книги он обязательно является замкнутой системой) или может предполагать возможность дополнения (в интернете можно найти много регулярно пополняемых новыми единицами электронных словарей), но он всегда реален.

Электронные словари существенно отличаются от традиционных, поскольку каждая единица описания хранится в памяти компьютера и соответственно выдается пользователю отдельно, вопрос об организации материала не встает даже на этапе создания словаря, а, следовательно, у электронного словаря фактически отсутствует словарная форма как жанровый признак (хотя традиционная структура словарной статьи толкового словаря вполне может сохраняться). На этом фоне перспективными оказываются лексикографические исследования, опирающиеся на данные корпусного анализа и позволяющие обнаружить влияние последнего на структуру словарных ста-

тей и выбор иллюстративных примеров. Методы корпусной лингвистики применяются для анализа парафраз значения словарных единиц с целью оптимизации дефиниций значения в электронных словарях. Современная лексикография находится в чрезвычайно напряженной фазе своего развития: она неизбежно должна и далее анализировать методы и возможности корпусной лингвистики, которая в свою очередь осваивает методы и возможности лексикографии.

Приведем лишь один пример. Весной 2014 г. выпускник Военного университета МО Р.Д. Горбунов защитил дипломную работу «Особенности создания арабского электронного словаря». Особую значимость имела третья глава дипломной работы, в которой автор изложил свои взгляды на особенности будущего арабского электронного словаря. Многие из этих взглядов были эксклюзивны и вводились в научный обиход впервые. По сути дела материал этого раздела содержал готовое методическое обоснование для проведения будущего эксперимента. Кроме этого, дипломант изложил материал проведенного собственного эксперимента. Можно предположить, что Григорий Шамилевич заинтересовался бы этим молодым исследователем и результатами его эксперимента, проведенного на выборке двух ливанских военных словарей.

Завершая статью и говоря о Г.Ш. Шарбатове как о педагоге, невольно хочется употребить выражение «педагог от Бога». Непрерывно расширяя и совершенствуя собственные знания, он всегда щедро делился ими с другими людьми и был неиссякаемым источником идей, мотивировавшим у них стремление не останавливаться на достигнутом уровне и идти вперед. Как известно, мотивация лежит в основе любой деятельности, в том числе и деятельности мозга.

Чувственная мотивация к эвристической деятельности сознания останется самой стойкой мотивацией среди множественных новых мотиваций, возникающих по мере взросления человека и приобретения им нового жизненного опыта, расширения его когнитивной базы и обогащения его сознания нравственными установками и принципами.

Литература

1. Шарбатов Г.Ш. Арабистика в СССР. М., 1959.
2. Шарбатов Г.Ш. Современный арабский язык. М., 1961.
3. Ковалев А.А., Г.Ш. Шарбатов. Учебник арабского языка. 4-е изд. М.: Вост. лит., 2004.
4. Шарбатов Г.Ш. К проблеме выделения мягких и твердых согласных фонем в арабских диалектах и обиходно-разговорных языках // Арабская филология. Вып. 2. М.: Гуманитарий, 2004. С.191-197.
5. Шарбатов Г.Ш. Арабско-русский словарь. Современный египетский обиходно-разговорный язык. Около 32000 слов. Словарь набран и подготовлен к печати в издательстве «Восточная литература».

©

Р.Ш. Шарафутдинова

*Библиотека РАН (Санкт-Петербург),
ИИАЭ ДНЦ РАН (Махачкала)*

Памяти Г. Ш. Шарбатова (воспоминания бывшей аспирантки)

В этот день памяти, посвященный 90-летию Григория Шамилевича Шарбатова, старейшего сотрудника Отдела языков ИВ РАН, известного арабиста-лингвиста, моего научного руководителя в далекие аспирантские годы (конец 1959 – март 1963), когда и я была членом коллектива этого отдела, мне приятно приветствовать всех присутствующих и порадоваться вместе с теми, кто мог в продолжение многих лет, и еще так недавно общаться с героем этого дня.

Я, ленинградка, была принята в аспирантуру Института народов Азии. Тогда, в ожидании XXV Международного конгресса востоковедов (Москва, август 1960 г.), был одинаково расширен прием и в аспирантуру, и в штат Института.

А по окончании курса нас ожидали трудности с устройством на работу по специальности – как в Москве, так и в

Ленинграде... Я не смогла полностью реализовать себя как лингвист. И мой путь пошел несколько по другому руслу... Но я всегда с благодарностью вспоминаю годы пребывания в Институте как самый яркий период моей жизни – благодаря тому, что в отделе царил удивительно теплая, добрая и творческая атмосфера, которую создавали замечательные сотрудники, одним из которых был и мой научный руководитель Григорий Шамилевич...

В этот день его памяти мне хочется рассказать о том, что мне дала аспирантура, каким запомнился образ моего научного руководителя. Вспоминаю знакомство с будущим научным руководителем, неожиданно молодым (всего на четыре года старше экзаменуемой) ученым. Он очень доброжелательно отзывался о представленном мною реферате «Глагол в сирийском диалекте». А я была восхищена его активным, свободным владением арабским языком и уже была наслышана о его синхронных переводах.

Все годы учебы я ощущала его доброту и помощь: серьезный подход к выбору темы работы, внимательное отношение к моим пожеланиям при составлении программы специальных занятий, кандидатских минимумов. К примеру, по моей просьбе был включен курс итальянского языка, который мне очень пригодился впоследствии: мною, впервые в Италии, были опубликованы эпистолярные памятники на арабском языке из архива Пьетро делла Валле, с сопровождающим их лингвистическим анализом [Šarafutdinova 1997]. В программу занятий мне, вместе с опережающей меня по курсу А.Г. Беловой, были включены занятия по иракскому диалекту с носителем языка, а также занятия по эфиопскому языку со старейшим семитологом В.П. Старининым.

Навсегда запомнились семинары по теоретическому языкознанию Ю.В. Рождественского и В.М. Солнцева, которые пробуждали интерес к новым направлениям в лингвистических исследованиях.

Итог учебы в аспирантуре: законченная в срок диссертационная работа «Глагольно-объектные словосочетания в современном арабском литературном языке», рекомендованная к защите, и ряд подготовленных к печати статей, первая из которых была опубликована в 1965 году, уже после окончания аспирантуры, а другие еще позже. К сожалению, сама защита,

по разным причинам, все же не случилась. Но мой руководитель все время интересовался моей судьбой, подталкивал меня к защите, невзирая ни на какие обстоятельства и возраст ...

В августе 1960 г. в жизни института произошло волнующее событие: организация и участие в XXV Международном конгрессе востоковедов. Аспиранты были активными участниками организационного процесса. Нам, в частности, довелось вести протокольные записи обсуждений на секционных заседаниях.

Ошеломляющее впечатление на зарубежных и отечественных арабистов, также и на меня произвело единственно прозвучавшее на безукоризненном, классическом арабском языке сообщение М.-С. Саидова о дагестанских учёных XVIII – XIX вв. и их трудах на арабском языке [М.-С. Саидов 1960]. Его выступление наглядно демонстрировало жизненность арабского языка вплоть до 20 – 40-х годов XX в. в Дагестане.

Этой проблемой – жизненности арабского языка в Дагестане – интересовался, начиная с 30-х годов XX в., академик И.Ю. Крачковский. Изучение арабоязычной литературы на Кавказе стало новым направлением в его творческой деятельности почти до конца жизни. Ученый, придя к открытию двухаспектного взгляда на нее – как местную, оригинальную, и одновременно как боковую ветвь развития общеарабской литературы, – считал задачей первостепенной важности сбор, накопление, сохранение и публикацию всех письменных арабских источников, созданных на Кавказе. Многими работами в этом направлении И.Ю. Крачковский внес огромный вклад в «кавказоведческую» арабистику, как он сам ее называл (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 1026, оп. 3, д. 1096, л. 3). Он опубликовал в 1933 г. первый документ в арабском оригинале – письмо легендарного Шамиля драгоману русского консульства в Константинополе Д.Н. Богуславскому (1869), положив тем самым начало источниковедческой базе истории Дагестана. Первое место среди арабоязычных памятников занимает источник большой исторической важности – «Хроника» Тахира ал-Карахи, издание которого тоже было осуществлено по инициативе, «под непосредственным руководством и контролем акад. И.Ю. Крачковского», как об этом пишет исполнитель, бывший его аспирант А.М. Барабанов. Этому памятнику, «Хроника» Тахира..., Крачковский посвятил и свои

собственные исследования. В итоговой статье 1948 г. «Арабская литература на Северном Кавказе» Игнатий Юлианович наметил пути дальнейшего развития исследований для своих будущих преемников в Дагестане.

Уже в 50-е гг. в Махачкале был создан при исследовательской базе Академии наук СССР архив восточных рукописей. А в 60-е гг. создались благоприятные условия для развертывания поисковых и археографических экспедиций, выявлявших и собиравших письменные арабские памятники. Этому способствовал также открытый разговор на упомянутом международном форуме ученых (востоковедов) в 1960 г. в Москве.

Эстафету принял коллектив энтузиастов – дагестанских арабистов и кавказоведов, центральной фигурой которого стал воспитанник ЛГУ, арабист последнего (1951 г.) выпуска И.Ю. Крачковского, мой сокурсник – Амри Рзаевич Шихсаидов. Он же начал преподавание арабского языка для своих коллег в ИИАЭ (Махачкала) по учебнику Г.Ш. Шарбатова и А.А. Ковалева (первое издание в 1960 г.).

Именно в эти годы активизировались и мои контакты в Дагестане, появилась возможность участия в археографических и археологических экспедициях, и я оказалась вовлеченной и увлеченной проблемами «кавказоведческой» арабистики.

Интерес к истории и арабскому языку у дагестанцев традиционно велик. И я была свидетельницей того, насколько был востребован упомянутый учебник арабского языка в разных кругах – и среди востоковедов, и среди простых людей, и особенно у молодого поколения. Даже у меня появились ученики в Дагестане (по переписке – на выполненные работы по учебнику Шарбатова я направляла им проверочные варианты). Один из них – Таги Сулейманович Таги-заде (1934–2010), впоследствии доктор исторических наук на историческом факультете ДГУ. Второй – сельский учитель Наби Умаханов.

Заключая краткие заметки о моем научном руководителе, хочу вспомнить и такой, говорящий о человеческом внимании момент. Григорий Шамилевич уже на первом году обучения (1960 г.) привлек меня к переводу с арабского статей для сборника современной арабской литературы, дав мне тем самым возможность осуществить страстное желание – приобрести редкую для того времени вещь – магнитофон (для усовершенствования восприятия на слух арабского языка).

Сегодня, в день памяти Григория Шамилевича, я рада возможности поделиться с вами воспоминаниями о замечательном ученом, великом труженике науки и прекрасном человеке, моем научном руководителе в аспирантской жизни. Я благодарна ему и Отделу языков, так как отчетливо сознаю, что именно аспирантура помогла мне сохранить свою творческую активность как востоковеда.

Литература

1. Крачковский И.Ю. Незданное письмо Шамяля (1933) // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. 6. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 151-158.
2. Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе (1948) // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. 6. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 609-622.
3. Саидов М.-С. Дагестанская литература XVIII–XIX вв. на арабском языке // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9–16 августа 1960 г. М., 1963. Т. II; Отд. изд. М., 1960.
4. Современная арабская литература: Сб. статей: перевод с арабского / Сост. А.А. Городецкая. Отв. ред. Г.Ш. Шарбатов. М.: Изд-во вост. лит., 1960.
5. Шарафутдинова Р.Ш. Арабские письма Шамяля из архива Б.А. Дорна // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования: Ежегодник. 1970. М.: Гл. ред. вост. лит. 1974. С. 204-225, 485-502.
6. Шарафутдинова Р.Ш. И.Ю. Крачковский и “кавказоведческая” арабистика (по материалам архивов) // Дагестанский востоковедческий сборник. Вып. 1. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. С. 87-106.
7. Шарафутдинова Р.Ш. И.Ю. Крачковский и христианско-арабские эпистолярные памятники в собрании Пьетро делла Валле из коллекции Н.П. Лихачева // Христианский Восток. Нов. сер. Том 5 (XI). М.: Индрик, 2009. С. 401-453.
8. Šarafutdinova R.Š. Le lettere in arabo dall’archivio di Pietro Della Valle conservate nell’Istituto di Orientalistica di Pietroburgo // Annali dell’Istituto Universitario Orientale di Napoli. 1997. Vol. 57. № 1. P. 1-47.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

©

А.Г. Белова
ИВ РАН (Москва)

Корневой фонд древнеарабской лексики в современном арабском словаре (морфологическая и семантическая деривация)

0. Устойчивость грамматического строя арабского языка в его письменно-литературной форме общепризнана как национальной языковедческой школой, так и западной арабистикой [Юшманов 1985 (1928), с. 22, § 2; EALL, v. IV, 2009, p. 94]. Вместе с тем результаты этимологического исследования арабской лексики и ее грамматических форм, сохранившихся в ранних памятниках доисламского и раннеисламского периода [Белова 2012; 2014], позволяют проследить исторические процессы в развитии грамматического строя и лексической семантики от классического литературного арабского языка (далее сокр. КЛАЯ) до современного арабского литературного языка (далее сокр. ЛАЯ) и современных арабских диалектов (далее сокр. АДД, где повтор Д указывает на множественное число).

0.1. Основным текстом этимологического исследования древнеарабской лексики была выбрана касыда поэта рубежа VI-VII вв. н. э. Шанфары. Как литературный памятник, поэма Шанфары имеет длительную традицию изучения и интерпретации как в национальной школе, так и в западной ориенталистике. В арабской традиции поэма известна как «Lāmiyya», название является чисто формальным – от названия буквы Lām, начинающей слог *-lu*, на который заканчиваются все ее строки. Это же название использует один из основных исследователей текста начала XX в. Георг Якоб [Jacob 1914-1915].

В отечественной арабистике касыда Шанфары известна под названием «Песнь пустыни», которое дал ей академик И.Ю. Крачковский в своем переводе, опубликованном в 1924 г. [Крачковский 1924].

Позже поэма получила художественно-литературные и рифмованные переводы. Наиболее удачный – в сборнике «Аравийская старина» (1983) А.А. Долининой.

Для проверки реального употребления лексики Шанфары были привлечены современные ему тексты и лексика по работе отечественного арабиста В.В. Полосина [Полосин 1995]. Как итоговый текст, отражающий состояние арабского языка VII века, привлекался текст Корана с отрывками, включающими соответствующую лексику.

0.2. Этимологическое исследование основного памятника включает только знаменательную лексику. Сплошная выборка составляет 450 корневых основ.

Сравнительное исследование на материале других семитских языков дает следующие результаты:

222 единицы имеют соответствия в одном или нескольких семитских языках, что составляет чуть меньше 50% от всего количества лексических единиц. При этом 73 единицы образуют изоглоссы с лексикой древних и современных языков Южной Аравии (около 16 % от общего количества единиц).

Для 110 единиц в используемых материалах других семитских языков соответствия не обнаружены (около 24,5% от общего количества единиц). Условно называем их «собственно арабскими».

80 единиц из общего числа не имеют соответствий в доступных диалектных словарях и материалах (около 18% от общего количества единиц).

0.3. «Внутриарабское» сопоставление однокорневой лексики арабского языка разных исторических периодов представляет необходимый раздел общей истории арабского языка, поскольку связано как с его исторической морфологией, так и с выяснением тенденций семантических сдвигов при сохранении грамматической формы.

Сравнение однокорневой лексики периода VI-VII вв. с соответствующими формами, отмеченными в лексике XX в.,

позволяет отметить наиболее активные словообразовательные процессы в области исторической морфологии арабского языка и тенденции в семантических сдвигах.

При диахроническом сопоставлении древних и современных материалов следует учитывать различный характер основных источников. Диалектная лексикография представлена материалами разной степени надежности, поэтому соотношения древнеарабской лексики и соответствий в современных арабских диалектах не всегда является показательным.

Более надежным может быть сопоставление, проведенное на материалах авторитетных словарей современного литературного языка [Баранов 1976; Wehr 1952]. Следует отметить, что, несмотря на свое название, эти словари включают и наиболее распространенные диалектизмы (со специальной пометой).

Ниже рассматриваются наиболее показательные примеры соотношения лексики основного словарного фонда и лексики, относящейся к архаичным или периферийным (специализированным) пластам словарного фонда арабского языка ¹.

1.0. Базовая лексика. Расширение первичного значения при сохранении исходного значения:

1.1. *ḡanb*- «бок, боковая сторона туловища» (анат.) < *Sem *ganb*- [SED, I, p. 78-79, № 85]. Ср. у доисламского поэта «бок (коня)» [ЭСДЛ, I, с. 141, № 57].

(а) Семантический аспект:

расширение значения: «бок, боковая сторона» любого объекта как пространственное понятие;

расширение многозначности: формирование терминов «борт (судна)», «фланг» (воен.) (ЛЯЯ);

(б) словообразование: деноминативы (производные глагольные основы) «сторониться, избегать»; (антоним.) «быть смежным, соседним»; «вести кого-либо рядом (сбоку – о пленнике)» (ЛЯЯ, АДД);

словообразование именное: *ḡunub*- «(по)сторонний, чужой», *'a-ḡnab-iyy*- «иностранец»;

терминообразование: *ḡunāb*- (физиолог.) «плевроит»;

¹ Ссылки на специальные источники и словари см. далее в [ЭСДЛ, I-II, 2012; 2014] по указанным разделам ЭСДЛ.

воспаление легких» (ЛЯЯ, АДД);

артефакт: *ǧanb-iyy-a(t-)* «кинжал (который носят на боку)» (йеменские ДД).

К пласту архаической лексики можно отнести образование специализированного деноминативного глагола (производной формы) «держат жеребцов в стороне от кобыл», ср. также однокорневые глагольные формы в других семитских: «отталкивать детеныша, чтобы не давать ему молока» (язык мехри); «не давать молока (о корове)» (эффиосемитские языки) [ЭСДЛ, I, с. 143].

1.2. *danab-* «хвост» (анат.) < Sem **di/anab-* < **zi/anab-* «хвост» [SED, I, p. 60-61, № 64]. Ср. у доисламского поэта: «хвост (верблюдицы)» [ЭСДЛ, I, с. 231, № 110].

(а) Семантический аспект:

расширение значения: «хвост» > «конец» чего-либо как пространственное понятие. Ср. «хвост ущелья» [ЭСДЛ, ib.];

расширение многозначности: «прихвостень, клевет» (ЛЯЯ); «шлейф; окурок» (АДД) [ЭСДЛ, I, с. 231].

(б) Именное словообразование:

терминообразование (синтаксическое), как первый член генитивного словосочетания: *danabu t-ta'lab* «лисохвост» (ботан.) (ЛЯЯ) [Баранов, 1976, с. 277];

терминообразование (морфологическое): *tu-dannab-* «комета» (астрон.) (ЛЯЯ) – псевдопричастие пассивной формы, букв. «оснащенная хвостом».

2.0. Архаичная и специализированная лексика. Расширение первичного значения; изменение первичного значения вплоть до утраты исходного значения.

2.1. Парные глаголы «приходить к водопою»: «уходить от (возвращаться с) водопою» в процессе развития словарного фонда ЛАЯ претерпевают разную судьбу.

2.1.1. *wd* [ВК, II, P. 1517-1519] (глагольная непроизводная основа) «спускаться, прийти к водоему, водопою» (< Sem **wd/yrd* id.). Ср. у доисламского поэта *waradā ... wa l-mā'u lā sudumun...* [Полосин 1995, с. 510] «они оба [здесь – двойств. число] спустились к водоему... и источник воды [оказался] не заброшенным...».

(а) Семантический аспект:

расширение значения: «приходить, прибывать куда-либо» (ЛАЯ, АДД); также: «случаться, происходить (о событии);

(б) Словообразование: производные глагольные основы «приводить, доставлять > ввозить, импортировать»;

отглагольные именные формы: от первичной основы – *ma-wrid* – «источник > ресурс»; «доход, поступление чего-либо», также *wārid-āt-* (prt. pl.) «ввозные товары; импорт», «поступления, доходы». Аналогичны значения именных форм от производных глагольных основ [Баранов 1976, с. 881-882] (ЛАЯ, АДД).

2.1.2. *šdr* (глагольная непроезводная основа) «уходит от водопоя»². Ср. у доисламского поэта *šādir-at-* (п. ф.) «возвращающаяся с водопоя (верблюдица)» [Полосин 1995: 268], также в других источниках (см. [ЭСДЛ, II, с. 122-124, № 191]).

(а) Семантический аспект:

расширение значения: «уходить; возвращаться (обратно)» > «появиться (об издании приказа, объявления, книги);

(б) словообразование: производные глагольные основы «отправлять > вывозить > экспортировать»; отглагольные именные формы: от первичной основы *šādir-* (prt. act.) «исходящий; экспорт», также *ma-šdar-* (п.) «источник; происхождение» (ЛАЯ, АДД);

терминообразование – *ma-šdar-* (грам.) «отглагольное имя» (ЛАЯ) [Баранов 1976, с. 431-432].

Первичное значение глагольная основа в ЛАЯ и АДД утрачивает.

2.2. Лексика основного словарного фонда. Сохранение первичного значения, расширение значения как семантическое развитие; сужение значения и специализация при расширении словообразовательного гнезда:

2.2.1. *kšf* (глагольная непроезводная основа) «снять покров > открыть, обнаружить» [Гиргас с. 699; ВК, II, р. 902-903]. Ср. у доисламского поэта: *kašaftu d-dir'a 'ann-ī*

² Оба специализированных глагола включают «дополнительную» сему: «движение вниз, спуск к водоему» и, соответственно, – «подъем от водоема».

[Полосин 1995, с. 419] «[я] снял с себя кольчугу».

(а) Семантический аспект:

расширение значения отмечается уже в ранних памятниках КЛАЯ.

(б) Словообразование:

дополнительная сема «открыть скрытое» находит свое проявление в более специализированных отглагольных именах: *kāšif-* (prt. act.) «толкователь тайного смысла, ведун > колдун» (ЛАЯ, АДД). Одновременно наблюдается семантическое развитие в другом направлении: «открывать скрытое» > «наблюдать, исследовать» > «научное исследование», «научное открытие» (отглагольное имя производной основы); «открывать скрытое» > «разыскивать» > «следопыт; разведчик»; ср. также терминологическое направление: *kāšif-* (prt. fct.) «реактив» (хим.); «детектор» (радио); «перископ» (ЛАЯ, АДД) [Баранов 1976, с. 690; ЭСДЛ, III, № 305].

2.2.2. *ğahl-* (n.) именная непроезводная основа «невежество; глупость; безрассудство». Ср. у доисламского поэта *li l-ħilmi 'awqātun wa li l-ğahli miṭlu-hā* [Полосин 1995, с. 97] «для благоразумия [свои] времена и для безумства – также свои» [ЭСДЛ, I, с. 147].

Семантический аспект:

основные значения в первичной и производных формах сохраняются (ЛАЯ, западные АДД), однако в восточных АДД (диалекты Залива, Омана, Йемена) наблюдается семантический сдвиг: *ğahl / yahl* «детский возраст», *ğāhil / yāhil* «ребенок» [ЭСДЛ, I, с. 147]. Сдвиг происходит по линии «не ведающий / несмышленный»? > «несовершеннолетний, ребенок» без отрицательной коннотации.

3.0. Следы архаической и специализированной лексики. Древняя спецификация и семантические сдвиги. Ретроспектива:

3.1. (а) *bāhil-* (n.) «не занятый, не имеющий постоянной работы» [Баранов 1976, с. 89] < *bāhil-* (pl. *buhhal-*) «верблюдица с неперевязанным выменем, чтобы могла кормить детеныша»; «неспутанная, нестреноженная (о верблюдице)». Ср. у доисламского поэта [ЭСДЛ, I, с. 99–101].

3.1. (б) *bāhil* (n. f.) «верблюдица, родившая детеныша»

(йемен. Д) [Behnstedt: 116] < *bāhil* [ЭСДЛ, I, с. 99-101].

3.2. *ǧd'* (глагол первичной основы) «лишить кого-либо чего-либо» [Мунджид, с. 82] < *ǧd'* (**gd'*) «недокармливать (кормить скот недостаточно)», «кормить плохо, плохой пищей» [ЭСДЛ, I, с. 119-120, № 47].

3.3. *'sf* (первичная глагольная основа) «поступать необдуманно», производная основа (V-Stem) «поступать по своему произволу» [Баранов 1976, с. 515], *'asf-* (имя действия) «произвол» [Wehr 1952, с. 551]; «поступать вопреки советам» (АДД) < «сбиться с пути, бежать наугад». Ср. у доисламского поэта *'issīf-* (п.) «мчащаяся наугад (верблюдица)» [ЭСДЛ, II, с. 196].

3.4. *'ss (u)* (первичная глагольная основа) «совершать ночной обход, дозор», *'ass- (at)* (именная основа) «патруль (ночной); вахта» [Баранов 1976, с. 514; Wehr, с. 550] < «рыскать, бродить ночью в поисках добычи > ходить дозором». Ср. у доисламского поэта *'a dī 'bun 'assa 'am 'assa fur 'ulun* «...шакал ли рыскал [в ночи] или рыскал гиененок?..» [ЭСДЛ, II, с. 193-194, № 229].

Корневая основа *'ss* с вокализмом имперфектной формы на *-u-* имеет в арабском корневом фонде несколько корневых вариантов. Один из них (метатеза корневых согласных) представлен именной основой *saw'- / suwā'-* «первая смена ночного бдения, вахты» [ЭСДЛ, II, с. 195-196]. В свою очередь, значение «отрезка ночного времени» дает расширение: «определенный отрезок времени» > «час» (ЛАЯ, АДД).

4. Краткий анализ избранного материала позволяет выделить основные пласты лексики и соответствующие им ситуации.

Базисная лексика исследованных древнеарабских текстов сохраняется в ЛАЯ и АДД. В то же время эта лексика служит основой для семантического и морфологического расширения каждого корневого гнезда. Семантические сдвиги направлены к расширению значений, словообразование и производные формы служат специализации значений по одному или нескольким семантическим признакам первичного значения.

Специализированная лексика архаического общества скотоводов, ведущих кочевой образ жизни, тесно связанный с

сезонами года и временем суток, с условиями рельефа, характеризуется, как правило, спецификацией действия или объекта/ субъекта, т.е. содержит более одного семантического элемента. Это явление обуславливает семантическое развитие по одной из семантических составляющих (как *wrd* «приходить»: *šdr* «уходить»), но в ряде случаев – и по двум направлениям (*'s(s) / sw'* «вахта, патруль» и «отрезок времени»), «отпустить скот пастись на свободе» (*nfs*) > «отпустить кого-либо на свободу, оставить без присмотра») и т. п.

«Поэтическая» лексика: экспрессивные формы, эпитеты, аугментативы с использованием звукового символизма для описания диких животных, например: *'amallas-* «быстрый, неутомимый в беге (волк, охотничья собака)», *hawǧal-* «ужасная (пустыня)»; лексика звукоизобразительного происхождения, характеризующая движения, образ действия живых существ, природных шумов, например: *zuhlūl-* «гладко-/короткошерстный (леопард)», *ǧǧl* (глагол) «пробираться, проникать вглубь», *r'bl* (глагол) «рваться (о ткани)», *fur'ul-* «детеныш гиены» и т. п. – остается на периферии лексического фонда и не обнаруживает следов в современных словарях ЛАЯ и АДД.

Сокращения:

анат. – анатомический термин
астроном. – астрономический термин
ботан. – ботанический термин
воен. – военный термин
физиолог. – физиологический термин
хим. – химический термин
act. – активный залог
f. – женский род
n. – имя
pl. – множественное число
prt. – причастие
Stem. – производная глагольная основа (II–X)

Источники и литература

1. Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы. Пер. с арабского. М.: Наука, ГРВЛ, 1983.
2. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. Изд. 5-ое. М., 1976.

3. Белова А. Г. Этимологический словарь древнеарабской лексики (на материале избранных текстов доисламской поэзии. Вып. I. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012.
4. Белова А.Г. Этимологический словарь древнеарабской лексики (на материале избранных текстов доисламской поэзии. Вып. II. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014.
5. Гиргас В. Ф. Словарь к арабской хрестоматии и Корану. Казань, 1881.
6. Крачковский И. Ю. Шанфара. Песнь пустыни // Восток. Кн. 4-ая. М.–Л., 1924. С. 60-64.
7. Мунджид – Al-Munǧid fī l-luǧati wa l-'adab wa l-'ulūm {энциклопедический словарь по лексике и фиологии. Изд. 18-е}. Ваугūt, 1965.
8. Полосин Вл. В. Словарь поэтов племени Абс. VI–VIII вв. М.: Восточная литература, 1995.
9. ЭСДЛ (I, II) – Белова 2012, Белова 2014.
10. Юшманов Н. В. Грамматика литературного арабского языка. М.: Наука: ГРВЛ, 1985 (1928).
11. Behnstedt P. Die nordjemenische Dialekte. T. 2. Glossar: Wiesbaden, 1985–1996; 2006.
12. ВК, I, II – Kasimirski A. de Biberstein. Dictionaire Arabe-français. T. 1, 2. Paris, 1860.
13. EALL – Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics. Gen. Ed. Kees Versteegh. V. I–V. Leiden – Boston: Brill, 2006-2009.
14. Jacob, Georg. Schanfara-Studien. 1. und 2. Teil. München, 1914–1915.
15. SED (I, II) – Alexander Militarev, Leonid Kogan & Co. Semitic Etymological Dictionary. Vol. I. Anatomy of Man and Animals. Münster: Ugarit-Verlag, 2000; Vol. II. Animal Names. Münster: Ugarit-Verlag, 2005.
16. Wehr, Hans. Arabisches Wörterbuch für die Schriftsprache der Gegenwart. Leipzig: Otto Harrassowitz Verl., 1952.

Арабские параллели как важная составляющая в работе над чадскими этимологиями

Чадская ветвь афразийской (семито-хамитской) семьи включает более 150 языков Нигерии, Камеруна и Чада. Для большинства из них арабский язык является одним из основных источников лексических заимствований. Однако значительная часть лексики чадских и семитских (в том числе арабского) языков связана этимологически. Стабильность фонетической системы арабского языка и почти полное ее тождество с афразийской позволяет использовать арабские когнаты для верификации чадской фонетической реконструкции.

Особенно важны арабские параллели при реконструкции сибилантных аффрикат и поствелярных спирантов. Все фонемы этих серий плохо идентифицируются на чадском материале (их рефлексy слились в большинстве языков). Арабские параллели позволяют подтвердить предположение о вторичном характере лабиализованных велярных в чадских языках. Существенную помощь оказывает арабская лексика и при выявлении на чадском материале так называемых «корневых вариантов» (близких по семантике корней с чередованием одного из согласных).

В статье приводятся наиболее интересные корневые варианты, реконструированные на чадском материале, и их параллели в семитских и других афразийских языках. Этот фрагмент этимологической базы данных показывает, что в подавляющем большинстве случаев именно лексика арабского языка позволяет разделить омонимичные чадские корни с чередованием, или «фонетические корневые варианты».

Лексический материал распределен в зависимости от чередующихся согласных, каждая позиция имеет следующую структуру: прачадская реконструкция, рефлексy в отдельных западно-, центрально-, восточночадских языках, афразийские параллели. Названия языков даются с заглавной буквы, названия групп языков – со строчной.

Список словарей по чадским языкам см. в [Stolbova 2013, с. 12-19].

I. Чередование сибилантов и аффрикат.

1.а. Чад. ***zVb/b-** ‘to follow; следовать за’: (зап.) Дири *žíbu* ‘follow’, Болева *zowwu, žowwu* < *zob-) ‘look for, search’; (центр.) Марги *zəbu* ‘to follow’, Мофу *-zəb-* ‘search, follow; chercher; suivre (les conseils de qqn), se suivre à la queue -leu-leu’; Логоне *zbi* ‘follow’, Зина *zəbtya* ‘follow’; Мунжук *zibi* ‘suivre a la queue leu-leu’; Гидар *-zəb-* ‘follow’; (вост.) Мигаама *žobbó* (žo- < *zo-) ‘suivre’, Бидия *žob* ‘suivre’, pl. ‘poursuivre’. Производный глагол: (центр.) Бура *zuba-ta* ‘to send’, производное имя: (зап.) Хауса *zabarii* ‘seeking, looking for a person or thing’.

Чадский корень имеет надежную параллель: Арабский *zʔb* ‘faire marcher devant soi (des chameaux, etc.)’, *zyb* ‘pousser qqn et le faire marcher devant soi’ [Biberstein 1860, с. 965].

б. Чад. ***sVb-** ‘to go (back, out); идти’: (зап.) Дири *səbú-* ‘go’, *səbu* ‘go out’; Нгизим *zaabu*, Баде *saavu* (< *sabu, регрессивная ассимиляция в Нгизим) ‘wade through heavy grass (not water)’; (центр.) Бура *šiva* ‘come to the compound’; Хди *sabi* ‘to exit’; (вост.) Сомрай *saba* ‘promenade’. К этому же корню, вероятно, относится и центр. чад. Даба *səba* ‘(pour)suivre’; Гуде *səba* ‘drive away’ (с развитием значения: ‘идти > следовать за > преследовать > гнать’. См. семитскую параллель: Арабский *sbsb* II порода ‘marcher doucement’ [Biberstein 1860, с. 1043], Тигре *šbb* ‘to visit, to enter’, Мехри *satbu* (Т-порода от корня *sby*) ‘to move a little and then rest (of a desert traveller)’ [Diakonoff 1997, с. 15].

Интересно, что у чадского корня ***sVb-** есть и еще один фонетический вариант – с чередованием губного согласного, а именно:

в. Чад. ***sVp-** ‘to follow, to hunt; следовать за, охотиться’: (зап.) Перо *šəpə* ‘to trace’, Тангале *səpə* ‘to follow’; (центр.) Мбуко *səpə* ‘suivre pour la chasse’, Гисига *spe, šup* ‘folgen, suchen, search’, Мофу *-səp-* ‘chercher’; Зина *sapə* ‘chasser’, *sapa* ‘chasse’. Чад. ***sVp-** восходит к афразийскому корню ***sp(p)/*swp** ‘to follow > to hunt’, рефлексы представлены еще в трех ветвях макросемьи: Сем.: Арабский *swf* ‘chasser, faire la chasse’ [Biberstein 1860, с. 1166], Арам (Сыр) *špp*

'to crawl, to walk slowly', Южно-Куш. (гр. рифт) **saap* 'approach, come near': Иракв, Горова, Алагва *saap* [Kiessling 2002, с. 245], Омот. (юго-вост. ветвь) *sof-a* 'to hunt' [Bender 2003, с. 143].

У чад. и афраз. корня **sVp-* также есть еще один фонетический вариант, на сей раз с чередованием начального согласного:

г. Чад. **čVp-* 'to follow, to trace; следовать за': (зап.) Перо *čero* 'to trace'; (центр.) Муянг *čif* 'near', Чувок *те-čреу* 'accompagner, suivre', Мбуко *сэре* [сэре] 'surveiller, to watch, to spy'. Производный глагол: (центр.) Mofu *-čpad-* – 'marcher sur la pointe des pieds, sans faire de bruit, surprendre'. Производное имя: (центр) Мбара *čоро* 'le derrière; "posterior"'.
На правильную реконструкцию чадской аффрикаты в анлауте (чад. **č-* < афраз. **č-*) указывает и внешняя параллель, а именно: Арабский *ʔtf(u)* (< АА **ʔčp/f*) 'suivre qqn, poursuivre, donner la chasse à qqn; chercher' [Biberstein 1860, с. 11].

Далее приводится пример чередования звонких АА аффрикат (*ʒ ~ ʒ̣*) в чадских и семитских языках.

2а. Чад. **zVb-* (< АА **ʒVb-*) 'to pour; лить': (зап.) Хауса *zúba* 'pour in or out'; Нгизим *zəbabiɣu* 'wash cleaned millet before pounding'; (вост.) Дангла *zo-zbe* 'to pour'. У слабодокументированного чадского корня есть изолированная параллель в Арабском языке: *zwb* 'couler (se dit de'eau)', *ʔzb* (i), *wzb* 'flow' [Biberstein 1860, с. 1024, 1527].

б. Чад. **ʒVb-* (< АА **ʒVb-*) 'to pour, flow; лить, течь': (зап.) Болева *ʒubbu* (pl.) 'pour'; Дувай *əʒbuwo* 'to spill, pour out'; (центр.) Джимджимен *dʒəbi* [= ʒəbi] 'pour'; Даба *ʒav* (-v# < *-b#) 'refroidir un liquide en le versant d'un récipient à l'autre'. См. семитский когнат: Арабский *dwb* 'fondre, se changer en liquide', *dawb-* 'coulant, liquide' [Biberstein 1860, с.787], Др.-еврейский *zwb*, Арамейский *dwb* 'to flow' [Köhler, Baumgartner 1958, с. 252], Аккадский *zābu*, *zāubu* 'to dissolve, flow away' [Gelb 1961, с. 9].

Дескриптивная семантика, очевидно, способствует увеличению числа корневых вариантов. См. далее пример «трой-

ного» чередования (-s- ~ -z- ~ -t-)¹ на чадском материале.

а. Чад. ***pVs-** ‘to drizzle, sprinkle; брызгать’: (зап.) Хауса *fěcəsà* ‘spurt out water’; Пепо *paažó* ‘sprinkle’; Варджи *pusi* ‘spit something out, spew something out of your mouth’; Зар *paas* ‘to spill’; (центр.) Тера *pəšə* ‘spew, sprinkle’, Гаанда *pišə*, Бура *pši* ‘to sprinkle’; Фали *piši* ‘to squirt, spray’, Бачама *fijsə* (< **pis-*, regressive assim.) ‘spew, sprinkle’; Малгва *pəša* ‘Wasser sprengeln; melken’, Подоко *pišc* ‘drizzle, sprinkle’; Бувал *pīšēk* ‘spit out’; Мафа *piš-* ‘cracher de l’eau, bruiner’, Мада *épsc* ‘asperger, cracher’, Мофу -*pəš-* ‘cracher dans une calabasse pour la bénir’, Зулго *pišc* ‘asperger’, Балда *pišet* ‘spit (salive)’; Зиме *pis* ‘asperger’; (вост.) Мава *pəso* ‘mouillé, humide’, Sok *peso*, *pezo* ‘wet’; Мигама *pišaw* ‘cracher’. У этого корня есть когнат в семитских и Омотских языках (отметим редкий случай, когда Арабский материал представлен только диалектной лексикой): Семитский Сабейский *nfs* ‘cause water to spread out’, Арабский (диал. Датина) *nfs* ‘spread out, flow out’ [Biella 1982, с. 309], Омотский Ари *pʔis/š-* ‘cough’ [Bender 2003, с. 260]. В семитских языках наблюдается расширение биконсонантной ячейки за счет начального *n-*. См. следующие корни с метатезой сибилянта:

б. центр. чад. ***pVt-** (< АА ***pVč-**) ‘to drizzle, spray; брызгать, лить’: Бувал *pāt* ‘to pour libation’; Мбуко *pātáy* ‘asperger avec une calebasse’, Зулго *pat* ‘asperger’, Муянг *pàfa* idf. ‘splashing’, Мофу -*pát-* ‘verser à terre (liquide en libation), asperger’ ~ Арабский *hfš* ‘verser, donner (de l’eau)’ [Biberstein 1860, с. 458]. В Арабском языке наблюдается расширение двухсогласного корня за счет начального *h-*.

Еще один фонетический вариант отмечен только на чадском материале, а именно:

в. Чад. ***pVz-** (< АА ***pVz-**) ‘to spray, sprinkle; брызгать’: (зап.) Баде *pàzùwu* ‘spray’; Центр. Муянг *epižcū* ‘sprinkle with the mouth’; (вост.) Мокилко *pàzà* ‘(re)cracher, asperger le corps d’un nouveau-né’.

¹ С помощью знака *t* в литературе по чадским языкам обозначается латеральная фонема, соответствующая семит. **š* (> *š* в др.-еврейском). Чад. **t* и семит. **š* восходят к афраз. **č*.

Производное имя: Зап. чад.: ***puz-** ‘rain, rainy season; дождливый сезон’: Нгас, Монтол *pas*, Сура *paas*, Гоемай Gоem *pas*, *pas* ‘rainy season’, Мупун *tù-pūš* ‘tiny rain, heavy mist’; Болева *puzò* ‘rainy season, rust’, Нгамо *huzò* (< **fuzo*, *f-* < **p-* по ассимиляции с сибилантом) ‘rainy season’.

Наконец, следует обратить внимание на развитие семантики в этимологии За: ‘брызгать’ > ‘плевать’ и на еще один афразийский корень с чередованием (-s- ~ -č-):

г. Чад. ***pVč-** ‘to spit; плевать’: (зап.) Мушере *pus lih* ‘to spit saliva’; Кирфи *fiš-*, Галамбу *pəs-aala*, Гера *fiišii-mi*, Перо *piužo* ‘to spit’; Паа *pusu*, Дири *pəža*, Кария *pəсə*, Сагу *pəč-*, Мбурку *vuc-*, Джимбин *fəš-* (*f-* < **p-* по ассимиляции с сибилантом), Паа *rišuu* ‘to spit’; Гурунтум *pasi*, Богхом *pecsāj*, Були *risəп*, Дотт *pes*, *puas*, Зар *puacə* (< **puacə*) ‘to spit’; (вост.) Мава *ričij*, Саба *rise*, Дангла *ričс*, *ričē*, Бидия *ričao*, Мабире *pačawa* ‘to spit’. Внешние параллели к этому чадскому корню давно известны: Сем. Арабский *nft* ‘vomir, cracher’ [Biberstein 1860, с. 1304], Угаритский *wpt* ‘bespücken’ [Aistleitner 1963, с. 96], Берб. Нтифа *s-ufš*, Заян *šiuššes*, Снус *s-ufəs*, Варгла *sufсs*, Шилх *ssufš* ‘to spit’ [Nait-Zerrad 1998, с. 659]. Отметим расширение биконсонантной ячейки в семитских языках за счет *n* или *w* в анлауте.

4. Удалось обнаружить единственный случай чередования в серии латеральных фрикативных: \hat{c} (эмфатическая аффриката) ~ \hat{s} (сибилянт):

а. Чад. ***čVb/б-** (< АА ***šVb/б-**) ‘to cling to make close to; присоединить, приблизить’: (зап.) Паа *čibiya* ‘next to’; (центр.) Бура *čiba* ‘to fasten; to affix’, *čib-za* ‘to fasten smth to an object’; Подоко *čaba* ‘to interlock (with each other)’; Чувок *mč-čəbey* ‘drink together from one calabash’, мафа *-čəb-* ‘boire ensemble a la même calabasse; se coller joue contre joue, cling cheek to cheek’; Мусей *čab-pa* ‘joinder, unir; l’union’. Арабский когнат представляет собой расширение биконсонантной ячейки за счет *n*: *nšb* ‘s’attacher, se coller, s’accrocher à qqch et y rester’ [Biberstein 1860, с. 125].

б. Чад. ***čVb** (> АА ***čVb**) ‘to glue, to attach; прилипнуть, присоединять’: (центр.) Гуде *čab* ‘being close against smth larger (lizard on the wall)’; Ульдем *-čəlab* ‘crépir; to plaster, to

coat'; Логоне *ṭǒbá* 'coller, to stick, to glue'; Зиме *ṭǒbá*, Ламе *ṭǒbá* 'coller'; (вост.) Мокилко *si'bc* (*ʔiibc*) 'se coller, attacher tres fort'. Когнат обнаружен только в Арабском языке: *ḍbb* (i) 'être attaché, collé'; (a) 'être rempli de lézard', IV stem 'être nombreux, en grand nombre; be numerous', *ḍbʔ* 's'attacher, se coller' [Biberstein 1860, с. 2-4].

II. Чередование губных согласных.

АА (и чадская) консонантные системы включают три губные фонемы (**p*, **f*, **b*), семитская – две (**p*, **b*). Поэтому корней с чередованием губных обнаружено всего три. См. выше I.1б ~1в, а также следующие примеры:

1а. Чад. **IVp-* 'to fold, to cover; заворачивать, укрывать': (зап.) Купто *lappey* 'to hem, to enclose; to fold', Дера *liipc* 'to cover oneself up (with cloth)'; (центр.) Мерей *lap* 'emballer, enrrouler', Муянг *elēpēy* 'to fold smth that is flat', Мофу *-lǎp* 'plier, retrousser', Мафа *lcp* 'poser des tiges ou des branches sur un abri (verandah, cour intérieure)'. Производное имя: (центр.) Бура *lup-tu* 'upper garment slipped on over the head'; (вост.) Дангла *lapāayc* 'le grand voile des femmes'. Этот чадский корень имеет надежную семитскую параллель: Арабский *lff* 'plier, rouler, envelopper' [Biberstein 1860, с. 1007], Аккадский *lapāpu* 'to wrap around' [Black 2000, с.177].

1б. Чад. **IVb-* 'to fold; сворачивать': (зап.) Тангале *laabe* 'to fold'; (вост.) Дангла *luubiyc* 'mettre un vêtement en double'. Производный глагол с суфф. *-t-*: (зап.) Нгизим *lubuu-tu* 'entwine, wind around and around'; (центр.) Зиме *lubu-t* 'couvrir de qqch'. Внешняя параллель довольно слабая, а именно: Арабский *labīb-at-* 'sorte de vêtement' [Biberstein 1860, с. 955].

Отметим, что для АА **Ipp* есть еще один фонетический вариант, но уже с чередованием начального согласного, а именно:

1в. АА **rVp-* 'to wrap; заворачивать': (зап.) Хауса *rūfāa* 'to wrap garment round shoulders', (noun deriv.) *mu-rfi* 'a cover, lid, stopper', Купто *rippey* 'to embrace' ~ Кушит. Беджа *refif-* 'einwickeln' [Reinish 1985, с. 275], Семит. Арабский *rafraf-* 'couverture, tapis' [Biberstein 1860, с. 895].

Корни с чередованием *p* ~ *f* обнаруживаются на чадском и южно-кушитском материале (напомним, что АА **p* и **f* >

семит. *p).

2а. Чад. *fVI- 'to skin': (зап.) Нгас *fil* 'to skin', *fwalp* (pl. in -p-) 'to strip, peel', Сура *fēl* 'häuten', Мушере *feel* 'to peel cocoyam with hand'; Зап *fol* 'slaughter off its skin (snake)', *fwāali* 'slaughtered skin; bran'; (вост.) Бидия *pil* 'écorcher un animal, dépouiller', Дангла *pīle* 'dépecer, dépouiller, enlever la peau d'un animal'. Отметим, что когнат в южно-кушитских языках также показывает рефлекс АА *f- : Южно-кушит. (рифт) Иракв, Горова *fala* 'hide, prepared skin', Алагва, Бурунге *fala* 'skin' [Kiessling 2002, с. 104]; Арабский *wfl* 'peler quelque chose, en en ôtant l'écorce' [Biberstein 1860, с. 1578]. К этому же АА корню восходит и берб. *fl 'tanner' [Naït-Zerrad 1998, с. 561].

Корневой вариант (с начальным *p-) в чадских языках показывает еще и семантический сдвиг: 'кожа' > 'кора, кожура'. Именно семантика позволяет распределить семитский и берберский материал между двумя корнями.

б. Чад. *pVI(VH)-/*pVII- 'to cork, to bark; снимать кору, кожуру': (зап.) Тангале *palle* 'to peel bark (for medecine)', *pulle* 'to peel (gr.nuts); to be hatched', Купто *fulley* 'to peel'; Зап *pul* 'remove the bark of trees, hemp to make ropes'; (центр.) Подоко *pələha* 'clean beans; enlever les cailloux et la saleté (parmi les grains)'; Зиме *pīle?*, Ламе *pələ?* 'décortiquer', (вост.) Тумак *pāl* 'éplucher', *pələl* 'coquille'; Мава *peliy-ag* 'dépouiller'. Производное имя: (центр.). Мбуко *pələ-ngwəd* 'écorce'; Дугвор *pələ-ngwəd* 'bark (of tree)'. Чадский корень имеет надежную внешнюю параллель: Семит. Амхарский *fäläffälä* 'shell (peas, beans)', Харари *filäfäla*, Гупаре *fäläfäfä* 'shell, hatch out, make a hole by scratching', Геез *falfala* (K*) 'to shell, pierce' [Leslau 1986, 158]; Кушит. Оромо *falfala* 'husk'; Берб. Шильх *flulu* 'éclore (fleur)', Нтифа *flilu* [Naït-Zerrad 1998, 559]. Как это уже отмечалось выше, чередоваться могут обе согласные биконсонантного корня. В данном случае, кроме вариантов *fl ~*pl, есть и *pl ~*pr, см.

в. *pVr- 'to peel; снимать кору, кожуру': (зап.) Хауса *fēcə* 'pare off outer surface of rind'; (центр.) Даба *pār* 'enlever en arrachant'; Мунжук *piri* 'éplucher', мулви *piri* 'écorcher a la hache'; (вост.) Мава *pərej* 'arracher, décherber', *puruj* 'to peel, bark'; Мигама *piraw* 'enlever le peau; dépaissier', *pārāw*

(vocalisation of a *ṣṭaṭive* verb) ‘devenir chauve, épiler, devenir lisse’, Дангла *pcrcr* ‘décortiquer’, Бидия *pir* ‘décortiquer l’arachide’. Этот чадский корень имеет надежную внешнюю параллель (особо отметим регулярное соответствие губных между чадскими и южно-кушит. языками): Семит. Геез *fr*, *farra* (*yəfrer*) ‘to shell, husk’, Амхарский *farä* ‘to husk, to shell’, Арамейский (Сирийский диалект) *par-t-* ‘husk, seed-shell’ [Leslau 1986, с. 166]; Южно-кушит. (рифт) Иракв *purʕuus* ‘to strip off’ [Maus 2002, с. 83], Алагва *puruʕ-* ‘to strip off’ [Ehret 1980, с. 145].

III. Чередование фонем (которое приводит к образованию корневых вариантов) характерно также для велярных и поствелярных (т.е. увулярных, фарингальных и ларингальных). При чередованиях в поствелярной серии Арабские когнаты являются опорой реконструкции (напомним, что Арабский – это один из нескольких семитских языков, в которых представлены все АА поствелярные фонемы).

1а. Чад. ***hVy/PVw-** ‘locust; саранча’: (центр.) Чибак *xawa*, Бура *hawa* ‘kind of locust’, *hauwa* ‘locusts’, Бана *haw* ‘sauterelle’, Фали *hayi* ‘grasshopper’, Гуде *ayíwa* ‘grasshopper’; Хди *hiʔi* ‘grasshopper’; Зулго *hayaw* ‘sauterelle’, Молоко *heyew* ‘criquet’, Муянг *eyew* (< **heyew*), ‘grasshopper’; Макари *hayo* ‘grasshopper, criquet’; Гидар *hey-dɛɟ* ‘criquet’; (вост.) Мава *uwí* ‘locust’. Чадский корень имеет надежную Арабскую параллель: *hāw-* ‘sauterelles’ [Biberstein 1860, с. 1462]. Корневой вариант к чад. **hVy/PVw-** и его Арабская параллель заслуживают самого пристального внимания:

1б. Чад. ***[hʷ]a[hʷ]Vʔ-** ‘locust; саранча’: (зап.) Нгаç *gʷok* (< *gʷVg#* < *gʷVgV*), Гоемай *n-gok* ‘locust’, Мупун *n-gok paal* ‘kind of grasshopper’, Мушере *ngok* ‘grasshopper’; (центр.) М̄арги *ayaʔi*, Килба *haʔi* ‘locust’, Хилди *yaʔi*; Хиги (диал.) *xəgi*, *xagyí*, *xagʔi* ‘locust’; Макари *gayo* ‘grasshopper, criquet’ ~ Арабский *ğawǧaʔ-* ‘locust (beginning to fly)’ [Biberstein 1860, с. 519].

На прачадском уровне можно реконструировать чад. **h-* (< АА **ǧ-*) и чад. **y-* (< АА **h-*), Арабская параллель указывает на АА **ǧ-*. Исходная структура **ǧaw/y/ʔ-* могла быть редуцирована еще на АА уровне, но трансформировалась по-разному в отдельных группах чадской семьи. В зап. ветви многосложные слова имеют вид (CV)CVC#, в конечной пози-

ции возможен только глухой согласный, а *ʕ и *fi отражаются как g-. Учитывая вполне регулярную корреляцию: w+велярный/поствелярный в семитских языках ~ огубленный велярный в чадских, мы получаем *g^wok* < **gawk#* < **ʕawʕa?*. В части центр. чад. языков сохранился нередуцированный корень.

См. еще несколько примеров чередования поствелярных фонем:

2а. Чад. **hVy/w-* 'hole; дыра': (зап.) Болева *iyu* 'hole', Купто *wiyu* 'hole, burrow, cavity; ditch, pit'; Кулере *haw* 'Achselhöhle, armpit', Фьер *haw* 'armpit'; Центр. Марги *hu* 'grave'. См. надежный когнат в семитских языках: Арабский *haww-* 'fenêtre', *hawwiy-at-* 'puits ou fossé très profond' [Biberstein 1860, с.1462], Арамейский (Сирийский диалект) *hawtā* 'fosse', Тигре *hahj-* 'ouverture, trou' [Cohen 1993, с. 353, 382-5].

б. Чад. **ʕay/w-* 'opening; рот, дверь': Зап. Паа *fiwa* 'doorway'. Ша *gu-k* 'Tür, door'; (центр.) Фали *ʕaw* 'hole'; Гудуф, Гава, Чинене, Главда *ʕaya*, Гвоко *ʕay-wε* (< **ʕay-me*) 'mouth' ('opening of the mouth'), Главда *ʕaya-guda* 'door' (*guda* 'house'), Сакун *n-gwu* (< **n-ʕwu*) 'mouth'; Макари *ga* pl. 'mouth'. См. также Буре *goʔo* 'armpit'. На этот раз начальный празад. *ʕ < AA *h реконструируется вполне надежно. Корень имеет параллели не только в семитских, но и в южно-кушитских языках: Арабский *hawha* 'aperture in a wall, small doorway', Сабейский *hh* 'passage, corridor', Геез *hohət* 'door(way), gate', Мехри *hō* 'mouth, opening' [Leslau 1986, с. 260], Южно-кушит. (рифт) Алагва *xoxoo* 'hollow form', Алагва, Бурунге *xoxeeri* (мн.ч. с суфф. -*eeri*), Иракв *xoxʔi* 'hollow forms' [Kiessling 2002, с. 323].

Отметим совмещение семантики: 'дыра, проход' и 'рот' в чадских и в семитских языках. Очевидно, что в чад. языках (здесь и в аналогичных случаях) 'дверь' не является производным от глагола 'закрывать', а связана с концептом 'дыра'.

3а. Чад. **[h]Vb- <*[h]Vbʔ-* 'to hide, to lie in ambush; прятать(ся), быть в засаде': (центр.) Бана *ʕubə* 'hide o.s (to catch smth)'; (вост.) Мигама *goobo* 's'embusquer, guetter; to lie in ambush, trace', Бидия *guub* 'guetter, tendre un piège, une embuscade', Дангла *gobē* 'se cacher derrière', *gōobo* 'en cachette,

à la dérobée, "en douce", (производное имя) *gúba* 'guet (pour se battre ou surprendre un voleur)'.
Арабский когнат показывает семантический сдвиг: 'быть спрятанным > быть скрытым > быть таинственным': *gyb* 'être caché, invisible, mystérieux', *gyby*, *gyb?* 'ne rien comprendre; être chaché pour qqn', [Biberstein 1860, с. 520].

б. Чад. ***yVb-** (< ***yVb?**) 'to enclose, to guard; запира́ть, охраня́ть': (центр.) Мазера *yabó* 'garder'; (вост.) Кера *gubi* 'enfermer (dans un cage)'. Производное имя: (центр.) Мбуко *huba-k^w* 'camouflage, guet, guard' ~ Арабский *hb?* 'cacher', П stem 'cacher, réceler; garder en secret' [Biberstein 1860, с. 530]. Аккадский *habu* 'to give refuge', только в производных породах [Black 2000, с. 100].

Любопытно, что чередование велярных довольно редкое явление, удалось обнаружить только один пример:
4а. Чад. ***kVI-** 'to look (for), to watch; искать, наблюдать': (зап.) Нґрамо *kaalá/kaalo* 'look for, seek', Мака *kali* 'to see', Купто *kaaley* 'to check, to choose, to select; to look at, to watch, to observe; to examine', Зап *Zar kul* 'watch out!'; (центр.) Мофу *kelewe kelewe* 'regarder' (идеофон.); (вост.) Мобу *kale*, Нґрам *kal-dé* 'chercher, to search'; Ндам *kōla* 'to see', cf. Тумак *kəl* (*k-* < **k-*) 'enseigner, montrer, to teach, to show'; Джегу, *ʔakal* 'to see'. Производный глагол с суфф. *-t-*: (зап.) Хауса *kalailai-čce* (*-čce* < *-tce-*) 'investigate thoroughly, scrutinize'. Чадский корень имеет надежную семитскую и кушитскую параллели: Арабский *mql* 'regarder, fixer qqn des yeux, voir apercevoir qqch' [Biberstein 1860, с. 1136], Геез *qalaya* 'be deep; search thoroughly, scrutinize, understand, reveal', *qilly* 'investigate, scrutinize' [Leslau 1986, с. 431, 428], Кушит (агавская гр.) Билин, Хамир *kwal*, Хамта *kaal-* 'look, see' [Appleyard 2006, с. 118].

б. Чад. ***gV(wV)-** 'to look (after), to watch; следить за кем-л., наблюдать': (центр.) Зиме *gol* 'surveiller, guetter, épier, espionner, superwise, look after, watch, spy', Гизей, Хам, Мусей, Лев, Марба *gol* 'regarder, to look, to watch'; (вост.) Кера *gole* 'gucken, look'; Каба. Нанчере *-g^wal* 'voir, see', Леле *gōle* 'vision, vue'. Производный глагол с преф. н-: ***(n-)gVI-** 'to look, to glare at; смотреть, глазеть': (зап.) Болева *ngulaa* 'glare at'; Мия *ngul* 'to peek', Сири *ngulu*, *Jmb gul* 'to see'; Гус *ngal* 'see, look', *ngaal*

‘examine’, Зар *gali* ‘see’. Оба варианта корня имеют внешние параллели, а именно: Арабский *ngl* (i) ‘faire voir, mettre en évidence’ [Biberstein 1860, с. 1207], Южно-кушит. Квадза *gal-* ‘to see’ [Ehret 1980, с. 235]), Берб. Ауджила *agcl* ‘voir’, Шилх *smagcl* ‘surveiller’ [Nait-Zerrad 1998, с. 769].

IV. Чередование плавных (l ~ r).

Во всех подобных случаях Арабские когнаты позволяют надежно реконструировать АА корень (дело в том, что рефлексy плавных совпали в некоторых центр.-чад. языках). См. следующие примеры:

1а. Чад. ***kr-** ‘a cry, noise’: (зап.) Хауса *kaaraa* ‘exclaiming, crying out, a noise, sound’; Карекаре *kaaruwaa* ‘cries of praise, ritual speech’; (центр.) Зиме *karara* ‘bruit, cri, noise’; (вост.) Дангла *koriya* ‘cri perçant’ ~ Семит. **qr?*: Аккадский *qerû* ‘call, shout’, *qarû* ‘rufen’, Угаритский *qr?* ‘Ruf, Schrei’, Др.-еврейский, Арамейский *qr?* ‘rufen’ [Aistleitner 1963, с. 281], Arab *qr?* ‘to read’ [Biberstein 1860, с. 701].

б. Чад. ***[k]VwVl-** > ***[kʷ]al-** ‘to talk, call; говорить, звать’: (зап.) Гоемай *kʷal* ‘to talk, talking’; (вост.) Тобанга *kʷal* ‘word, languages, tale, talk’; Дангла *kole*, Бидия *kol*, Мигама *kollo*; Джегу *kol-* ‘to call’.

Производное имя ***[kʷ]Vl-/ [k]Vl-** ‘to shout; shouting; to call’: (зап.) Қирфи *kʷalala* ‘war shouting’, Болева *kele* ‘greeting’; Баде *kəluwa* ‘shouting’; (центр.) Фали *kəlwa* ‘to shout, scream’, Мада *kullar* ‘grand cri’. Во всех чадских языках из этой этимологии АА **k* и **k* > *k*, поэтому семитский корень может быть когнатом чадского: Арабский *qwl* ‘to speak’ [Biberstein 1860, с. 836], Др.-еврейский *qōl*, Арамейский (Сирийский диалект) *qālā* ‘voice’, Сабейский *qwl* ‘speaker’, Геез *qāl* ‘voice, word, saying, speech, sound’, Тигре, Амхарский *qal* ‘word’ [Leslau 1986, с. 426]. Отметим корреляцию: *mediae waw* в семитских языках ~ лабиализованный велярный в чадских.

2а. Чад. ***kr-** ‘top, height; верх, высота’: (зап.) Купто *karú* ‘high, tall’; Мия *kyara-ti* ‘height’; (центр.) Фали *kya-kyra* ‘peak, zenith, top’; (вост.) Габри *tā kurī* ‘Sonnenuntergang, sunrising’ (*tā* ‘sun’), Бидия *karaw* ‘monter, to rise’; Каджакса *kor* ‘haut, high’, Муби *kōr* ‘oben’. См. изолированный когнат в Арабском: *qarw-at-* ‘le haut de la tête, top of the head’ [Biberstein

1860, с. 730].

б. Чад. ***hVwVI-** ‘top, summit; верх’: (зап.) Хауса *ḳóólíí* ‘top, summit’; (центр.) Бувал *kel-kel* ‘summit’; Мусей *koolo* ‘en haut, vers le haut’; центр. Гизей, Маса *kulo*, Хам, Мусей, Лев *kolo*, Марба *?akulo* ‘en haut, up, above’. Семитская параллель и в этом случае представлена изолированным рефлексом в Арабском: *qull-at-* ‘top; hill’ [Biberstein 1860, с. 798].

За. Чад. ***hVwVI-** ‘to cry; кричать’: (зап.) Хауса *hóólóó* ‘loud talking’; (центр.) Вандала *hawl-a*, Дгхведе *xwla*, Главда *xul* ‘cry, shout’, Подоко *hula* ‘cry, scream’, Малгва *huula* ‘schreien, weinen, rufen’; Макари *h^{wah}walc* ‘crier’; (вост.) Нанчере *hulelele* ‘a cry’. У чадского корня есть надежные семитская и кушитская параллели: Семит. Аккадский *alālu* ‘to shout’ [Gelb 1957, с. 33], Арабский *hll* ‘crier de joie’ [Biberstein 1860, с. 1434], Кушит. (дуллай) Харсо, Добаса *halil-* ‘schreien’ [Arborn 1980, с. 267].

б. Чад. ***hVr-** ‘to call, cry; звать, кричать’: (центр.) Бана *xar* ‘appeler’; Чувок *-hawar-* ‘parler sans écouter’; (вост.) Кера *heraye* ‘schreien, to cry’; Дангла *oríye* ‘to utter a cry’. Производное имя: (зап.) Хауса *areyea* ‘loud laughter, ecstatic cries’; Купто *yíriri* ‘yelling’; (вост.) Бидия *?erey*, Мигама *?ereyyo* ‘cry of joy’. См. Арабский когнат: *hrr* ‘gémir’, *hirr-* ‘a cry (to call camels)’ [Biberstein 1860, с. 1408].

Приведенные в этой статье афразийские этимологии показывают, что такое явление, как чередование одного из согласных корня (при сохранении семантики), возникло не на пра-семитском уровне, а на праафразийском. Свидетельством этого являются чадско-семитские параллели (иначе – корневые варианты), в которых наблюдается подобное чередование. Достаточно активно чередование происходит в корнях с сибилантами, губными, велярными/ поствелярными и плавными согласными. Чередование наблюдается в обеих позициях биконсонантного корня. В некоторых случаях обнаруживаются два варианта одного корня – с чередованием C_1 и с чередованием C_2 . Очевидно также, что число корневых вариантов в чадских

языках невелико². Объясняется это в первую очередь небольшим объемом словарей – в лучшем случае они содержат полторы тысячи корней. Для абсолютного большинства чадских этимологий обнаружены параллели именно в Арабском языке. Этот факт помогает подтвердить или верифицировать фонетическую реконструкцию на прачадском уровне. Отметим также, что реконструкция с учетом корневых вариантов с чередованием $p \sim b$ в чадских и семитских языках ставит под сомнение необходимость реконструировать на афразийском уровне фонему $*p^3$ (которая реально не представлена ни в одном языке).

Сокращения

Берб. – Берберский

Вост. – Восточный

Др.-еврейский – Древне-еврейский

гр. – группа

Зап. – Западный

Кушит. – Кушитский

Семит. – Семитский

Центр. – Центральный

Чад. – Чадский.

Литература

1. Белова А.Г. Культурная лексика Южной Аравии в сравнительно-историческом аспекте (термины материальной культуры – названия стройматериалов), М.: ИВ РАН, 2008.
2. Майзель С.С. Пути развития корневого фонда семитских языков. М.: Наука, 1983.
3. Столбова О.В. Лексическая база данных по чадским языкам. Вып. 4. Велярные. М.-Калуга: ИВ РАН, 2011. 200 с.
4. Soden, W. von. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1965.
5. Aistleitner, J. Wörterbuch der ugaritischen Sprache. Berlin, 1963.
6. Amborn, H., Minker, G., Sasse, H. Das Dullay // Beiträge für Afrikanistik. 1980. Vol. 6. P. 228-282.

² Ср. списки арабских корней с метатезой одного из согласных в [Майзель 1983, с. 149-167].

³ О реконструкции и соответствиях см. [Diakonoff 1993, с. 8].

7. Appleyard, David. *A Comparative Dictionary of the Agaw Languages*, Köln: Köppe, 2006.
8. Biberstein-Kazimirski, A. De. *Dictionnaire arabe-français*. 2 vol. Paris: Maisonneuve et Co., 1980.
9. Biella, Joan C. *Dictionary of old South Arabic. Sabaeen Dialect / Harvard Semitic Studies 25*). Chico: Scholars Press, 1982.
10. Bender, Lioner. *Proto-Omotoc Phonology and Lexicon*. Carbondale: Southern Illinois University Printing/Duplicating, 2003.
11. Black, J., George, A. and N. Postgate. *A Concise Dictionary of Akkadian*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2000
12. Cohen, David. *Dictionnaire des racines semitiques*. Fascicules 1-2. Paris: Mouton, 1970. Fascicules 3-5. Leuven: Peeters, 1993.
13. Diakonoff Igor, Militarev Alexander, Porkhomovsky Victor and Olga Stolbova. *On the principles of Afrasian phonological reconstruction // St-Petersburg Journal of African Studies*. 1993. Vol. 1. P. 7-16.
14. Diakonoff Igor, Belova Anna, Militarev Alexander, Porkhomovsky Victor and Olga Stolbova. *Comparative Historical Afrasian Dictionary. Issue V // St-Petersburg Journal of African Studies*. 1997. Vol. 5. P. 12-36.
15. Ehret, Christopher. *The historical reconstruction of Southern Cushitic phonology and vocabulary*. Berlin: Reimer, 1980.
16. Gelb, Ignace J. et al., eds. *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Glückstadt: J.J. Augustin, 1957.
17. Johnstone, T.M. *Jibbali Lexicon*. London: Oxford University Press, 1981.
18. Köhler, Ludwig and Walter Baumgartner. *Wörterbuch zum hebräischen alten Testament*. Leiden: Brill, 1958.
19. Kiessling, Ronald. *Die Rekonstruktion der südkuschitischen Sprachen (West-Rift)*. Köln: Köppe, 2002.
20. Leslau, Wolf. *Comparative Dictionary of Ge'ez*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1986.
21. Johnstone, M. *Mehri Lexicon*. London: London University Press, 1987.
22. Mous M, Qorro M. and R. Kiessling. *Iraqw-English Dictionary*. Köln, 2002.
23. Naït-Zerrad, K. *Dictionnaire des racines berbères*. Paris-Louvain: Peeters, 1998.
24. Reinisch, Leo. *Wörterbuch der Beḍaaye-Sprache*. Wien: Hödler, 1895.
25. Sasse, H.J. *Etymological Dictionary of Burji*, Hamburg: Buske, 1982.

ФОНЕТИКА И МОРФОЛОГИЯ

©

А.А. Крылов

Военный университет (Москва)

Фонация как невербальное средство, сопровождающее арабскую и русскую речь

Среди различных знаковых систем коммуникации в современном мире особое место принадлежит невербальным, паралингвистическим средствам, играющим огромную роль в процессе общения, дополняющим речь логической, эмоциональной, эстетической и другой информацией, а также сообщающим об этнокультурных, психологических и других особенностях собеседника.

В каждом социуме сложился свой инвентарь параязыковых средств, количественные и качественные характеристики которых обусловлены вышеупомянутыми особенностями, и их знание во многом способствует успеху речевого общения. В этой связи изучение взаимосвязи вербального и невербального компонентов речевой деятельности является актуальной проблемой современной лингвистики.

В данной статье речь пойдет о фонационном компоненте паралингвистики, включающей также средства кинетические и графические и определяемой как «...совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникации» [Николаева 1990, с. 367].

Являясь носителем информации о национальных особенностях коммуниканта, звуковая фонация характеризует и его индивидуальные физиологические особенности, передает его психологическое и эмоциональное состояние в конкретной ситуации речевого общения.

Определяемая в современной науке как «звучание голоса, произнесение звуков в потоке речи» [Старичёнок 2008, с. 674], фонация характеризуется такими свойствами, как сила голоса, его звонкость, скрипучесть, шепотность, придыхательность, тембр, а также обертоны, особенности дикции, ораторские паузы и др., рассматриваемые в качестве особых просодических характеристик, не имеющих смысловозначительной функции и служащих для выражения экспрессии. Средства звуковой фонации «...наиболее тесно связаны с вербальными средствами – фактически они “озвучивают” слова в речевом контексте, придают высказываниям коммуникативную завершенность и выразительность...» [Конецкая 1997, с. 125].

Ярким средством звуковой фонации, выражающим эмоции радости и восторга у арабов, являются особые звуки, фонационное своеобразие которых состоит в осуществлении коммуникантом быстрых движений кончиком языка в ротовой полости. Данное фонационное явление, создающее радостное настроение у собравшихся, носит названия «зальгута» – "زَلْخُوْطَة" [za'l'gu:ta], «заглюта» – "زَغْلُوْطَة" [zaǧ'lu:ta], «загрута» – "زَغْرُوْطَة" [zaǧ'ru:ta], «загруда» – "زَغْرُوْدَة" [zaǧ'ru:da] и исполняется (иногда следуя после торжественных декламаций в стихах или прозе) в основном женщинами на различных мероприятиях развлекательного характера, торжествах, свадьбах. Выражение экспрессии при реализации этого фонационного средства происходит с помощью силы и звонкости голоса.

Примечательно, что среди носителей русского языка трели, подобные «зальгуге», не распространены, но в некоторой степени их можно сопоставить с улюлюканьем с той лишь разницей, что последнее в русскоязычной среде используется для выражения эмоций негативного характера. Среди традиционных возгласов, выражающих положительные эмоции, например, на свадьбах, у русскоязычных коммуникантов известно восклицание «горько!», обычно скандируемое хором. Такое фонационное средство, как хоровое скандирование «шайбу, шайбу!», используется русскоязычными болельщиками, наблюдающими за спортивными соревнованиями. Сила голоса как свойство фонации в виде громких возгласов используется и арабоязычными, и русскоязычными участниками коммуника-

ции для выражения одобрения, например, на праздничных мероприятиях, концертах. При этом арабы в подобных ситуациях могут выражать восторг громким свистом, который у русскоязычных коммуникантов применяется для осуждения.

Выражая экспрессию, сила голоса в сопровождении хрипа при соответствующей мимике оказывает существенное эмоционально-психологическое воздействие на реципиента. Пример проявления яркой фонации наблюдаем в сирийском кинофильме «Жемчужное ожерелье» [عقد اللولو], где один из персонажей, услышав, что имя отца его собеседника "مشعل الطوشة" ['miʃeal at-'tu:ʃi] (*Мишаль Ат-Тоши*), громким надрывным хрипящим голосом переспрашивает: "مشعل الطوشة؟ أبوك مشعل الطوشة؟" ['miʃeal at-'tu:ʃi 'a'bu:k 'miʃeal 'at-'tu:ʃi] «*Мишаль Ат-Тоши?! Отец твой Мишаль Ат-Тоши?!*». В результате собеседник испытал такое сильное перлокутивное воздействие, что растерялся и в замешательстве пробормотал: "... لا هذا أبونا، أخي..." [la 'ħa:ʒa 'abu:na 'a' ħi] «*Нет... это наш отец, брат...*». Первый коммуникант снова спросил хриплым от волнения голосом, окончательно выводя своего собеседника из психологического равновесия: "أنت ابن مشعل؟" ['anta 'ibn 'miʃeal] «*Ты сын Мишалья?!*», а затем, видя растерянность последнего, начал его успокаивать, понизив голос: "لا تخاف يا حبيبي، لا تخاف!" [la 'ħa:f ya ha'bi:bi la 'ħa:f] «*Не бойся, дорогой, не бойся!*».

Такая фонационная характеристика, как сила голоса, ярко проявляется у русскоязычных коммуникантов, например, в одном из эпизодов кинофильма «Собачье сердце», в котором доктор Борменталь гневно кричит, обращаясь к Шарикову: «Как ее фамилия?! Фамилия?!» [Собачье сердце].

Эмоция радости у арабофонов может выражаться характеризующимися силой, громкостью голоса возгласами "الله!" ['a'lla:] «Аллах!», "الله أكبر!" ['a'lla:ħu 'akbar] «Аллах величайший!», которые широко распространены во многих жизненных ситуациях в арабоязычном социуме, а также используются в качестве боевого клича, например, в ходе наступательных действий во время войны. У русскоязычных коммуникантов в похожих ситуациях распространено восклицание «ура», обычно дополненное удлинением ударного гласного, что оказывает мощное экспрессивное воздействие и используется как побед-

ный возглас и боевой клич: «Ура-а-а!». Русское троекратное «ура» применяется также в качестве ответа военнослужащих, находящихся в строю, на поздравление командира.

Эмоционально-экспрессивное напряжение в различных коммуникативных ситуациях может создать такое средство фонации, как шепот. Например: "شو بديك؟" [šu 'biddik] «Что ты хочешь?» – спрашивает герой сирийской комедии [ضبيعة ضايعة] свою жену, пытающуюся его разбудить, на что она отвечает шепотом: "المعركة برّا!" [ʔal'maɛra:ka 'barra] «На улице драка!». Здесь шепот коммуниканта обусловлен сильным чувством опасения, беспокойства. Пример с использованием шепота как фонационного средства русскоязычным коммуникантом мы видим в одном из фрагментов кинофильма, снятого по повести Н.В. Гоголя «Вий», в котором пан беседует с философом Хомой Брутом: «Что же дочка?» – спрашивает пан философа, на что тот ему отвечает, понизив голос до молящего шепота: «Припустила к себе сатану. Такие страхи задает, что никакое писание не учитывается» [Вий]. В данном случае коммуникативным намерением говорящего шепотом было передать реципиенту состояние страха.

В качестве паралингвистического средства, сопровождающего арабскую и русскую речь, широко применяется редупликация, определяемая как фономорфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога (частичная редупликация) или целого корня (полная редупликация) [Виноградов 1990, с. 408].

Явление фонетической редупликации в устной речи арабов может встречаться при выражении положительных и отрицательных эмоций, например: "كثير معقول" [kti:-i:-i:-r maɛ'qu:-u-u-l] «О-о-очень разу-у-умно», или "هو رجل كثير كويس" [ʔhuwa 'raɒul k'ti:-i:-i:-r k'weyis] «Он о-о-очень хороший человек», а также: "اطلع برّا!" [ʔitlaɛ 'bar-r-r-ra] «Пошел во-о-он!». Слово "برّا" [ʔbarra] также широко употребляется в текстах современных арабских песен. Так, например, популярная марокканская певица Зина Ад-Даудия в одном из своих музыкальных хитов поет: "يلا برّا برّا" [ya'lla: 'bar-r-ra 'bar-r-ra ʔa:di 'a:ħir 'mar-r-ra] «Давай, уходи, это – последний раз!». В данном случае экспрессия

выражается посредством фонетической редупликации в словах "بَرًا" ['barra] и "مرة" ['marra].

Когда необходимо привлечь внимание или окликнуть собеседника, у носителей арабского и русского языков используется удлинение гласной фонемы: "يا محمد!" [ya: mu'hamma:-a-a-d] – «О, Мухамма-а-а-д!», а также: «Воло-о-о-дя!», «Серге-е-е-й!». Возглас "أُو!" [a'u:] (Ау!) является средством звуковой фонации, характерным как для русскоязычных, так и для арабоязычных коммуникантов, когда требуется отыскать кого-то в лесу. Пример использования этого возгласа арабофонами находим в египетском кинофильме "عسكر في المعسكر" («Солдаты в лагере») [عسكر في المعسكر].

В русской речи яркие примеры фонетической редупликации согласных мы находим в песне В.С. Высоцкого «Песня о России»:

*«В синем небе, колокольнями проколотом –
Медный колокол, медный колокол.
То ль возрадовался, то ли осерчал.
Купола в России кроют чистым золотом,
Чтобы чаще Господь замечал»* [Владимир Высоцкий].

Повтор согласных фонем в словах «колоколь-ль-льнями», «прокол-л-лотом-м-м», «кол-л-локол-л-л», «возр-р-радовался», «осерчал-л-л», «зол-л-лотом-м-м», «замечал-л-л» содержит в себе большой потенциал экспрессии и передает особую эмоциональную напряженность, оказывая сильное психологическое воздействие на реципиента.

Интересно, что арабы также используют удлинение гласного звука в качестве фонационного приема. Так, растянутая фонема [u], произносимая высоким тоном и обычно сопровождаемая жестом хлопанья в ладоши, выражает восторг и одобрение: «У-у-у!». Следует заметить, что у русскоязычных коммуникантов этот звук, исполненный низким тоном и без сопровождения аплодисментами, может означать неудовольствие, разочарование.

Таким образом, средства фонации, являющиеся одним из компонентов невербальной коммуникации, сопровождающих арабскую и русскую речь, обладают значительным экспрессив-

ным и эстетическим потенциалом, способны оказывать мощное эмоционально-психологическое воздействие на реципиента и имеют как сходства, так и различия, отражающие культурные и психолингвистические особенности арабоязычной и русскоязычной языковой личности.

Источники и литература

1. «Вий», худ. фильм. 71 мин. [Электронный ресурс]. – URL: <http://yandex.ru/video/search?text=вий%20смотреть&path=wizard&fiw=0.0018013&filmId=hxmTnsUQ0Cw&fiw=0.0018013>. Дата обращения: 06.01.2015.
2. Виноградов В.А. Редупликация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 408.
3. Владимир Высоцкий. «Купола» («Песня о России») [Электронный ресурс] // URL: [http://ololo.fm/search/Владимир+Высоцкий/Купола+\(Песня+О+России\)](http://ololo.fm/search/Владимир+Высоцкий/Купола+(Песня+О+России)). Дата обращения: 05.01.2015.
4. Конечкая В.П. Социология коммуникации. Учебник. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. 303 с.
5. Николаева Т.М. Паралингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
6. Старичёнок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов на Дону: Феникс, 2008. 816 с.
7. «Собаچه сердце», худ. фильм. – Серия № 2 – 65 мин. [Электронный ресурс] // URL: http://yandex.ru/video/search?filmId=29111_mT8gE&text=фильм%20собаچه%20сердце%20смотреть%20онлайн%20бесплатно%20%20серии&path=wizard. Дата обращения: 23.08.2014.
8. "عسكر في المعسكر" ['εaskar fi-lmu'εaskar] «Солдаты в лагере», худ. фильм. [Видеозапись]. Египет, 2003. 103 мин.
9. "برا برا" [zi:na addaudi:ya – 'barra 'barra] Зина Ад-Даудия. «Барра, барра» [Электронный ресурс] // URL: http://www.youtube.com/watch?v=SRwnrwwfp_uw. Дата обращения: 07.01.2015.
10. "عقد اللولو" ['eiqd 'allu:lu] «Жемчужное ожерелье», худ. фильм. – 97 мин. [Электронный ресурс]. Сирия, 1964 // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=L4uSYP7YNfk>. Дата обращения: 08.01.2015.
11. "ضيعة ضايعة" ['deyea 'da:iεa] «Потерянная деревня», худ. фильм. 122 мин. [Видеозапись]. Сирия. (диск DVD-R).

Арабская временная система: дорожная карта

Хотелось бы, чтобы данная статья рассматривалась как отчет о моей исследовательской работе в области теории арабской грамматики перед Григорием Шамилевичем Шарбатовым – моим учителем, официальным оппонентом моей кандидатской диссертации, автором аналитической работы, посвященной одному из моих учебников. Григорий Шамилевич – один из авторитетнейших арабистов нашей страны, пользующийся известностью и уважением в арабском мире, крупный общественный деятель на ниве укрепления дружбы между народами Советского Союза / России и арабского мира. Проф. Шарбатов – талантливый ученый и педагог, воспитатель научных кадров. Для меня Григорий Шамилевич также – примерный семьянин, добропорядочный гражданин своего Отечества, внимательный, чуткий и отзывчивый коллега, честный ученый и честный человек, носитель высокой культуры межчеловеческого общения.

Ключевым словом, определяющим, как мне кажется, личность этого многогранного человека в его отношении к другим, является доброжелательность. Ее, как мне представляется, Григорий Шамилевич последовательно и неуклонно утверждал своим собственным примером как принцип, должный определять корпоративные взаимоотношения в арабистическом сообществе. Плодами этой благородной нравственной деятельности умеющие ими пользоваться пользуются и по сей день.

Моя исследовательская работа в настоящее время связана с освоением темы «Человек, пространство и время в арабской языковой системе». В данной статье представлены наработки, касающиеся части этой программы. Речь идет об арабской временной системе.

Формой представления нашего исследования избрана так наз. «дорожная карта». Этот прием дает возможность отразить наше общее видение этого объекта, имеющего безусловно

системный характер, выделить его отправные точки и основные узлы, обозначить векторы их взаимосвязей и причинно-следственных отношений, пошагово отследить семантические и морфологические отношения между соседними звеньями арабской временной системы. «Дорожная карта» позволяет также осуществить полную «ревизию» рассматриваемой системы и ее визуализацию. Она обеспечивает тем самым наглядное представление передаваемой этой системой информации. А наглядность, как известно, – это одно из требований предъявления материала в учебном процессе. Этим требованием всегда руководствовался, в частности, Григорий Шамилевич Шарбатов, память которого мы чтим сегодня и который являет собой достойный пример плодотворного сочетания академической и университетской науки, ставящей во главу угла интересы преподавания и подготовки научных кадров.

Предлагаемая нами «дорожная карта» представлена ниже в Табл. 1. Она дает наглядные ответы на следующие вопросы:

1. Какие исключительно временные отношения и значения выражает арабская временная система?
2. Каковы ее простейшие, элементарные, базовые единицы, обеспечивающие ей выражение этих значений?
3. Обеспечивают ли элементарные единицы выражение всего спектра временных отношений и значений?
4. Какие дополнительные – помимо временных – значения выражает арабская временная система?
5. Однородны ли единицы с временным значением в плане своего состава, устройства, семантико-коммуникативной структуры и функционирования механизма выражения временных значений в них?
6. Какие оппозиции образуют базовые компоненты арабской временной системы?
7. Каковы сложные, производные единицы арабской временной системы? Какие оппозиции они образуют?

Точка отсчета (ТО)		← . →	
отношение сообщения к точке отсчета: временные отношения, временное значение сообщения, когда ТО = «сейчас»	предшествование	одновременность	следование
	прошедшее	настоящее	будущее
I. УРОВЕНЬ БАЗОВЫЙ ² (значения: время только)	1 <i>rasama l-walač⁴</i>	2 <i>yarsim⁴ l-walač⁴</i>	-
	-	3 <i>'al-walač⁴ rassān^{2a}</i>	-
II. УРОВЕНЬ РАСПРЕДЕЛЕННЫЙ ³ (значения: время только; время+модальность; время+аспектуальность)	5 <i>lan yarsim⁴ l-walač⁴</i>	6 <i>kā yarsim⁴ l-walač⁴</i>	4 <i>sawfa yarsim⁴ l-walač⁴</i>
	8 <i>qad rasama l-walač⁴</i>	10 <i>mā rasama l-walač⁴</i>	7 <i>sawfa lā yarsim⁴ l-walač⁴</i>
	13 <i>kānna yarsim⁴ l-walač⁴</i>	15 <i>kāna l-walač⁴ rassān^{2a}</i>	9 <i>sa-yarsim⁴ l-walač⁴</i>
	25 <i>mā kāna l-walač⁴ rassān^{2a}</i>	27 <i>'al-walač⁴ yarsim⁴ l-walač⁴ qad rasama</i>	12 <i>lan yarsim² l-walač⁴</i>
	14 <i>qad yarsim⁴ l-walač⁴</i>
	78 <i>mā kāna l-walač⁴ qad rasama</i>	16 <i>yakūn⁴ l-walač⁴ rassān^{2a}</i>
III. УРОВЕНЬ ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ⁴ (значения: время+аспектуальность; время+модальность)	28 <i>kāna l-walač⁴ yarsim⁴</i>	29 <i>yakūn⁴ l-walač⁴ yarsim⁴</i>	-
	79 <i>lan yakūn² l-walač⁴ qad rasama</i>

Табл. 1. Арабская временная система: «дорожная карта»

8. Какими способами арабская временная система обеспечивает усложнение своих простейших, базовых структур, создавая тем самым условия для полноты выражения всего спектра темпоральных отношений и временных значений и их взаимодействия с семантикой аспектуальности и модальности?
9. Какими формами, простыми и сложными, располагает арабская временная система, и какие значения ими выражаются?

Дорожная карта наглядно демонстрирует взаимоотношения между всеми составляющими арабской временной системы.

Система эта неоднородна. Она включает в себя две подсистемы, соответствующие двум типам предикации, различаемым арабской языковой системой.

Временные значения – прошедшее, настоящее и будущее – и временные отношения – предшествования, одновременности и последовательности – выражаются, как известно, на уровне предикативных конструкций.

В арабской языковой системе представлены два типа предикации, называемые в арабской лингвистической традиции именным и глагольным предложением. Обе предикативные структуры жестко детерминированы относительно порядка слов: предикат-субъект (ПС) – для глагольного предложения и субъект-предикат (СП) – для именного. Каждая из них имеет свой механизм выражения времени. Различны, точнее, противоположны принципы его действия: морфологический – у глагольного, синтаксический – у именного. Эти различия проходят через все уровни арабской временной системы.

Таких уровней три.

Первый включает простейшие, элементарные предикативные формы (типа *rasama 'al-waladu* «рисовал + мальчик»). Мы называем его базовым уровнем.

Второй и третий – производные. Они отражают два направления, два способа последовательного усложнения базовых предикативных единиц, используемые арабской языковой системой.

Первое направление – это присоединение добавочных морфем (служебных слов, вспомогательных глаголов), обеспечивающих приращение дополнительного, модального или аспектуального, значения (типа *qad rasama 'al-waladu* «(уже + нарисовал) + мальчик»). Соответствующий, второй уровень системы мы называем расширенным.

Второе же направление усложнения базовой структуры представлено в арабской языковой системе замещением синтаксической позиции базовой структуры глагольным или именным предложением. Такое замещение предполагает транспозицию некой предикативной структуры в предложение-член, которое оказывается «вложенным» в уже сложившуюся предикативную конструкцию в качестве одного из его членов (типа *kāna 'al-waladu qad rasama* «был {мальчик (уже нарисовал-он)}», где предикативная структура *qad rasama* замещает собой синтаксическую позицию сказуемого расширенной структуры с глаголом неполной предикации *kāna*). Соответствующий, третий уровень арабской временной системы, представленный полипредикативными структурами, мы называем интегральным.

Здесь мы ограничимся рассмотрением некоторых аспектов первого, базового уровня арабской временной системы.

Базовый уровень отражает ядро арабской временной системы. Его характеризует минимум используемых материальных средств, а также минимальное количество выражаемых на нем значений: наряду со временем здесь присутствуют только те, которые не обходятся без времени (как предикативность), или те, которые в неразрывном сочетании со временем обеспечивают специфическое своеобразие отдельного класса слов (как глагол, семантическая структура которого определяется сочетанием семы действия и семы времени). Временных значений на своем базовом, элементарном уровне арабская языковая система выражает два: значения одновременности или настоящего времени, если точка отсчета соответствует моменту высказывания, и значение предшествования, или прошедшего времени, если точка отсчета предшествует моменту речи.

1. Структура базового уровня арабской временной системы

Базовых временных форм в арабском языке три. Это 1) *'al-waladu rassāmun* 'Мальчик художник', 2) *rasama l-waladu* 'Мальчик рисовал', 3) *yarsumu l-waladu* 'Мальчик рисует'.

2. Оппозиции форм на базовом уровне арабской временной системы

На базовом уровне арабской временной системы выделяются следующие оппозиции:

1. (1.1.) *'al-waladu rassāmun*
↔ (1.2.) *rasama l-waladu* / (1.3.) *yarsumu l-waladu*;
2. (2.1.) *rasama*
↔ (2.2.) *yarsumu*;
3. (3.1.) *rasama* / (3.2.) *yarsumu*
↔ (3.3.) *yarsuma* / (3.4.) *yarsum*;
4. (4.1.) *'al-waladu rassāmun* / (4.2.) *yarsumu l-waladu*
↔ (4.3.) *rasama l-waladu*.

Для передачи информации, которая обеспечивается этими оппозициями, арабская языковая система задействует свои самые «мощные» средства. К ним, в частности, относятся:

1. разные типы предикации, основанные на противоположных стратегиях конструирования и функционирования сообщения (оппозиция 1);

2. разные формы единой основы, которые противопоставляются друг другу с максимально возможной глубиной и по максимально возможному числу параметров (оппозиция 2);

3. языковую категорию, обладающую наибольшей способностью к отражению реляционных отношений между языковыми единицами – категорию словоизменения, «падежную категорию» (оппозиция 3);

4. «переформатирование» уже установленных отношений оппозиции путем нейтрализации имеющегося противостояния и фиксации нового противостояния внутри одного и того же ряда языковых форм (оппозиция 4).

Далее мы рассмотрим те аспекты внутреннего устройства каждой из этих оппозиций, благодаря которым материализуется противостояние ее членов и обеспечивается передача

дополнительной информации как семиотического, так и семантического плана.

2.1. Первую оппозицию составляют все участвующие в выражении времени предикативные конструкции: 1.1, 1.2, 1.3. Ее основу составляют разные типы порядка слов.

Структура 1.1. *'al-waladu rassāmun* относится к типу СП (Субъект + Предикат/Тема + Рема). Ее составляют слова только одного – именного класса: ИИ (Имя + Имя).

Структуры 1.2. *rasama l-waladu* и 1.3. *yarsumu l-waladu* относятся к типу ПС (Предикат + Субъект/Монорема). Ее составляют слова двух разных классов слов – глагольного и именного: ГИ (Глагол + Имя). Глагол представлен в этих структурах своими разными основными формами.

Различия в порядке слов представляются в современной лингвистике настолько принципиальными, что, как отмечает американский лингвист Марк Бейкер, «можно легко представить себе язык, в котором будут соседствовать разные типы порядка слов ..., но таких языков в реальности не существует» [Бейкер 2008, с. 197].

Приведенное высказывание свидетельствует о двух вещах. Прежде всего, о знаковой мощи такого языкового явления, которым является порядок слов, способный обеспечивать различия даже между языковыми системами. Свидетельствует оно и о том, что сообществу лингвистов, занимающихся исследованием арабской языковой системы, не удалось должным образом раскрыть, оценить и довести до сведения представителей общей лингвистики ту роль, которую играет в структуре и функционировании арабского языка кардинальное противопоставление порядка следования компонентов предикативного ядра именного и глагольного предложения.

К чести арабской языковедческой традиции, следует подчеркнуть, что ею изначально была осмыслена фундаментальная роль порядка слов в арабском синтаксисе. Так, уже в «Книге» Сибавейхи (8 век) структуры типа 1.1. и структуры типа 1.3., вместе взятые, экземплярно определяют собой предикативные отношения, предикативную конструкцию, состоящую из *предиката и предикцируемого* *'al-musnad wa-l-musnad 'ilay-h* [Сибавейхи 1966, с. 23].

В дальнейшем каждый из двух типов предикации получает свое название: *именное* *jumlah 'ismiyyah* и *глагольное предложение* *jumlah fi'liyyah* соответственно. Они автономно исследуются с применением своего понятийного аппарата для каждой из них как две подсистемы арабской предикации с присущими каждой из них собственной частеречной, синтаксической и коммуникативной структурой, порядком слов, механизмом взаимодействия ядерных компонентов между собой и с элементами распространения предикативного ядра, возможностями замещения их синтаксических позиций предикативными структурами, способами выражения временных, модальных и аспектуальных значений и типом информации, передаваемой каждой из них.

Два типа предикации в арабском языке: *именной* и *глагольный* – передают два типа информации. Другими словами, всю «пропускаемую» через себя информацию о мире арабский язык как бы разделяет на два потока. Каждый из них оформляется по одному из двух типов арабского предложения: *именного* или *глагольного*.

Один поток представляет информацию о «событии», о том, что происходило, происходит или будет происходить. Она получает свое языковое воплощение в предложении глагольного типа (ПС/ГИ).

Другой поток представляет информацию о «состоянии», о положении, в котором кто-нибудь или что-нибудь находится, находилось или будет находиться. Она получает свое языковое воплощение в предложении *именного* типа (СП/ИИ).

«Событие» и «состояние» не есть нечто, имеющее раздельное существование в реальной действительности. Действительность, по-видимому, вообще не «делает скачков», и резкие, без «переходных рубрик», разделения и противопоставления ей чужды. Как, впрочем, чужды они и языку как естественной знаковой системе, принадлежащей этой действительности [Пешковский 1956, с. 86]. Поэтому относить «события» и «состояния» к действительности целиком и полностью едва ли оправданно. Явления, стоящие за этими понятиями, относятся, скорее, к концептуализации этой действительности, которая не может состояться без ее фрагментации, диверсификации и

последующего структурирования выделенных фрагментов. А эти процедуры невозможны без участия субъекта концептуализации. Невозможны без человека – субъекта познания, которое с необходимостью предполагает «расчленение единого» [Проблемы 1991, с. 40].

Арабский язык, который полагает в основу первичного расчленения действительности в информационных целях «события» и «состояния» и пропускает их через себя сквозь разные «предикативные каналы»: именной и глагольный, содержит тем самым информацию о «событиях», «состояниях» и «человеке» – как коллективном носителе данной «картины мира» и как индивидуальном исполнителе данного «речевого акта». «Событие» и «состояние» как объекты и способы отражения бытия невозможны здесь без человека. Они невозможны без него и в принципе, поскольку «предельным определением» самого бытия является «субъектность, рефлексивность» [Черняк 2001, с. 323]. Вместе взятые «событие», «состояние» и «человек» представляют собой, по-видимому, один из существенных фрагментов моделирования действительности арабским языком [Кондрашина и др. 1989, с. 69].

В этой модели и «события», и «состояния» невозможны вне времени. Во времени текут «события» и их последовательные совокупности – «процессы». Во времени фиксируются «состояния» и протекает их «становление»¹.

В этой модели время «событий» / «процессов» и время «состояний» не одно и то же.

В этой модели общим типом временных отношений, в которые вступают «события» и «состояния», является «одновременность».

В то же время для «состояний» одновременность является в этой модели доминирующим типом. Моделью как бы

¹ Становление состояний оформляется на втором уровне арабской временной системы, ее именной подсистемы, посредством вспомогательных глаголов (глаголов неполной семантики и неполной предикации) типа *'asbaḥa* 'стать', которые добавляются к элементам базового уровня типа *'al-waladu rassāmun* 'Мальчик – художник', обуславливая гетерогенность их падежных значений

утверждается, что природа «состояния» требует господства принципа синхронии.

Для «событий» же господствующим типом являются отношения «прежде» или «после». Моделью как бы утверждается, что природа «событий» предполагает доминирование принципа диахронии.

В этой модели «события» как «процессуальные, динамические стороны окружающего нас мира» [Анисов 2000, с. 84] демонстрируют более полную и тесную связь со временем, чем «состояния». Очевидно, «события» неразрывно связаны с «идеями движения и изменения» [Любинская, Лепилин 2002, с. 46], и именно «события», которыми наполнено время, являются «исходными, основополагающими при характеристике времени» [там же, с. 116]. Если «события» происходят последовательно или одновременно, то для «состояний» более характерны устойчивость, одновременность по отношению к точке отсчета.

Кроме того, «события» и их последовательности наиболее выпукло ставят вопрос и о причинных связях между явлениями действительности.

«События» (факты) составляют «процессы», отражающие динамическую сторону окружающего нас мира. «Состояния» содержат характеристики «лиц» и «вещей» в первую очередь, а затем – имен событий. Они скорее отражают статичную сторону окружающего нас мира. «Лица», «вещи» и «процессы», вместе взятые, суть все, что наполняет «физическое пространство». Они суть то, что определяет содержание межчеловеческого общения на информационном поле.

Таким образом, за **противопоставлением именного и глагольного предложений** на базовом уровне арабской временной системы может прочитываться **информация о «разном времени» «событий» и «состояний»** в арабской языковой модели мира.

2.2. Вторую оппозицию составляют две предикативные конструкции одного и того же – глагольного типа: 2.1. *rasama* и 2.2. *yarsumu*.

Она базируется на противопоставлении двух разновидностей арабской глагольной основы, имея тем самым как бы «внутриглагольный» характер.

Первая глагольная основа *ra(I)sa(II)ma(III)* представляется «идеальной» для предикации глагольного типа. Во-первых, она позволяет выразить только «необходимый и достаточный» семантический минимум сказуемого-предиката глагольного высказывания: действие + время (v+t). Во-вторых, она полностью свободна от каких бы то ни было «поползновений» дополнительно передать какую-либо информацию. В-третьих, она способна принимать *любой* показатель субъекта действия, как неместоименный, так и местоименный только в позиции, определяемой для него порядком слов в предикативной структуре глагольного типа: ПС, т.е. после третьего корневого сегмента глагольной основы.

Вторая глагольная основа *ya-r(I)su(II)mu(III)* уже содержит набор инструментов, которые обладают способностью к передаче дополнительной информации. Это вариативность последнего корневого сегмента (харфа), наличие дополнительного харфа в препозиции к первому корневому, гласный компонент второго корневого харфа в его противопоставлении гласному первой глагольной основы.

При этом **последний** корневой сегмент обнаруживает черты откровенно «неглагольного» поведения: он имеет три разные формы, две из которых полностью совпадают с двумя падежными, словоизменительными формами именного слова: *yarsumu* 'Он рисует' = *'al-rassāmu* 'художник', *yarsuma* = *'al-rassāma*; (*yarsum* ≠ *'a-rassāmi*).

Что же касается **первого**, префиксального сегмента второй глагольной основы, то в своих вариантах *'a-/ 'u-, na-/nu-, ya/ya, ta-/tu-* он берет на себя выражение тех же значений, которые при первой глагольной основе выражаются личным местоимением слитным для именительного падежа, присоединяемым к ее последнему корневому сегменту-харфу: *rasam-tu* 'нарисовал-я', *rasam-nā* 'нарисовал-мы', *rasam-ta* 'нарисовал-ты'. Это – значение субъекта. Формально порядок слов, «предписываемый» глагольным типом предикации, оказывается здесь нарушенным: информация о субъекте предшествует информации о предикате. Традиционная лингвистическая теория «спасает» реальное положение от его «несоответствия идеалу» введением в описание мнимой величины – так наз.

скрытый субъект *damīr mustatīr*, имеющий такое-то и такое-то виртуальное значение *taqdīru-hu*.

Таковы отличия – и они весьма значительны – двух основных арабских глагольных основ. И, тем не менее, задачу их непосредственного противопоставления языковая система решает в пределах специально отведенного для него **второго** корневого сегмента: *rasama* ↔ *yarsumu*. В зависимости от разных факторов² наряду с оппозицией *a* ↔ *u* его обеспечивают оппозиции *a* ↔ *i* и *i* ↔ *a*. Глагольные основы, «воздерживающиеся» от противопоставления гласных второго корневого сегмента в первой и второй формах (типа *u* ↔ *u*, *a* ↔ *a*, *i* ↔ *i*), тем самым передают дополнительную информацию, связанную с содержанием семы «действие»: у них оно оказывается ближе к «состоянию», чем к «деятельности».

С первой глагольной основой, представляющей собой как бы «ортодоксальную» глагольную форму, связывается выражение временного отношения предшествования, значения прошедшего времени, если точка отсчета совпадает с моментом речи.

Со второй глагольной основой, не в «полной мере» отвечающей всем формальным требованиям глагольной предикации и «теснейшими узами» – через флективное словоизменение и наличие общих словоформ – связанной с «противоположным» – именным классом слов, сопряжено выражение одновременности, настоящего времени, если точка отсчета совпадает с моментом высказывания.

2.3. Третью оппозицию составляют все формы двух глагольных основ. Это 3.1. *rasama*, 3.2. *yarsumu*, 3.3. *yarsuma*, 3.4. *yarsum*.

Первая форма представлена первой глагольной основой (в арабской грамматической традиции *fi'l mādin*) *rasama*. Ее конечный сегмент (харф), являясь своего рода «стыковочным узлом» с местоименным показателем субъекта действия или

² К ним, в частности, относятся: количество сегментов (харфов) глагольной основы, качество согласных компонентов трехсегментного (трехбуквенного) глагола, семантика «действия» в диапазоне между «деятельностью» и «состоянием», залог.

родовым показателем как местоименного, так и неместоименного субъекта, имеет разные варианты в зависимости от типа первого сегмента присоединенного к нему местоименного или родового показателя:

с гласным *-u*, если местоименным показателем является *-ī*: *rasamu-ī* ‘нарисовал-они’;

с гласным *-a*, если таким показателем является сегмент с нулевым гласным: *rasama-t* ‘нарисовал-она’ либо нулевой сегмент: *rasama-∅* ‘нарисовал-он’;

с нулевым гласным, если местоименный показатель является сегментом с гласным: *rasam-tu* ‘нарисовал-я’, *rasam-ta* ‘нарисовал-ты’ и т.п.

Эта форма не обладает флективностью, словоизменением, т.е. не имеет системы словоформ, каждая из которых способна нести какую-либо дополнительную смысловую информацию. Эта форма самостоятельно, в своих собственных пределах, передает информацию о времени и действии.

Вторая форма-участница рассматриваемой оппозиции представлена второй глагольной основой с первым словоизменительным значением (в арабской грамматической традиции *fi‘l muḏāri‘ marfū‘* ‘глагол подобный’) *yarsumu*. Средством выражения этого значения является гласный *-u* конечного сегмента глагольной основы³. Эта форма также самостоятельно, в своих собственных пределах, передает информацию о времени и действии.

Третья форма в составе рассматриваемой оппозиции представлена второй глагольной основой со вторым словоизменительным значением (*fi‘l muḏāri‘ mansūb*) *yarsuma*. Сред-

³ Гласный *-u* как средство выражения первого словоизменительного значения замещается *наличием* добавочного сегмента *-na*, если за конечным сегментом основы следует показатель женского рода «слушающего» лица *-ī*: *taktubīna* или показатель множественного числа мужского рода для «слушающих» или «отсутствующих» лиц *-ī*: *taktubūna*, *yaktubūna*.

ством выражения этого значения является гласный *-a* конечного сегмента глагольной основы⁴.

Эта форма самостоятельно, в своих собственных пределах передает информацию о действии. Что же касается информации о времени, то в полном и завершенном виде она передает ее только с участием контекста. Его образуют единицы закрытого списка слов класса частиц⁵.

Четвертая форма в составе изучаемой оппозиции *yarsum* представлена второй глагольной основой с третьим словоизменительным значением *fī'l mudāri' majzūm*. Это значение выражается ею нулевым гласным *-∅* конечного сегмента глагольной основы⁶.

Эта форма самостоятельно, в своих пределах передает информацию о действии. Полную, завершенную информацию о времени она передает только с участием контекста. Его образуют единицы закрытого списка слов класса частиц⁷.

Наблюдаемое различие между четырьмя формами, входящими в состав исследуемой оппозиции, проходит по линии способа выражения времени. При этом две из них (первая и вторая) функционально самостоятельны и «самодостаточны» [Габучан 2000, с. 44] в отношении выражения времени, две другие (третья и четвертая) нуждаются для этого в дополнительном языковом материале. Функционально самостоятельные формы представлены как первой, не обладающей слово-

⁴ Гласный *-a* как средство выражения второго словоизменительного значения замещается *отсутствием* добавочного сегмента *-na*, если за конечным сегментом основы следует показатель женского рода «слушающего» лица *-ī: taktubī*, или показатель множественного числа мужского рода для «слушающих» или «отсутствующих» лиц *-ū: taktubū, yaktubū*.

⁵ К ним относятся частицы *'an, lan* и другие.

⁶ Нулевой гласный как средство выражения третьего словоизменительного значения глагола замещается *отсутствием* добавочного сегмента *-na*, если за конечным сегментом основы следует показатель женского рода «слушающего лица» *-ī: tarsumī* или показатель множественного числа мужского рода для «слушающих» или «отсутствующих» лиц *-ū: tarsumū, yarsumū*.

⁷ К ним относятся *lam, lammā* и другие.

изменением основной, так и основной со словоизменением, ее «прямой» словоизменительной формой. Функционально несамостоятельные формы представлены только «косвенными» [там же, с. 45] словоизменительными формами второй основы.

Могут ли все четыре глагольные формы, являющиеся компонентами арабской временной системы, быть описаны в терминах временной семантики, если две из них «неполноценны», не отвечают требованиям информационной полноты?

По нашему убеждению, не только могут, но и должны. По определению. Ведь глагол в арабской языковой системе – это то, что одновременно выражает и значение действия, и значение времени. «Ниши» для языковых форм, выражающих только действие или только время, в этой системе уже заняты. Для первых – подклассом единиц именного класса, называемым *масдаром* *maṣdar* (*yurīdu 'al-rasma* ‘он хочет рисование / рисовать’). Для вторых – подклассом единиц глагольного класса, называемом *глаголами неполной семантики и неполной предикации* *fī'l nāqiṣ* (*kāna 'al-waladu rassāman* ‘был мальчик художником’).

Для характеристики всех «полноценных» и «неполноценных» форм *полнозначных глаголов* *fī'l tāmm* в терминах временной семантики нами вводятся понятия временной определенности и временной неопределенности [Лебедев 2013, с. 86].

Функционально самостоятельные глагольные формы характеризуются как обладающие временной определенностью (предшествование и одновременность, прошедшее и настоящее – соответственно), а функционально несамостоятельные – как обладающие временной неопределенностью⁸.

Временная неопределенность не является устойчивой: она либо получает свое подтверждение с помощью частицы *'an* и вместе с ней начинает выражать инфинитив (*yurīdu 'an yarsum-a* ‘он-хочет он-рисовать’), либо, с помощью других

⁸ В таком случае знаковая роль гласного сегмента словоизменения второй глагольной основы сводится к указанию на временную определенность/временную неопределенность: гласный *-и* информирует о временной определенности (одновременность, настоящее время), а гласные *-а* и нулевой гласный – о временной неопределенности.

частиц, получает иное, нежели прямая словоизменительная форма, временное значение, а вместе с ним, после такой «перегрузки», получает еще и дополнительное значение модального или аспектуального плана (*la-n yarsum-a* ‘не он-нарисует’; *la-m yarsum-ø* ‘не нарисовал-он’). Формы 1) *rasama*, 2) *yarsumi* характеризуются временной определенностью.

Формы 3) *yarsuma*, 4) *yarsum* характеризуются временной неопределенностью.

С учетом категории временной определенности – временной неопределенности соотношение глагольных основ и словоизменительных форм второй основы может быть представлено следующим образом:

временное значение	временная определенность		временная неопределенность	
	прошедшее	Настоящее		
глагольные формы	<i>rasama</i>	<i>yarsumi</i>	<i>yarsuma</i>	<i>yarsum</i>

Табл. 2. Временная определенность и временная неопределенность.

2.4. Четвертую оппозицию составляют те же предикативные формы, которые образуют первую оппозицию. Однако группируются они здесь по-другому: формы со значением одновременности, настоящего времени противопоставляются форме со значением предшествования, прошедшего времени.

В первую группу входят именное (4.1. *'al-waladu rassāmun*) и глагольное (4.2. *yarsumi 'al-waladu*) предложения. Во вторую – глагольное (4.3. *rasama 'a-waladu*).

Основу данной оппозиции составляет семантика времени. Одновременность точке отсчета, настоящее время передается именным (4.1.) и глагольным (4.2.) предложениями. Предшествование точке отсчета, прошедшее время передается глагольным (4.3.) предложением. Противопоставление проходит между двумя конструкциями: именной и глагольной, – выражающими настоящее время, с одной стороны, и одной конструкцией глагольного типа, выражающей прошедшее время, с другой.

Какую информацию о «моделировании действительности» может содержать в себе тот факт, что арабская языковая система на своем базовом уровне «мобилизует» на выражение значения одновременности, настоящего времени все имеющиеся в ее распоряжении предикативные ресурсы: и именной, и глагольный тип предложения, в то время как на выражение значения предшествования, прошедшего времени она «оставляет» лишь один, глагольный тип? Не «желает» ли она «сказать» тем самым, что настоящее одинаково значимо и существенно как для «событий», так и для «состояний», как «процессов», так и «вещей», в то время как прошедшее существенно для «событий» и «процессов» и не представляется таковым для «состояний» и «вещей». Не «желает» ли она тем самым утвердить некий особый статус настоящего и для мира «событий», и для мира «состояний» одновременно?

Статус же этот, по-видимому, существует. Ведь настоящее по-иному, чем прошедшее или будущее относится к категории бытия. «Есть только настоящее, – отмечает философ, – прошедшего уже нет, будущего еще нет» [Анисов 2000, с. 18] Именно настоящее и только оно «имеет подлинное бытие» [там же, с. 136] Оно же, как и всякая действительность, воспринимается нами с помощью органов чувств. Так, мы «слышим» время: так наз. «текущий момент» составляет около 3 секунд [там же, с. 24]. И еще одно свидетельство об окружающем нас мире: «событие обладает полнотой свойств, лишь пока оно находится в настоящем» [там же, с. 158].

Таким образом, за **разным количеством** временных форм именного и глагольного типов предложения на базовом уровне арабской временной системы может прочитываться **информация об «особом статусе»** временных отношений **одновременности**, значения **настоящего** в арабской языковой модели мира.

Весьма показательно, что арабская временная система дважды «высказывается» своей структурой по вопросу о приоритете одновременности или предшествования, настоящего или прошедшего времени. При этом на уровне одной из двух своих подсистем – глагольной, «обслуживающей» высказывания о «событиях», на уровне как бы «локальном», система

«отдает предпочтение» прошедшему времени, выделяя для него идеальную, «чистую», свободную от всяких «примесей» глагольную форму (*rasama*). На «тотальном» же уровне, включающем в себя наряду с глагольным и именной тип предложения, оформляющий высказывания о «состоянии», предпочтение отдается настоящему времени: для его выражения система «предназначает» две формы (*varsumi* и *'al-waladu rassāmun*) из трех, имеющихся у нее в арсенале базовых элементарных форм.

В этом нами усматривается очередное свидетельство предельной гибкости той естественной знаковой системы, которую называют «литературный арабский язык».

В ее всестороннем исследовании, в том числе и с привлечением ее «антагониста» – арабского разговорного языка, равно как и в блестящем практическом владении ею, видное место занимает профессор Григорий Шамилевич Шарбатов.

Вне формата «дорожной карты» остаются ответы на важнейшие вопросы обо всех элементах, составляющих арабскую временную систему, об их позиционировании относительно друг друга, о функции и «предназначении» каждого из этих элементов и их совокупностей. Однако преимущество «дорожной карты» заключается в том, что она дает возможность ставить все эти вопросы в той последовательности, которая делает очевидным самое существенное в ответах на них.

Литература

1. Анисов А.М. Темпоральный универсум и его познание. М., 2000.
2. Габучан Г.М. Арабское словоизменение. Дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук. М., 2000.
3. Кондрашина Е.Ю., Литвинцева Л.В., Поспелов Д.А. Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах // О функции моделирования действительности как одной из основных функций естественного языка. М.: Наука, 1989. С. 58-74.
4. Лебедев В.В. Временная определенность, временная неопределенность и основные формы арабского глагола. // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции. М.: ИД Ключ-С, 2013. С. 86-88.

5. Любинская Л.Н., Лепилин С.В. Философские проблемы времени в контексте междисциплинарных исследований. М., 2002.
6. Марк Бейкер. Атомы языка. Грамматика в темном поле сознания. М., 2008.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
8. Проблемы пространства и времени в современном естествознании. Л., 1991.
9. Сибавейхи. Книга. Каир, 1966 (на араб. яз.).
10. Черняк Л.С. Время у Гегеля // От философии жизни к философии культуры. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 320-329.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

©

А.А. Блинов
ИБ РАН (Москва)

Арабский язык в Джибути

Джибути – небольшое государство, расположенное на полуострове Африканский Рог, – редко привлекает внимание ученых и исследователей в области востоковедной науки, хотя, например, для арабистов оно представляет несомненный интерес. Арабский язык в Джибути является одним из государственных языков, а сама страна входит в состав Лиги арабских государств и наряду с другими странами Арабского Востока участвует в выработке единой линии поведения и политического курса, который, помимо прочего, ориентирован на продвижение арабизации и развитие арабского языка и арабо-мусульманской культуры. Таким образом, несмотря на то, что сами арабы составляют относительно незначительную часть населения, а доминируют кушитские народы исса (60%) и афар (35%), арабский язык носит здесь официальный статус и имеет большую социальную, культурную и религиозную значимость.

Джибути относится к числу стран, известных с глубокой древности. Историки называют Джибути (наряду с Сомали, Эритреей и Суданом) в качестве наиболее вероятного места расположения легендарной земли Пунт, которая была важнейшим источником благовоний (ладана и мирры) для древних египтян. Первые сведения о торговых отношениях между Пунтом и Древним Египтом датируются 2500 гг. до н.э. Согласно результатам археологических раскопок и ряду исследований, жители Пунта представляли процветающую цивилизацию со

своей собственной системой письма, которая до сих пор не расшифрована.

Во II в. н.э. здесь образовалось могущественное Аксумское царство, которое растянулось вдоль побережья Красного моря и даже включило часть Йемена на Аравийском полуострове. Языком этого государства был геэз – древнеэфиопский язык, возможно, ведущий свое происхождение от древнего южноаравийского, хотя это до конца не доказано. Известны многочисленные эпиграфические памятники этого языка, начиная с III-IV вв. н.э., включая знаменитую надпись Эзаны, описывающую покорение царем Эзаной соседних народов на трех языках – греческом, сабейском и геэз.

Как мы знаем, обычно проникновение арабского языка на территорию стран Африки (особенно в регионе южнее Сахары) сопровождалось экспансией ислама на эту территорию. В случае с рассматриваемой страной арабский язык появился здесь еще до распространения ислама. Его активно использовали уже в IV в. н.э. арабоязычные священники из Сирии, которые проповедовали христианское учение в Абиссинии, в частности обращали в свою религию жителей Джибути, центральной Эритреи, области Тиграй и районов, находящихся вдали от прибрежных областей [Killion 1998, p. 331]. Непосредственная исламизация этого региона началась в VII в. на прибрежном участке от города Массава до Зейлы, включая древний порт Аксумского царства Адулис (Зула). Усиление влияния ислама сопровождалось распространением арабского языка и достигло территории современного Джибути в IX в. после того, как купцы из Южной Аравии обосновались в городе Таджура.

Таким образом, упадок Аксумского царства совпал по времени с ростом могущества разнообразных мусульманских султанатов, под власть которых попало Джибути. Удобное географическое положение, позволявшее вести постоянный товарообмен с Египтом, Аравией и Индией, привлекало сюда большое количество арабских торговцев и коммерсантов. Кроме того активные процессы миграции арабов на территорию Джибути с Аравийского полуострова были вызваны войнами с веротступниками и разнообразными конфликтами в период правления Праведных халифов (632-661 гг.) и Омейядов (661-750 гг.).

Развитие отношений между переселенцами и автохтонным населением, большую часть которого представляли этнические группы сомали и афар, привело к возникновению многочисленных исламских центров на Африканском Роге, включая города Джибути. Арабоязычная лексика значительно обогатила словарный состав местных языков терминологией, связанной с исламской цивилизацией и религией, особенно в области теологии, торговли, политики, географии, мореплавания, общественных отношений, поэзии, народных сказок и средств обучения.

В XIII в. территория Джибути вошла в состав мусульманского султаната Ифат, а затем стала частью султаната Адаль в XVI в. после распада Ифата. Традиционно считается, что в данном регионе были распространены разнообразные языки, представляющие афразийскую макросемью.

Как указывает арабский историк XIV в. Шихаб аль-Умари, жители Ифата говорили на абиссинском языке¹. Таддессе Тамрат в книге «Кембриджская история Африки. Том 3» предполагает, что в данном контексте аль-Умари подразумевал под абиссинским один из южных эфиосемитских языков (аргоббу или харари), тем более что он не только приложил к своему труду список слов, некоторые из которых можно легко опознать, но и составил старейшее арабское описание эфиопского алфавита [Fage 1977, p. 146]. Тем не менее, эфиопский историк XIX в. Асма Георгис пишет, что правящая в обоих султанатах династия Валасма² говорила на арабском языке, который был дальним родственником гезз³. [Tafla 1987, p. 257].

Тем не менее, принимая во внимание этническое происхождение многих правителей, военачальников и жителей султанатов Ифат и Адаль, можно предположить, что большая часть их населения говорила на еще одном семито-хамитском

¹ Абиссиния – общепринятое название Эфиопии до 1931 г.

² Согласно египетскому историку Макриси и Хроникам Валасмы, династия вела свое происхождение от курайшитского или хашимитского рода.

³ Древнеэфиопский язык, вытесненный из обращения амхарским языком в середине XIX в.

языке – сомали. Во многих городах Джибути сомалийский язык считался основным, в то время как арабский язык использовался для торговли и богословских наук. Как указывают многие арабские путешественники того времени (например, Ибн Баттута), двуязычие стало обычным явлением в городах Африканского Рога, причем хорошо образованные слои местного общества уже умели говорить и писать по-арабски [Блинов 2014, с. 79-80]. Мусульмане побуждали население Джибути преподавать и распространять основы ислама, прививая ему навыки общения на двух языках.

Арабо-мусульманские правители и династии, стоявшие во главе султанатов Ифат и Адаль в средние века, всячески способствовали тому, чтобы арабский стал языком обучения, общения и торговли на подвластной им территории, включая Джибути. В это же время в местный обиход вошли арабоязычные придворные титулы и должности, такие как *sultān* «султан», *pā'ib* «заместитель или представитель султана», *šayḥ* «шейх», *'imām* «имам», *'amīr* «эмир», *qāḍīn* «мусульманский судья», *kātib* «писарь», *faqīh* «исламский богослов-законовед», *wazīr* «министр» и т.д. Фетвы выносились и формулировались также на арабском языке: получив письменное обращение, султан рассматривал указанную в нем проблему и писал свой ответ на обратной стороне послания.

Колониальный период в истории Джибути берет свой отсчет с XIX в., когда Великобритания, Италия и Франция разделили между собой все побережье Сомалийского полуострова, которое стало важной стратегической территорией после открытия Суэцкого канала. Франции при этом отошла территория Джибути.

Освоение новых территорий колонизаторами сопровождалось повсеместным введением французского языка, который начал использоваться в качестве языка административного аппарата и светского образования. Между тем арабский язык продолжал оставаться главным средством общения, управления и ведения дипломатии. Все договоры и контракты между жителями Джибути и колониальными властями подготавливались, помимо иностранного языка, также на арабском, причем правители, султаны и религиозные вожди ставили свою печать

именно на арабоязычном документе. Среди других важных документов, составлявшихся на арабском языке, стоит выделить письма, которыми обменивались родственники, родословные, свидетельства о рождении и смерти и т.д.

В рамках программы развития страны французы начали привлекать жителей Йемена (главным образом выходцев из пустынного района Тихама и города Аден) для строительства новой столицы Джибути в 1892 г. В результате йеменцы стали самой большой арабоязычной диаспорой в городе [Rouaud 1997, p. 324]. Когда была провозглашена независимость Джибути в 1977 г., йеменцы, жившие в столице, стали гражданами нового государства, хотя многие из них к этому времени уже переехали в другое место.

В 1896 г. новообразованная республика получила название «Французский берег Сомали». Французы способствовали организации системы формального образования в стране, которая строилась на основе обучения в школах при католических миссиях. Преподавательский состав подобных заведений практически целиком состоял из французских священнослужителей, а языком обучения был французский, как и в большинстве других колоний Франции на африканском континенте. Образовательные программы католических школ в Джибути мало чем отличались от учебных планов французских учебных заведений, однако большее внимание здесь уделялось изучению французского языка, простейших правил гигиены и урокам труда. После Второй мировой войны на смену католическим школам пришли государственные общеобразовательные учреждения, которые также ориентировались на распространение французского языка и французской культуры среди местного населения.

В то же время французы старались сохранить и систему традиционного мусульманского образования, считая ее важной составляющей процесса ликвидации неграмотности. Хотя в католические учебные заведения принимали всех детей, независимо от их этнической или религиозной принадлежности, значительной популярностью продолжали пользоваться коранические школы, которые «одинаково высоко ценились и кочевниками, и местными городскими жителями» [Thompson 1968, p. 147]. Свообразным ответом на них стало учреждение

в 1947 г. франко-арабской школы, однако этот эксперимент был признан неудачным ввиду низкого качества преподавания арабского и французского языков [Dudzik 2008, p. 23]. Однако в 1960-х гг. отношение к светскому образованию в Джибути начало меняться, особенно после введения возрастного ценза для поступающих в государственные учебные заведения, что заметно осложнило поступление в них для выпускников коранических школ. В 1964 г. кораническое обучение даже стало частью учебной программы в государственных школах.

Джибути обрело независимость от Франции в 1977 году. Государственными языками стали французский и арабский, в то время как в повседневном общении в основном использовались языки сомали и афар. За арабским языком в Джибути был закреплен официальный статус, а вступление этой страны в Лигу арабских государств в 1977 г. еще больше укрепило ее связь с арабским миром.

Правительство Джибути поставило задачу воспитывать граждан, говорящих на двух языках – французском и арабском, а в отдельных случаях даже на трех – помимо первых двух еще и на английском языке. Арабский язык был введен как учебный предмет в 1978 г. в начальной школе, на него выделялось четыре часа в неделю. С 1981 г. он был объявлен основным языком для 80% школ, начиная с шестого года обучения; его изучение как второго языка считалось обязательным с четвертого класса. Что касается французского, то он оставался единственным языком обучения в начальной и средней школе. В основу джибутийского проекта двуязычного обучения был положен тунисский опыт [Шагаль 1998, с. 247].

На сегодняшний день арабский язык выполняет функцию языка религии практически для всех жителей Джибути, так как, согласно первой статье конституции страны, ислам является здесь государственной религией (ее исповедуют 97% населения страны). Признание арабского литературного языка на общенациональном уровне означает, что он используется в масштабах всей страны для осуществления коммуникации как в письменной, так и в устной форме и представляет собой своего рода койне для политиков, интеллигенции и представителей бизнеса. Он преподается в школе и используется в средствах

массовой информации. Надписи на вывесках и указателях в Джибути, как правило, дублируются на двух языках – французском и арабском. К диалектальным разновидностям устно-разговорной формы арабского языка также прибегают в некоторых языковых сообществах Джибути, что может оказаться очень полезным в тех случаях, когда арабский играет роль языка торговли или лингва-франка во время общения с носителями других местных языков, не знающих арабского.

Языком светского образования в Джибути остается французский, но арабский литературный язык является единственным из трех национальных языков, который преподается в школе, начиная с пятого класса начальной школы. В настоящее время проходит эксперимент по изучению арабского детьми с первого класса начальной школы. При сдаче экзамена для перехода в среднюю школу прохождение теста на арабском языке является обязательным, это также касается выпускных экзаменов, которые необходимы для получения свидетельств об окончании неполной средней школы (*brevet d'études*) и полной средней школы (*baccalauréat*).

Арабский литературный язык также широко используется в средствах массовой информации. Он представлен в местной прессе газетой «Аль-Карн», которая выходит два раза в месяц. Кроме того, шесть часов в день отведено радиопередачам на арабском языке (с 8 до 10 часов утра и с 4 до 8 часов вечера). Что касается телевидения, то на арабском языке здесь транслируются новости, художественные фильмы, развлекательные программы и реклама. Местное правительство также планирует открыть три новых радиостанции, вещающие 12 часов в день на трех основных местных языках – арабском, сомали и афар.

На диалектах арабского языка в Джибути говорит менее 5% населения, численность которого составляет 810 000 человек (по данным CIA World Factbook на 2014 г.). Большая часть носителей арабского языка ведут свою родословную от выходцев из Йемена. Родной язык при этом используется в семье и при взаимодействии с другими членами одного языкового сообщества, которые могут легко идентифицировать происхождение говорящих, так как диалектальные особенности оста-

ются явно выраженными при контактировании различных форм арабской речи. Йеменское языковое сообщество в Джибути также сыграло большую роль в продвижении разновидности арабского торгового языка, которая применяется при взаимодействии с другими этническими группами, такими как афар или сомали.

Носителей арабского языка можно обнаружить во всех населенных пунктах Джибути, однако большинство из них сосредоточено в столице страны. Арабоязычные жители составляют значительную часть практически полумиллионного населения Джибути. Главным образом, это торговцы и коммерсанты, которые обосновались в центре города, 1-4 кварталах и районе Ингела, где они живут вместе с представителями других народностей страны. Члены этого языкового сообщества родом из йеменского города Таиз, расположенного на высоте примерно 1400 метров над уровнем моря, поэтому они носят название «джибалия» (от араб. *ǧabaliyyu* «горный»). Часто к этой группе причисляют арабов, известных в Джибути как байдани. Данный термин начал употребляться в стране еще в 1970-х гг. для обозначения арабоязычных жителей, которые происходят из высокогорных районов на границе между Северным и Южным Йеменом [Rouaud 1997, p. 328].

Арабский язык также является родным для 2 000 джибутийцев, живущих в пригороде Амбули (4 км от столицы). Они представляют три различные общины. Хакми, предки которых прибыли сюда из пустынного района Тихама в Йемене, обитают в южной части квартала Джабаль. Изначально они населяли плодородные низменности и занимались рыболовством. Кроме того, квартал Джабаль стал пристанищем для арабоязычной группы под названием дурайхими, которые раньше были фермерами и пастухами. Они являются выходцами из города Дурайхими, также находящегося в Тихаме. Следует упомянуть и о других языковых сообществах, говорящих на арабском языке, таких как машлахи и бану зид.

Йеменская диаспора в Джибути насчитывает 36 000 человек и сопоставима по своей численности с крупной группой оманских арабов в этой стране, состоящей из 39 000 носителей арабского языка. Некоторое количество арабоязычных

жителей также можно найти и в других населенных пунктах республики, таких как Дикиль, Али-Сабих или Таджура. В городе Обок, где большая часть жителей принадлежит к народности афар, есть целый квартал, заселенный дервишами. Их родной язык, относящийся к йеменской группе диалектов тихами, в 2002 г. стал объектом исследования французского семиолога Мари-Клод Симеон-Сенелль, однако другие арабские диалекты Джибути, так же как и местный лингва-франка торговли, пока остаются неизученными.

Как уже упоминалось выше, сегодня арабский является одним из основных предметов и вторым языком в системе светского образования Джибути, основанной на французской модели. Вместе с тем он рассматривается здесь также как неотъемлемый элемент системы религиозного образования, которая отдает дань уважения традициям изучения Корана – священной книги всех мусульман. Родители отмечают значение и престиж арабского языка и зачастую предпочитают отдавать своих детей в исламские школы, даже если арабский не является для них родным языком.

В последнее время особой популярностью пользуются частные арабоязычные учебные учреждения, которые получили признание и поддержку государства, начиная с 2000 г. В них учится 75% всех детей, посещающих частные средние школы в Джибути. Частные арабоязычные школы, в которых арабский язык является основным, а французский выступает в качестве второго языка, нередко готовят учеников к поступлению в университеты арабского мира, африканских государств и Малайзии.

Система формального образования в Джибути состоит из трех ступеней: базовое образование (дошкольное образование, начальное образование в течение пяти лет и образование в промежуточных классах или колледже в течение трех лет), среднее образование (общее образование в лицее в течение трех лет или технологическое и профессиональное образование в течение двух лет) и высшее образование. Интересно, что до 2006 г. системы дошкольного образования в Джибути не существовало. Родители сами создали свою школьную сеть для подготовки детей к поступлению в кораническую школу, для этих целей до сих пор существует частная система дошкольного образования.

Новейшая реформа системы образования в Джибути отводит важнейшую роль в ее организации арабскому языку. В разработанный учебный план введены уроки арабского языка и корановедения, которые представляют собой альтернативную образовательную модель по сравнению с формальным методом образования в стране. Включение коранических школ в курс обучения направлено на усиление чувства «принадлежности к арабо-мусульманскому миру». Арабский язык, второй государственный язык в Джибути, вошел в школьную программу в качестве обязательного предмета с первого года начальной школы, на него выделяется шесть часов в неделю. Новая образовательная модель также рекомендована для внедрения в католических школах. Одну из своих основных целей правительство видит в приведении программ арабоязычных школ в соответствие с учебным планом основных государственных школ. Министерство образования Джибути даже учредило особое ведомство для развития арабского и национальных языков, которое отвечает за популяризацию национальных языков в образовании и расширение сферы применения арабского языка в административной работе [Albaugh 2005, p. 18].

Система неформального образования в Джибути состоит из коранических школ и медресе.

С XI по XVIII вв. мусульманская система образования традиционно развивалась в арабском мире в двух направлениях: коранические школы и медресе. Первое медресе было открыто в Багдаде еще в 1068 г. Однако на Африканском Роге и в большей части Восточной Африки религиозное обучение долгое время считалось привилегией высших слоев общества, и подобная ситуация сохранялась вплоть до XIX в. Тем не менее, именно ислам оставался основным источником знаний в регионе. Хотя точное число коранических школ в Джибути неизвестно, они продолжают составлять важнейшую часть системы образования в стране. Мусульманское образование закладывает основы религии и позволяет ребенку прочитать Коран в оригинале на арабском языке. До создания медресе и коранических школ обучение в Джибути велось в мечетях и книжных лавках, которые также способствовали распространению знаний. Помимо

этого, в сельских областях работали кочующие учителя, которые являлись проводниками идей исламского образования.

Коранические школы в Джибути носят название дугси (от сомал. языка) либо куттабы (от араб. *kataba* «писать»). Обучение детей начинается в возрасте 4 лет и часто проходит под открытым небом, в тени деревьев или на улице. Учитель знакомит учеников с нравственными и культурными нормами ислама, прививает им основы арабского алфавита и правил произношения. Для понимания столпов мусульманского вероучения школьники запоминают наизусть суры из Корана и декламируют их перед всем классом. Часто во время уроков используются знаменитые деревянные дощечки, которые были введены в обиход по всей Африке еще в глубокой древности для разъяснения особенностей арабского языка и коранических текстов. Дети учатся читать и писать по-арабски, а также совершать молитвы. Во главе коранической школы, как правило, стоит шейх.

В результате особой методики обучения, состоящего из многократного повторения отрывков из Корана, юные джибутийцы выучивают священный текст к шести годам. Другие дисциплины (например, естественные науки) в дугси не представлены. В целом коранические школы содействуют формированию у учеников особого процесса познания, совершенно отличного от западной модели образования. Подобная концепция позволяет им быстро запоминать большие объемы информации, однако практически не развивает в них абстрактное мышление и воображение.

Иногда дети в Джибути посещают одновременно коранические и светские школы, а порой неожиданным образом сочетают обучение в коранических и католических школах [Tsehaye 2011, p. 53]. Такая своеобразная диверсификация образования вызвана, как правило, желанием родителей предоставить своему ребенку все возможности для дальнейшего успеха в его профессиональной жизни. Выбор школ при этом часто продиктован такими соображениями, как язык, религия и вырабатываемые ценности. Религиозному образованию нередко отдается приоритет из-за опасений родителей, что преобладающее европейское влияние в иерархии языков в государст-

венных школах и учебная программа, рассчитанная на изучение светских дисциплин, окажет негативное воздействие на детей и заставит их отказаться от родного языка.

Медресе долгое время считались элитными учебными заведениями в Джибути. Это средняя ступень мусульманского образования, дети начинают посещать такие школы с 12 лет, обучение организовано отдельно для мальчиков и девочек. Арабский язык здесь является языком обучения, в то время как корановедение занимает центральное место в учебной программе. Курс обучения рассчитан на семь лет и состоит из таких предметов, как арабская грамматика и литература, мусульманское право и богословие, хадисоведение и математика. Качество преподавания этих дисциплин зачастую зависит от уровня образования учителя.

Таким образом, обучение в медресе не ограничивается сугубо религиозными предметами, оно более упорядочено и структурировано по сравнению с кораническими школами. Тем не менее, преподаватели часто испытывают сложности во время коммуникации с учениками на арабском языке, так как он не так сильно распространен в административной сфере, и, несмотря на официальный статус арабского языка в Джибути, старания учителей ввести его в речевой обиход своих подопечных не всегда успешны ввиду ежедневного использования других языков в повседневном общении (главным образом, афар и сомали). Однако поступление в медресе в большинстве случаев остается единственным выходом для желающих выучить арабский язык, которые не хотят ехать для этого в страны Ближнего Востока (Йемен, Саудовскую Аравию, ОАЭ или Катар).

Если целью дугси является подготовка добропорядочно-го правоверного мусульманина, то задача медресе более амбициозна и заключается в воспитании всесторонне образованного мусульманина, «чистого духом и способного трезво мыслить» [Tsehaye 2014, p. 148]. Большинство коранических школ и медресе получают спонсорскую помощь от Исламского банка развития⁴, Саудовской Аравии, Йемена и других арабских стран.

⁴ Исламский банк развития также финансирует курсы по ликвидации неграмотности для взрослых на арабском языке

В настоящий момент в Джибути отсутствуют мусульманские высшие учебные заведения для выпускников медресе: они были вынуждены закрыться, не получив признания и поддержки со стороны местного правительства. Тем, кто хочет продолжить религиозное обучение, приходится уезжать в другие университеты – например, в Северную Африку (Египет), Западную Африку (Мавритания) или на Ближний Восток (Саудовская Аравия).

Таким образом, в стране функционируют две модели образования: частные мусульманские школы, старающиеся привить ученику индивидуальность и самобытность на почве религии, и светская система образования, которая, в свою очередь, подразделяется на государственный сектор школьного образования, частные арабоязычные школы и частные римско-католические школы. Первая модель черпает вдохновение из традиционной культуры Ближнего Востока и ориентируется на арабо-мусульманские ценности, вторая же более восприимчива к западным подходам и принципам.

Резюмируя все вышесказанное, можно констатировать, что, хотя арабский язык практически никогда не используется в повседневном общении жителями Джибути, будучи родным языком для менее 5% населения, правительство страны делает все возможное, чтобы увеличить его роль и значимость в различных сферах жизни. Разветвленная система образования, способствующая распространению программ как формального, так и неформального обучения, заметно повысила средний уровень знания арабского языка в Джибути, особенно после введения арабского языка в качестве обязательного предмета, начиная с первого класса начальной школы. Распространение арабского языка в стране также ведется с помощью средств массовой информации: прессы, радио и телевидения. Подобное внимательное отношение к вопросам языковой политики и языковой ситуации в Джибути вкупе с прочно укоренившимися исламскими традициями в сознании джибутийцев позволяют предположить, что арабский язык не только сохранит, но и усилит свои позиции в стране в самое ближайшее время.

Литература

1. Блинов А.А. Арабский язык в Сомали: прошлое и современность // Восток (Oriens). 2014. № 3.
2. Шагаль В.Э. Арабские страны: язык и общество. М.: Восточная литература, 1998.
3. Albaugh E.A. Language Policies in African Education. Brunswick: Bowdoin College, 2005.
4. Dudzik D.L. English Policies, Curricular Reforms, and Teacher Development in Multilingual, Postcolonial Djibouti. Minnesota: University of Minnesota, 2008.
5. Fage J.D., Oliver R. (eds.) The Cambridge History of Africa. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
6. Killion T. Historical Dictionary of Eritrea. Lanham: The Scarecrow Press, 1998.
7. Rouaud A. Pour une histoire des Arabes de Djibouti, 1896–1977 // Cahiers des Études Africaines. 1997. Vol. 37. № 146.
8. Tafla B. Asma Giyorgis and His Work: History of the Galla and the Kingdom of Sawa. Stuttgart: Steiner Verlag, 1987.
9. Thompson V., Adloff R. Djibouti and the Horn of Africa. Stanford: Stanford University Press, 1968.
10. Tsehaye R.S., Vielle-Grosjean H. The Children's Instruction in Sub-Saharan Africa: The Example of Burkina-Faso, Chad and Djibouti // Revista Anthropologica. 2011. Vol. 22 (2).
11. Tsehaye R.S. Djibouti: Formal and Non-Formal Education // Education in East and Central Africa. London: Bloomsbury, 2014.

©

Э.Н. Мишкур

ВШП МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва)

Об этнопсихолингвистической рефлексии в исследовании современной арабской разговорной речи

До самого последнего времени проблема соотношения региональных арабских народно-разговорных языков, традиционно именуемых «арабскими диалектами», и собственно современно

менного литературного языка арабов в его соответствующей ареальной (остранённой) модификации рассматривалась, как правило, в рамках системно-структурной организации данных идиомов, т.е. в терминах сходств и различий на фонетическом, лексическом и грамматических уровнях. В рамках господствовавшей в то время в науке о языке лингвистической парадигмы и, в частности, в ее типологической составляющей, арабисты пришли к принципиально важному выводу о типологической несовместимости указанных идиомов как систем разного строя: для первых характерен аналитический строй, для вторых – синтетический [Шарбатов 1960, 1966].

Длительное время «притчей во языцех» в отечественной и зарубежной семитологии был характер социолингвистической ситуации в арабоязычном ареале, камнем преткновения в которой была проблема лингвонимической стратификации региональных нелитературных идиомов, т.е. «арабских диалектов». Неопределенность статуса последних рельефно отразилась в их поливариативной номинации в многочисленных студиях представителей различных научных школ в России, Франции, Англии, Германии и других востоковедных центров Европы и США, а также в научных трактатах самих арабских языковедов. Мы выявили более двух десятков искомых лингвонимов, имеющих однопорядковое хождение в различных рабочих языках ученых-арабистов, профессионально занимающихся соответствующей проблематикой, ср., к примеру, рус. «арабский диалект», «народно-разговорный язык» и др.; англ. “Arabic dialect”, “Vernacular language” и др.; фр. “arabe parlé”, “langue arabe vulgaire” и др.; нем. “arabische Mundart”, “arabische Umgangssprache” и др.; араб. “lahǧa”, “ēāmīyya”, “luǧa dārīǧa” и др. [Мишкурин 1987].

Важно отметить, что репрезентативная выборка и инвентаризация специфических и пограничных функций литературного языка и региональных народно-разговорных языков в арабоязычном континууме, проведенная отечественными арабистами Г.Ш. Шарбатовым, Ю.Н.Завадовским, О.Б. Фроловой, А.Г. Беловой, В.Э. Шагалем и др., во многом способствовала верификации своеобразного социолингвистического статуса

проблемных идиомов [Шарбатов 1982; Завадовский 1978; Фролова 2009; Белова 1981, 2003; Шагаль 1998]¹.

Поворотным моментом в искомой характерологической идентификации структурно-функционального облика данных идиомов стала верификация языковой ситуации в арабоязычном ареале по типу «диглоссия» и признание факта соотношения унифицированного арабского литературного языка и региональных народно-разговорных языков по принципу «дополнительной дистрибуции»².

Мы, в свою очередь, опираясь на теорию «диалектного языка» Р.И.Аванесова и его последователей и модифицируя ее применительно к полидиалектной ситуации в арабоязычном ареале, констатировали, что при отсутствии в настоящее время единого общеарабского разговорного языка применение терми-

¹ Фундаментальная разработка «форм арабского языка и сфер их функционирования» отражена в коллективной монографии «Зарубежный Восток: Языковая ситуация и языковая политика: Справочник» (М.: Главн. ред. вост. лит., 1986, с. 404-405), получившей широкое признание среди ученых-социолнгвистов и внедренной в специальные теоретические курсы арабского языка в различных вузах РФ и СНГ. См., например, соответствующую таблицу и комментарий к ней в учебнике «Теоретический курс арабского языка», изданный в Военном университете под общей редакцией проф. Мишкурова Э.Н. (М., 2004, с. 19-32).

² Позволим себе в этой связи небольшое отступление, чтобы восстановить историческую справедливость в первоавторстве терминопонятия «диглоссия». В свое время А.Д. Швейцер утверждал, что термин «диглоссия» был впервые введен в научный обиход американским социолнгвистом Ч. Фергюсоном в его работе «Diglossia» [Швейцер 1971, с. 40; Ferguson 1959]. Однако еще в декабре 1930 г. известный французский диалектолог В. Марсэ (1872-1956) в своем докладе «Арабский язык» в разделе “La diglossie arabe” констатировал, что арабский язык (“langue arabe”) предстает в двух существенно отличающихся видах – это, во-первых, литературный письменный нормативный, или классический арабский (“une langue littéraire dite arabe écrit, ou régulier, ou littéral, ou classique”), во-вторых, бесписьменные разговорные образования/языки (“idioms parlés”), являющиеся по существу «единственным языком устного общения» среди всех слоев арабского населения» [Marçais 1961].

но-понятия «диалектный язык» как абстрактной модели идиома междиалектного типа малопродуктивно. Однако этот термин, использованный еще в 30-е годы XX в. акад. И.Ю. Крачковским в форме «чистонародный, *диалектический язык*» [Крачковский 1956, т. II, с. 512], мы трактуем следующим образом: арабские диалектные языки суть региональные (территориальные) общенародные повседневно-обиходные бесписьменные, устно-разговорные, койнезированные идиомы различной степени диалектности и наддиалектности, типологически не совпадающие с генетически родственным относительно единым официальным книжно-письменным литературным языком и функционально находящиеся с ним в отношении дополнительной дистрибуции.

Таким образом, в рамках господствовавшей длительное время в лингвоарабистике структуральной парадигмы, а также посредством социолингвистических разысканий были получены существенные результаты, суть которых заключается в следующем:

- литературный (АЛЯ) и диалектные языки (АДЯ) арабских стран – это близкородственные субстанционально схожие системы, типологически разошедшиеся на пути своего исторически-эволюционного развития;

- по своей системно-структурной организации диалектные языки – самостоятельные языковые образования, не выводимые из литературного (классического) языка и не сводимые к нему; они – результат объективного дифференцированного развития арабского языкового континуума, а не субъективная «порча», «искажение» литературного языка;

- литературный язык – система книжно-письменная; диалектные языки – системы устно-разговорные; обе разновидности систем в синхронии адекватно не взаимозаменяемые; АЛЯ и АДЯ по своей внутренней организации и социально-функциональному статусу находятся в отношении функционально-дополнительной дистрибуции;

- системно-структурные различия между грамматическим строем АЛЯ и АДЯ носят универсальный качественно-количественный типологический характер; системно-структурные

различия между самими АДЯ носят преимущественно квантитативный характер;

- в ходе историко-эволюционного развития арабских стран, вследствие известной их культурной разобщенности в условиях длительного господства западноевропейских метрополий, ослабления притягательности слогана «одна умма – одна миссия», усиления дифференциации региональных АДЯ обозначился определенный этно-психолингвистический сдвиг в ментальности территориально разобщенных этносов, их когнитивно-прагматическом восприятии картины окружающего мира и ее языковой рефлексии;

- ностальгия о былом величии средневекового Арабского халифата, простиравшегося «от океана до океана», и попытки его насильственного возрождения в современном мире только усиливают центробежные тенденции во взаимоотношениях арабских стран.

Еще задолго до перехода в современном языкознании с лингвистической парадигмы на *антропоцентрическую* отечественные и зарубежные арабисты видели необходимость в лингвокультурологическом и этнопсихологическом изучении быта, нравов, обычаев и языковых особенностей арабоязычных народов в различных регионах арабоязычного мира.

Так, еще в 90-е годы XIX в. известный востоковед-арабист А.Е. Крымский, находясь в Сирии и Ливане, уделял большое внимание особенностям «традиционного мышления» арабов, чертам их национального характера, лингвистическим отличиям местных диалектов от классического арабского языка, индивидуальной и коллективной психологии и отображению «духа народа» в арабоязычном речевом поведении, в частности в использовании пословиц, поговорок, афоризмов и фразеологизмов с ментальной окраской. По его наблюдениям, например, «араб-сириец при западной вышkolке не любит строгой и скучной логики и объективных доказательств, а больше всего ценит афоризмы, правила, меткое слово и т.п. Пословица для него есть большее доказательство, чем самый правильный

силлогизм»³. Весьма показательно, что даже при беседах на научные темы арабская интеллигенция обильно украшает свою речь стихотворными отрывками из произведений известных национальных поэтов разных исторических эпох, активно «упражняются в риторике, больше заботясь о стилистическом красноречии, чем о научной аргументации». Повседневное общение арабов ученый характеризует как крайне комплиментарное, слащаво-комплиментарное, а потому «мучительное», особенно «когда человек нервен или пришел по делу и спешит: ему к спеху, а заговорить нельзя, пока пять минут не пройдет в комплиментах (теклифат)» [Крымский 1975, с. 134, 148, 150].

Конечно, это лишь субъективное мнение европейца, выросшего иной культурой и системой этических норм. С точки зрения требований современной методологии межкультурной коммуникации мы можем принять лишь фактологическую, а не оценочную часть высказывания А.Е. Крымского по шкале «хорошо-плохо» / «приемлемо-неприемлемо» и т.п. Следует иметь в виду, что языковая предметно-стилистическая образность мышления арабского коренного (аравийского) этноса имеет

³ В этой связи упомянем работу Е.В. Кухаревой об арабских паремиях-клише как зеркале национального менталитета. В ней автор указывает, что их «общие корни географического (Аравийский полуостров), социального (родо-племенные отношения и, в основном, кочевой образ жизни), идеологического (рудименты языческих представлений периода джахилии и, в дальнейшем, ислам) происхождения и исторического опыта (завоевательные походы VI-VII вв.) по мере распространения единого арабского языка со всеми его разновидностями по Ближнему и Среднему Востоку и Северной Африке явились фундаментом формирования языковых клише, отражавших общие морально-этические и эстетические взгляды арабов, осевших в различных странах». Вместе с тем вполне корректно замечено, что «изучение арабских клише, различных по структуре, через значения заключенных в них понятий позволяет увидеть, что различия в национальных менталитетах можно заметить в тех лексических единицах или формах, а также в целых конструкциях, которые дают оценку тому или иному понятию, т.е. через их оценочное значение, определяющее контекстную семантику выражения» [Кухарева 2005, с. 12, 14].

древние корни, уходящие в особую устно-поэтическую («касыдную») форму отображения политических, социально-экономических и культурно-эстетических воззрений. Известно, что древние бедуинские «касыды» – оды – представляют собой рифмованный стихотворный образ-слепок жизни аравийских племен, а сложившееся поэтическое койне стало одной из основ будущего сакрального классического арабского языка.

Уже в наше время Ю.Н. Кудрявцев в предисловии к своему учебному пособию по арабскому народно-разговорному языку Алжира тонко подметил, что он «на языковом – лингвистическом и филологическом – материале <...> невольно коснулся того, что формирует душу человека, живущего в конкретной стране, а именно в Алжире. И далее следует характерный этнопсихолингвистический вывод, суть которого заключается в том, что «именно в речи алжирского арабского народа высвечиваются различные стороны его повседневной жизни, забот, традиций и среды его существования» [Кудрявцев 2006, с. 6].

В целом же, говоря об «арабской ментальности», следует, по нашему мнению, всегда исходить из общего постулата о том, что «суггестивная структура языковой личности арабофона включает два уровня языковой картины мира, первый из которых базируется на естественноприобретенной («материнской») обиходно-разговорной (диалектной) форме арабского языка с соответствующей региональной окраской («египетской», «иракской», «алжирской» и т.п.), а второй – на благоприобретенной путем обучения книжно-литературной письменной его форме. Очевидно, что степень отражения языковой картины мира в сознании неграмотного араба (т.е. не владеющего литературным арабским) и в сознании араба, овладевшего обеими формами языка, будет существенно различаться» [Мишкурлов 2007, с. 104].

В настоящее время – эпоху «лингвистического поворота» в философии и смежных социально-гуманитарных науках – этнопсихолингвистическая рефлексия приобретает все возрастающую значимость. Квинтэссенция хайдеггеровского философско-герменевтического толкования языка как краеугольного камня, «дома бытия», побудила французского семиотика и эссеиста Р. Барта еще более категорично утверждать, что «су-

ществование мира вне языка следует считать по меньшей мере проблематичным». Соответственно общество и культура – это также цивилизация языка, речи и письма». Для него очевидно, что «язык повсюду» и «все есть язык» [Новейший философ. словарь. Постмодернизм, 2007, с. 283, 314-316].

Если с пониманием относиться к известным преувеличениям постструктуралистов и экзистенциалистов, тем не менее, следует констатировать, что внимание ученых, сосредоточенное в настоящее время на *homo loquens* и *homo ludens*, то есть «человеке говорящем» и «человеке играющем», вполне обоснованно способствует углубленному исследованию актуальной этнопсихолингвистической проблематики во всех ее ракурсах.

В интересах же решения некоторых насущных задач, стоящих перед современной отечественной арабистикой в целом и ее коммуникативно-речевой составляющей в частности, представляется необходимым хотя бы абрисно очертить наиболее актуальные из них:

- продолжить разработку современных этнопсихолингвистически ориентированных современных монографий по еще не описанным в отечественной арабистике народно-разговорным диалектным языкам Машрика и Магриба (например, египетскому, суданскому, йеменскому и другим);

- продолжить издание лингвокультурологических словарей региональных АДЯ;

- разработать арабоязычный корпус диалектной лексики идиомов Машрика и Магриба, имеющей существенное значение для художественно-литературной, учебно-методической и переводческой деятельности;

- исследовать принципы знаково-символической организации быта, досуга, культурного и религиозного воспитания, выявить потенциальные сферы конфликтных ситуаций, сопровождаемых агрессивно-обсценной речью и т.п.;

- описать каноны речевого поведения арабофонов Машрика и Магриба, идентифицировать вербальные и кинетические средства коммуникации, способные вызвать лингвистический или культурологический шок и др.

И в заключение еще раз подчеркнем: современная парадигма исследования этнопсихолингвистических, социолингви-

стических и лингвокультурологических сходств и различий в дискурсивных практиках региональных социумов арабофонов, воспринявших от родителей особый ментально-речевой код, предполагает иную лингвофилософскую рефлексию и интерпретацию данных идиомов как новых национально-маркированных когнитивно-коммуникативных языковых образований.

И если ранее исследователи в основном сосредоточивались на типичном языке, культуре, менталитете, нравах и обычаях, характерных для всех арабо-мусульманских народов, то ныне этнопсихолингвистическая рефлексия ученых все более целеустремляется на познание региональной специфики их мирообразов, отраженной в их остранинной колоритной речи, на осмысление различных машрикских и магрибских разговорных идиомов как различных «домов бытия» для их носителей.

Литература

1. Белова А.Г. Введение в арабскую филологию. М.: ИВ РАН, 2003. 68 с.
2. Белова А.Г. «Средний язык» в системе наддиалектных форм языка // Типы наддиалектных форм языка. М.: Наука, 1981. С. 174-199.
3. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения, т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 702 с.
4. Крымский А.Е. Письма из Ливана (1896-1898). М.: Наука, 1975. 342 с.
5. Кудрявцев Ю.Н. Арабский народно-разговорный язык Алжира: обычаи и фольклор. М.: Вост. лит., 2006. 238 с.
6. Кухарева Е.В. Клише как отражение национального менталитета (на примере арабских паремий) // Автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 2005. 16 с.
7. Мишкурин Э.Н. Ментальные аспекты языкового мировосприятия у арабофонов-мусульман // Актуальные проблемы арабистики и тюркологии. Материалы научной конференции, посвященной 40-летию кафедры ближневосточных языков. М.: Воен. ун-т МО РФ, 2007. С. 102-109.
8. Мишкурин Э.Н. О лингвонимах в отечественной арабской диалектологии // Проблемы арабской культуры. Памяти академика И.Ю. Крачковского. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1987. С. 163-169.

9. Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современ. литератор, 2007. 816 с.
10. Финкельберг Н.Д. Пути познания этнического мирообраза // Внутренний мир и бытие языка: процессы и формы: мат. II Межвуз. науч. конф. по акт. пробл-м теории языка и коммуникации. 17 июня 2008 года: общ. ред. Н.В. Иванова. М.: Книга и бизнес, 2008. С. 576–583.
11. Фролова О.Б. Учебник арабского диалектного языка Египта. СПб.: Алетейя, 2009. 224 с.
12. Шагаль В.Э. Арабские страны: язык и общество. М.: Вост. лит., 1998. 280 с.
13. Шарбатов Г.Ш. Соотношение арабского литературного языка и современных арабских диалектов. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1966. 122 с.
14. Шарбатов Г.Ш. Арабский литературный язык и современные диалекты Аравии // Саудовская Аравия (справочник). М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1980. С. 37-43.
15. Шарбатов Г.Ш. Об аналитичности строя современных арабских диалектов // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 11 с.
16. Швейцер А.Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. Л.: Наука, 1971. 102 с.
17. Ferguson Ch.A. Diglossia // Word. 1959. Vol. 15, № 2. P. 325-340.
18. Ferguson Ch.A. The Arabic koiné // Language. 1959. Vol. 35. P.616-630.
19. Marçais W. Articles et conférences. P. : Maisonneuve, 1961. XXXVII + 248 p.
20. Zawadowski Y.N. The Maghrib Arabic Dialects. М.: Nauka, 1978. 101 p.

Мальтийский язык – от арабского диалекта к национальному языку¹

Понятие «диалект» обсуждается в лингвоарабистике на протяжении всей истории развития этой области языкознания, однако отсутствие однозначности в терминологии по данному вопросу (употребление различными авторами разных арабских номинаций для обозначения одного и того же явления, и, напротив, применение одного арабского наименования к различным языковым подсистемам) являлось камнем преткновения не только для арабистики, но также и для сопоставительных и социолингвистических исследований, объектом которых является арабский язык. В указанном контексте значительным достижением можно считать уточнение статуса арабских диалектов как самостоятельных грамматически оформленных языковых систем, предложенное Э.Н. Мишкуровым. Его определение арабских разговорно-диалектных языков (АРДЯ) как «региональных/территориальных общенародных повседневно-обиходных бесписьменных, устно-разговорных койнезированных идиомов различной степени диалектности и наддиалектности, не совпадающих с генетически родственным относительно единым официальным книжно-письменным литературным языком и функционально находящихся с ним в отношениях дополнительной дистрибуции» [Мишкуров 1985, с. 10], включило в себя наиболее существенные характеристики анализируемых идиомов и применимо ко всем разговорно-диалектным языкам арабояворящего региона.

Изучение арабских диалектов (а с введением Э.Н. Мишкуровым в научный оборот соответствующего термина – арабских разговорно-диалектных языков) относится к актуальным задачам современной лингвоарабистики. Диалекты арабского

¹ Исследование выполнено при поддержке факультета философии НИУ ВШЭ – грант 2013-2014 гг.

языка составляют неотъемлемую составляющую часть языковой системы стран Арабского Востока, исследования особенностей их структуры и функционирования способствуют пониманию специфики речевого поведения арабоязычных обществ. Если в сфере функционирования арабского литературного языка – сфере официального общения – отмечается высокая степень кодифицированности лексики и незначительная региональная вариативность, то территориальные разновидности разговорной формы арабского языка характеризуются целым рядом специфических признаков. Объект настоящего исследования – мальтийский язык и процесс его развития из регионального диалекта арабского языка в самостоятельный язык, имеющий статус государственного, – находится в сфере актуальных задач разработки общих принципов историко-типологических исследований, типологического сравнения конкретных языковых групп и изучения конкретных языковых явлений в типологическом аспекте.

Изучение возможных путей развития диалектов арабского языка на примере одного из них – мальтийского – не только подтверждает тезис о том, что диалектные языки являются не искажением литературного арабского языка, а самостоятельными языковыми системами, способными развиться в самостоятельные языки, но также позволяет определить факторы, способствующие приобретению диалектом статуса национального языка.

В 1481 г. жители острова Мальта, население которой в то время, по некоторым оценкам, не превышало 20 000 человек, заявили о том, что их язык отличается от языка населения соседней Сицилии, правящая элита которой назначала администрацию на островах Мальтийского архипелага: университет (*Università*, орган городского самоуправления) Мдины (в то время – столицы Мальты) высказался против назначения сицилийского священника на том основании, что он не владел разговорным языком местного населения. Это событие можно считать условной точкой отсчета, с которой начался путь разговорного языка населения Мальты, разошедшегося со своим источником – сицилийским арабским (*Siculo-Arabic*), к официальному языку Республики Мальта, единственному европейскому языку семитского происхождения. Этим уникальность

мальтийского языка не исчерпывается: мальтийский язык – единственный из арабских разговорных языков, эволюционировавший в самостоятельный язык, и единственный из диалектов арабского языка, имеющий письменность на основе латинского алфавита.

Согласно наиболее распространенной в настоящее время версии истории Мальты периода раннего средневековья, основанной на книге аль-Химьяри², через 200 лет после изгнания арабов с Мальты местное население уже было неспособно понимать язык соседних магрибинских арабов, которые, покинув Мальту после отвоевания ее у византийцев в 870 году практически необитаемой, вернулись на острова в 1048, предположительно, из Сицилии.

Формально мусульманский период на Мальтийском архипелаге завершился в 1091 г., фактически же присутствие мусульман продолжалось до середины XIII в. при сменяющих друг друга династиях правителей Сицилии. После аннексирования Мальты Роджером Норманнским и присоединения островов к Сицилийскому королевству в 1091 году мусульмане, хотя и вынужденные платить королевскому двору ежегодную дань, продолжали управлять островами. Однако в 1127 г. вся власть над архипелагом перешла в руки Роджера II, и это историческое событие считается началом эпохи христианизации островов – процесса, в результате которого сформировалось современное государство Республика Мальта, в котором католицизм является доминирующей религией (католики составляют сегодня 98 % населения Мальты). С 2004 г. Республика Мальта является государством – членом Европейского союза, а мальтийский язык официально признан европейским языком – единственным, как уже сказано выше, европейским языком семитского происхождения.

² Аль-Химьяри, Мухаммад ибн Абд аль-Мунъим (XIV в., Испания) – йеменец по происхождению, составитель историко-географического мусульманского словаря *Kitab ar-Raud al-Mi'tar fi Khabar al-Aqtar* (“The Perfumed Garden in the News of Nations”); историографическое описание Мальты аль-Химьяри впервые проанализировано мальтийским исследователем Дж. Бринкатом.

Если семитское происхождение мальтийского языка является общепризнанным, то его источники, период и пути формирования остаются предметом обсуждения в научном сообществе.

Начало научного изучения истории островов было положено при рыцарях-иоаннитах после перенесения ими своей штаб-квартиры с Родоса на Мальту в 1522-1530 гг. В «рыцарский период» историографии Мальты уходит корнями концепция, согласно которой в основе современного мальтийского языка лежит пунический (или карфагенский) язык – диалект финикийского языка, на котором немногочисленные местные жители говорили еще во времена Пунических войн (264-146 до н.э.), когда Мальта являлась частью Карфагенской империи. «Финикийская версия» и в настоящее время оказывает существенное влияние на представления мальтийцев о происхождении их языка.

В последней трети XX в. в контексте проводимых Национальным археологическим музеем Мальты исследований фактов материальной культуры, указывающих на тесную связь Мальты с Сицилией, большая часть населения которой к VIII в. уже была обращена в мусульманство и говорила на «сицилийском арабском», вопрос о происхождении мальтийского языка стал предметом оживленной дискуссии: с учетом того, что последние пунические надписи, обнаруженные на Мальте, датируются I-м столетием н.э., была предложена иная версия семитского происхождения мальтийского языка, согласно которой в качестве источника современного мальтийского языка рассматривается не мертвый пунический язык, а один из арабских разговорно-диалектных языков, «сицилийский арабский», принесенный на архипелаг арабами династии Фатимидов в период расширения халифата и распространения ислама.

В отличие от других арабских разговорно-диалектных языков мальтийский язык в последующий после изгнания мусульман с островов период развивался в отрыве от арабского литературного языка, кодифицированного Кораном и другими литературными памятниками ислама и являющегося на протяжении веков языковым эталоном для населения арабских стран. Современный мальтийский язык представляет собой уникаль-

ный пример развития арабского разговорно-диалектного языка, функционировавшего в течение более 900 лет в изоляции от арабского литературного языка, в христианском сообществе, в условиях доминирования европейских языков правящих элит, в официальный язык европейского государства, сохранивший грамматическую структуру, свойственную арабским разговорно-диалектным языкам, и основной лексический фонд арабского языка.

Мусульманские источники, в которых описывается ранняя средневековая история стран Средиземноморья, сообщают о завоевании арабами Мальты в 869-870 гг.; в рукописях периода позднего средневековья содержатся сведения об аннексии островов пришедшими с Сицилии норманнами в 1091 г. Но сведения о том, что происходило на архипелаге в период с 870 г. до 1282 г. (к этому году относится упоминание о Мальте как территории, входившей в состав Каталонско-арагонской конфедерации), а также в период с 1282 г. до учреждения в 1530 г. рыцарями-иоаннитами штаб-квартиры Ордена на Мальте, являются крайне фрагментированными. В этой связи особое значение приобретает изучение образцов материальной культуры и языкового материала.

Наиболее известным из обнаруженных на островах памятников с куфическим текстом является Maimuna stone (камень Маймуны, в некоторых источниках – камень Сары) – мраморная надгробная плита с арабской надписью, датированная 1173 г. и найденная в местечке Xewkija (Шаукийя) на острове Гозо. Из надписи следует, что плита была частью надгробного памятника арабской девушке по имени Сара. Куфический текст был расшифрован и записан на итальянском языке монахом Габриелем д'Алаппо (предположительно сирийского происхождения), впоследствии переведен на мальтийский язык и с 1960 г. находится в филиале Национального археологического музея на острове Гозо.

Главное, на наш взгляд, доказательство длительного присутствия арабов на Мальтийских островах, объясняющее степень устойчивости влияния арабского языка на мальтийский, лежит в области лингвистики: это факты современного мальтийского языка.

С позиции сопоставительного языкознания в контексте анализа системы, структуры и особенностей функционирования современного арабского языка мальтийский язык следует рассматривать как один из диалектов арабского языка магрибской группы диалектов.

Отмечая сходство между мальтийским языком и другими арабскими разговорно-диалектными языками с точки зрения их позиционирования в системном описании арабского языка, необходимо отметить, что языковая ситуация на Мальте отличается от языковой ситуации в арабских странах.

Л.В. Щерба выделял два типа двуязычия: чистого типа и смешанного типа. Чистый тип (в современной терминологии – диглоссия) – языковая ситуация, в которой определенный язык употребляется в определенной обстановке; например, при общении в семье – один язык, в сфере общественной жизни – другой. Смешанный тип – постоянный «автоматический» переход от одного языка к другому, употребление то одного, то другого языка.

Упомянутое ранее системное описание современного арабского языка, предложенное Э.Н. Мишкуровым, с учетом статуса арабских диалектов как самостоятельных грамматически оформленных языковых систем, является примером диглоссии, поскольку в современных арабоязычных обществах наблюдается такая форма функционирования двух языков (или подсистем одного языка – АЛЯ и АРДЯ), при которой эти языки (или подсистемы одного языка) находятся в отношениях дополнительной дистрибуции: в ситуации официального общения используется официальный и общий для всех арабских стран арабский литературный язык, а в ситуациях бытового повседневно общения – арабский разговорно-диалектный язык данного региона. Существенным признаком диглоссии является сознательный выбор говорящими коммуникативного средства в зависимости от ситуации общения и использование того из них, которое наилучшим образом способно обеспечить успех коммуникации. В отличие от арабских стран языковую ситуацию на Мальте следует характеризовать как билингвизм.

Начало формирования тренда билингвизма в языковой реальности островов совпало с окончанием мусульманского

периода в истории Мальты и изгнанием арабов. С установлением на Мальте власти сицилийского королевского двора и укреплением ее политических и хозяйственных связей с северным соседом язык мальтийцев в силу необходимости постоянного общения для решения административных вопросов заимствовал все большее количество иноязычной лексики и фразеологии. Иноязычные заимствования «встраивались» в язык местного населения и адаптировались к его фонетической и грамматической системе. Можно предположить, что истоки способности мальтийского языка адаптировать большое количество иноязычной лексики к своей грамматической и фонетической системам при сохранении своей грамматической структуры, которая реализовалась в последующие периоды доминирования европейских языков (по некоторым оценкам, в настоящее время в мальтийском около 50% лексики – иноязычного происхождения), следует искать именно в раннем периоде формирования мальтийского языка, наступившем после потери связей с материнским – арабским – языком.

Известно, что лексическая система языка развивается по мере возникновения в обществе потребности номинации новых явлений и предметов. Со всей очевидностью импульс расширению словарного состава мальтийского языка был дан прибытием на острова рыцарей-госпитальеров. Все члены ордена имени Святого Иоанна (известен также как Мальтийский орден) были европейского происхождения и говорили на европейских языках. В период власти Ордена итальянский язык укрепился на Мальте как язык административного делопроизводства. Мальтийский разговорный язык продолжал оставаться языком повседневного общения местного населения, особенно в сельской местности, однако в городе-крепости Валлетте, построенном рыцарями как новая столица островов, и в развивающихся вокруг него городах в пределах акватории порта, население которых находилось в постоянном контакте с сицилийскими и итальянскими торговцами и моряками, постепенно распространялась и укреплялась лексика сицилийско-итальянского языка. В результате этого процесса более 20% словарных

слов в составленном А. Солданисом ³ в 1755 г. 4-х томном рукописном словаре мальтийского языка являются заимствованиями из сицилийского или итальянского языков. В описываемый период (и до конца XIX в.) мальтийский язык практически не имел письменности, до настоящего времени сохранились лишь несколько небольших текстов на мальтийском языке, относящихся к концу XVIII в. и имеющих характер литературных упражнений.

В 1895 г. М.А. Вассалли (Mikiel Anton Vassalli), считающийся основателем современного мальтийского языка, предпринял попытку ввести преподавание мальтийского языка в школе, но его предложение не было востребовано обществом и осталось нереализованным. Преподавание мальтийского языка в школах стало реальностью только в первые годы XX в. В 1924 г. мальтийский алфавит был стандартизирован, а еще через десять лет мальтийский язык был официально признан языком населения Мальты.

В то же время расширяющиеся контакты с материковой Италией придали новый импульс распространению на островах итальянского языка. В период итальянского Рисорджименто на острова прибыло большое количество ссыльных с материковой Италии, в большинстве своем представителей образованных слоев населения, с появлением которых у мальтийцев появилась возможность познакомиться с итальянской литературной традицией, культурным и языковым наследием одной из наиболее просвещенных стран Европы. Продолжилось обогащение словарного запаса мальтийского языка заимствованиями романского происхождения. Процесс адаптации мальтийским языком иноязычной лексики неоднократно повторялся, менялось только происхождение заимствований: например, в период британского мандата (1802-1964 гг.) наибольшее количество заимствованных слов были англо-саксонского происхождения. Неизменным, однако, оставался характер усвоения мальтийским языком иноязычной лексики: слова иностранного происхождения, независимо от их корней, встраивались в граммати-

³ Gan Piet Frangisk Agius de Soldanis – гозитанский (родившийся на о. Гозо) языковед, археолог, историк.

ческую систему мальтийского языка и продолжали функционировать по ее законам.

Анализ современного мальтийского языка, проведенный автором на основе языкового материала, собранного в период 2010-2013 гг. (письменных текстов, относящихся к различным функциональным стилям, и отдельных лексем, а также образцов устной речи носителей языка), подтверждает, что основные типологические свойства арабского языка и его сущностные характеристики свойственны мальтийскому языку в той же мере, в какой свойственны и другим арабским разговорно-диалектным языкам, что, в свою очередь, является подтверждением тезиса о том, что мальтийский язык имеет те же корни, что и другие современные арабские диалекты, а также подтверждением выдвинутой Г.П. Мельниковым теории языковой детерминанты: языковая детерминанта арабского языка настолько устойчива, что сохраняется в одном из его диалектов через почти тысячелетие развития последнего в изоляции от материнского языка, в окружении языков иных языковых групп и семей. Сущностные характеристики арабского языка проявляются с разной степенью наглядности во всех ярусах мальтийской языковой системы.

В лингвистической терминологии, которая разрабатывалась в процессе стандартизации мальтийского языка и используется в настоящее время, обнаруживается влияние арабской грамматической традиции. Термины, обозначающие «лунные» и «солнечные»⁴ буквы, грамматический показатель женского рода *ta marbuta* («та-марбута»), *ghamla* («фактор»), *l'ewwel sura* («первая форма») и пр., со всей очевидностью имеют арабское происхождение.

⁴ «Солнечными» в арабском языке называются буквы, обозначающие переднеязычные согласные звуки, с которыми ассимилируется согласный определенного артикля *al-*; «лунными» – буквы, обозначающие звуки, с которыми согласный определенного артикля *al-* не ассимилируется. Названия происходят от слова *aš-šams(u)* («солнце»), в котором согласный артикля ассимилируется, и слова *al-Qamar(u)* («луна»), в котором согласный артикля остаётся без изменения.

Исследования М. Уолтер (Mary Ann Walter), представившей результаты сопоставительного анализа фонетической системы арабского и мальтийского языков (последний язык исследователь называет мальтийским диалектом арабского языка, *the Maltese dialect of Arabic*), указывают на общие исходные фонетические характеристики двух идиомов, с выделением некоторых различий: мальтийский диалект, утративший оппозицию эмфатический / неэмфатический в системе согласных, демонстрирует компенсационные процессы путем расширения состава и диверсификации гласных звуков. Также экспериментальным путем зафиксирован процесс диссимилиации заднебных согласных, – явление, свойственное и другим арабским диалектам, в частности южно-палестинскому.

Словообразовательные модели в глагольной системе мальтийского языка описываются «нумерической системой», то есть системой «пород» глагола, которая применяется для отображения деривационной системы арабского языка.

Исследования синтаксической структуры арабского языка носят незавершенный характер. Однако особенности употребления некоторых форм в определенных синтаксических позициях указывают на влияние арабского синтаксиса. Например, употребление глаголов в форме единственного числа 3 лица женского рода при согласовании с именем во множественном числе – грамматическое явление, уникальное для арабского языка (следует отметить, что в арабском литературном языке это правило распространяется только на «имена неразумных», в то время как в мальтийском языке является универсальным). Также широко употребляема изафетная конструкция (несогласованное определение) – самое маркированное явление синтаксиса арабского языка.

Наиболее очевидным является влияние арабского языка на мальтийский в области лексики. Вывод о том, что население архипелага в течение продолжавшегося 400 лет периода формирования национального языка говорило по-арабски, подтверждается данными сопоставительной ономастики: наиболее устойчивая лексика *Malti* – прежде всего слова, номинирующие основные понятия быта и повседневной жизни, а также мировоззренческие и религиозные символы, в том числе имена

собственные, – демонстрирует высокую степень устойчивости ее арабского происхождения. Примером являются некоторые арабские антропонимы, функционирующие в современном мальтийском языке. Полное имя и фамилия в арабском языке могут включать в себя несколько элементов: KuNYat(un), 'iSM(un), NiSBat(un) и NaSaB(un). KuNYat(un) (ар. «прозвище, кличка») является составным именем (словосочетанием, образующим генитивную конструкцию), включающим в себя имя нарицательное ('iBN(u) – «сын», ViNT(u) – «дочь», 'aB(ū) – «отец», 'uMM(u) – «мать»), употребленное в сопряженном состоянии (в позиции первого члена генитивной конструкции), и имя собственное, употребленное в позиции второго члена генитивной конструкции, например: 'iBNu l-HaTTāBi («сын Хаттаба»), 'aBū KaRīM(in) («отец Карима»), 'uMM HāLiD(in) («мать Халида»); как правило, имеет оттенок значения «уважительности». Однако KuNYat(un) может употребляться и в метафорическом смысле, например: 'aBū l-GHaWLī (досл. «отец ужаса» – «сфинкс»), 'aBū LiHYat(in) («носящий бороду»). В мальтийском языке арабское KuNYat(un), претерпев фонетические и словообразовательные трансформации, легко узнаваемо в наиболее распространенных на островах архипелага именах и фамилиях, восходящих к IX-XIII вв., а также в многочисленных топонимах, образованных от имен собственных.

Такие фамилии, как Buhagiā (от 'aBu HaGaR(in) – «каменистый, имеющий отношение к камню, возможно, владелец дома, построенного из камня»), Busuttī ('aBu Sittī(a) – «имеющий в распоряжении (под началом) шестьдесят (возможно, голов скота или зависимых людей)»), Buttigieg (от 'aBu DaGGaG(i) – «известный окружающим как имеющий во владении (распоряжении) большое количество кур»), – примеры функционирования в мальтийском языке арабских лексем типа KuNYat(un), а также его наиболее характерной синтаксической конструкции – идафы. Аналогичным образом образована мальтийская фамилия Agius, восходящая к арабскому 'iBNu l-'aGūz(i) – «сын старой женщины».

Среди многочисленных мальтийских топонимов арабского происхождения большая группа также является производными от KuNYat(un): так, например, название парка Buzietta

(Gardens) образовано от арабского ‘aBū SiTTa(tin) – «имеющий в распоряжении шестерых»; название города BuGiBba восходит к арабскому ‘aBū GiBBat(in) – «носящий джиббу (национальную арабскую одежду с широкими рукавами); название города Burtarrad – ‘aBū (r)MaRRaD (ар. букв. «имеющий длинную шею»).

Категория ‘iSM(un) (ар. «имя») в значении «имя человека» в арабском языке может выражаться словами, соответствующими таким частям речи, как существительное, прилагательное, причастие и даже глагол (при том, что три последних части речи субстантивируются): ‘aMaL(un) – «надежда», DGaMiL(un) – «красивый», MaHMūD(un) – прославленный, YaZiD(u) – «(тот, который) превышает».

Практически не встречаясь среди мальтийских имен, арабские имена ясно прослеживаются в мальтийских фамилиях, таких как Wardi (от ар. WaRDat(un) – «роза»), Zahra (от ар. ZaHRat(un) – «цветок»), Manara (от ар. MaNāR(un) – «маяк») и др.

Примерами топонимов арабского происхождения являются названия мальтийских населенных пунктов: Xewkiya (от ар. ŠaWKiyat(un)), Gharb (от ар. ĠaRB(un)), Zeitun (от ар. ZaYT(un)), Xghajra (от ар. ŠaJRat(un)), Mosta (от ар. MaWSaT(un)), Mdina (от ар. MaDīNat(un)), а также названия морских бухт (в состав этих топонимов входит английское заимствование Bay) ir-Ramla Bay, il-Jnejna Bay.

Для номинации базовых понятий, таких как «Бог» – (мальт. Allah), «Богородица» – (мальт. Omm ta’Allah или в официальной проповеди – Omm qaddisa ta’Allah), также используются слова арабского происхождения. Генитивная конструкция Omm ta’Allah соответствует изафетной конструкции арабского языка. Показательным примером одновременного функционирования лексем арабского и латинского происхождения является употребление в одном и том же тексте проповеди для обозначения Богородицы наряду с Omm ta’Allah и Omm qaddisa ta’Allah номинативов Vergni Glorjuza и Helwa Vergni Marija.

Пример текста на мальтийском языке, размещенного у входа в приходскую церковь города Меллиха: “Min jiekol ġismi u jixrub demmi jibqa’ fiġa u yiena fiġ” (ар. من يأكل جسمي ويشرب دمي (يبقى فيّ وأنا فيه), являющегося цитатой из Евангелия от Иоанна (6: 56) «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою кровь пребывает во

Мне, и Я в нем», представляет собой убедительную иллюстрацию сохранения в современном мальтийском языке всех структурных характеристик и функциональных связей, свойственных арабскому языку.

Литература

1. Баранов Х.К. Большой арабско-русский словарь: В 2 т. М: Живой язык, 2006. 456 с.
2. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972. С. 25-60.
3. Верещагин Г.М. Психологическая и методологическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во МГУ, 1969. 160 с.
4. Гумбольдт Вильгельм фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества (1830-1835), электронная версия по: Вильгельм фон Гумбольдт «Избранные труды по языкознанию». М., 1984. С. 37-297.
5. Мельников Г.П. Системная типология языков. Принципы. Методы. Модели. М.: Наука, 2003. 395 с.
6. Мишкурнов Е.Н. Типология диалектного и литературного грамматического строя современного арабского языка / Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук. М., 1985. 53 с.
7. Шерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
8. Al-Himyārī, M. Al-Rawd Al-Mi'tār fi Habar Al-Aktār / Muhammad bin Abd Al-Muneim Al-Himyārī. Beirut: Muassasat Nāser Li-Sakāfa, 1980.
9. Dalli Charles. Malta. The Medieval Millenium. Malta: Midsea books ltd., 2006.
10. Ferguson, Charles A. Diglossia // Word. 1959. Vol. 15. P. 325-340.
11. Ma'tūq, A. M. Nazariyat al-lughah al-thālithah, dirasah fi qadiyat al-lughah al-'Arabiyah al-wustā. Beirut: Al-Markaz al-Thakāfi al-Arabi, Dār al-Baidā, 2005. 413 с.
12. Molinari A., Cutajar N. Of Greeks and Arabs and of Feudal Knights. A preliminary archaeological exposure of Malta's perplexing Middle Ages // Malta Archaeological Review. 1999. Vol. 3. P. 9-13.
13. Pace J. F. Pace J. F. The Evolution of Maltese Language / Malta Studies, 1995 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aboutmalta.com/grazio/study2.html>.
14. Wettinger, Godfrey. The Arabs in Malta // Malta: Studies of its Heritage and History. Malta: Mid-Med Bank Ltd, 1986. P. 87-104.
15. Walter, Mary Ann. Pharyngealization effects in Maltese Arabic // Perspectives on Arabic Linguistics: Proceedings of the 16th Arabic Linguistics Society Symposium / S. Boudelaa (ed.). Current Issues in Linguistic Theory. Vol. XVI. Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 161-178.

ПРАГМАТИКА И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

©

А.Ю. Крылов

Институт стран Востока (Москва)

Риторические фигуры арабов как средство воздействия на аудиторию

Умение добиваться поставленной цели коммуникации, оказывать речевое воздействие на реципиента во многом связано с реализацией одной из универсальных базовых категорий, имеющей специальные средства выражения эмоций в языке и представленной на всех его уровнях, – понятийной категории эмотивности. Постигание природы данной категории является одной из актуальных проблем, которая глубоко и всесторонне исследуется в современной лингвистике.

Эффективность речевого воздействия связана с целым комплексом лингвистических и экстралингвистических факторов. Такие свойства эмоциональности, как впечатлительность, импульсивность связаны с национальными, этническими особенностями, моральными и нравственными ценностями индивида, его мировоззрением. Арабофоны, как известно, в значительной степени отличаются эмоциональной формой речевого общения, в котором ярко проявляются их национально-психологические и этнокультурные особенности, что находит выражение в эмоциональной насыщенности речи.

Среди множества особенностей речи арабов вызывает интерес специфика употребления речевых фигур, придающих высказыванию яркую эмоционально-экспрессивную окраску, что очень характерно для речи ораторской, публицистической,

наполненной острой полемикой и горячей дискуссией, а также для устно-разговорной речи: ведь «аффективная речь – это лучший способ внушить свою мысль собеседнику» [Балли 1961, с. 329]. Именно эмоции, как известно, в значительной степени лежат в основе убеждающей речи.

Реализация эмотивной функции языка в дискурсивном пространстве арабов происходит в уникальных условиях языковой ситуации, в которой наряду с арабским литературным языком (АЛЯ), в общих чертах единым во всем арабоязычном мире, функционируют многочисленные региональные идиомы – арабские разговорно-диалектные языки (АРДЯ).

В публичных выступлениях арабских политических деятелей часто наблюдается переплетение и взаимодействие средств АЛЯ и АРДЯ, когда один отрезок речи оформляется на АЛЯ, а другой – на АРДЯ или же отрезок речи произносится с элементами и АЛЯ и АРДЯ в различных соотношениях. Как установлено в результате экспериментального анализа ритмической организации ораторской речи, публичным выступлениям, например, арабов Египта присущи ритмические построения как литературного языка, так и диалектного при отчетливой тенденции к преобладанию ритма, характерного для диалекта [Игнатъев 1983, с. 83]. Использование различных языковых регистров является эффективным стилистическим средством для реализации главной задачи – достижения максимальной выразительности высказывания, оказания должного информационно-эмоционального воздействия на реципиента.

Коммуникативные намерения оратора реализуются с высокой эффективностью, если он является харизматической личностью. Такое качество отличает политических деятелей многих арабских стран.

В силу различных экстралингвистических факторов в арабском ораторском искусстве родилась тенденция обращаться к народу на понятном ему диалектном языке, что производило сильное впечатление на аудиторию. Пионером в вопросе становления нового направления в современной арабской публичной речи, арабской риторике стал Г.А. Насер – выдающийся оратор, который 26 июля 1956 г. впервые произнес речь на диалектном языке Египта перед собравшимися на многочислен-

ном митинге в Александрии [Игнатъев 1979, с. 124]. Впоследствии его примеру последовали и другие политики, а также лидеры арабских стран, которые в своих выступлениях всё чаще стали использовать различные ритмико-синтаксические конструкции, присущие диалектным языкам арабов. Как отмечал в этой связи Г.Ш. Шарбатов, «...диалект вторгается в такую сферу языкового функционирования, которая считалась «святая святых» устной литературной речи: на диалекте может быть произнесена политическая речь в парламенте или прочитана научная лекция» [Игнатъев 1983, с. 83].

Риторические фигуры, характерные для арабской ораторской речи, можно разделить на *две большие группы*, относя к первой ритмико-синтаксические фигуры: разновидности повтора, появляющиеся при особом расположении фраз, синтагм (анафора, эпифора и др.), а ко второй – фигуры семантико-стилистического характера, возникающие в речи как результат взаимосвязи разнотипных ритмико-синтаксических фигур (антитеза, параллелизм и др.) [Игнатъев 1982, с. 5].

Пример употребления *анафоры* как риторической фигуры первой группы находим в выступлении Г.А. Насера, где одни отрезки речи оформлены на АЛЯ, а другие – на АРДЯ Египта: «كان فيه 80 ألف عسكري انجليزي وكان فيه احتلال. كان فيه عدوان ثلاثي. كان فيه معركة السد العالي ومعركة تأميم القناة. كان فيه معارك كثيرة وكسبناها. [Nascer 1968; Игнатъев 1982, с.19] [ka:n fi: tama:ni:n 'alf 'easkariy 'ing'li:ziy wa ka:n fi: 'ihtil'la:l ka:n fi: eud'wa:n šu'la: šiy ka:n fi: maεraka s-'saddi l-'ea:liy wa maεraka ta'mi:m al-qa'na:t ka:n fi: ma'ea:rik ka'ti:ga wa kasab'na:ħa] ¹ – «Было 80 тысяч английских военнослужащих, и была оккупация. Была тройственная агрессия. Была битва за высотную плотину и битва за национализацию канала. Было много сражений, и мы их выиграли».

Эта разновидность повтора характерна и для обиходно-разговорной речи, например, арабов Сирии: «ارجوكي، اناس... [ارجوكي تسامحيني على هالعذاب اللي تعذبتي... [ar'g'u:ki 'i'na:s 'ar'g'u:ki tsa:mi'hi:ni 'eala ħal-ea'za:b`illi taεa'zzabti] [فيلم حب للحياة] –

¹ Примеры на АРДЯ или с элементами АРДЯ сопровождаются транскрипцией. – А.К.

«Прошу тебя, Инас, прошу тебя, прости меня за те страдания, которые ты перенесла...» (АРДЯ Сирии).

В выступлениях Г.А. Насера часто встречается такая ритмико-синтаксическая фигура, как *эпифора*: «قوى الشعب هي الضمان، «يقظة الجماهير هي الضمان، حركة الجماهير هي الضمان...» [Насер 1968; Игнатъев 1982, с. 25] [ˈquwa ʕš-šaʕb ˈhiya d-daˈma:n ˈyaqazat l-gama:ˈhi:r ˈhiya d-daˈma:n ˈharakat l-gama:ˈhi:r ˈhiya d-daˈma:n] – «Сила народа – вот гарантия, бдительность народных масс – вот гарантия, движение народных масс – вот гарантия...» (АЛЯ).

Использование эпифоры в устной речи арабов ярко демонстрируется на примере отрывка из кинофильма «Черные очки»: «...كنا بنعمل اللي يعجبنا.. وقت ما يعجبنا.. بالطريقة اللي تعجبنا...» [Фильм النظارة] [ˈkunna bˈnaʕmal ˈiːlli yaʕˈgibna waˈt ma yaʕˈgibna biʔ-taˈri:ˈa ˈiːlli taʕˈgibna] – «Мы делали то, что нам нравилось, тогда, когда нам нравилось, так, как нам нравилось...» (АРДЯ Египта).

Наличие в высказывании анафоры и эпифоры, когда в начале и в конце предложения повторяются структурно и семантически аналогичные компоненты, образует *симпложу*, при которой повторяющиеся элементы «выступают в качестве основного средства выделения смысла неповторяющихся частей и создания или усиления экспрессивного эффекта высказывания» [Игнатъев 1982, с. 5].

Эта фигура встречается в ораторской речи Г.А. Насера, в которой мы также отмечаем использование различных языковых регистров как эффективного стилистического средства воздействия на аудиторию: «مش حنقدر نعمل جيش جديد في يوم وليلة. مش حنقدر نتدرب على الاسلحة اللي حصلنا عليها في يوم وليلة، مش حنقدر نبني وحدات جديدة. «ونطلع ضباط جداد ونجهز طيارين جداد في يوم وليلة.» [Насер 1968; Игнатъев 1982, с. 17] [muʕ haˈniˈdar ˈnaʕmal geiʕ giˈdi:d fi yo:m wa ˈleila muʕ haˈniˈdar nitˈdarrab ʕala lˈasˈliha ˈiːlli haˈsalna ʕaˈleyha fi yo:m wa ˈleila muʕ haˈniˈdar ˈnibni: wahaˈda:t giˈdi:da wa nˈtallie duˈbba:ʔ guˈda:d wa nˈgaħħiz ʔayyaˈri:n guˈda:d fi yo:m wa ˈleila] – «Мы не сможем создать новую армию за день и ночь, мы не сможем научиться владеть полученным оружием за день и ночь, мы не сможем сформировать новые части, выпустить

новых офицеров и подготовить новых летчиков за день и ночь» (АЛЯ/АРДЯ Египта).

Симплока, усиленная такой стилистической фигурой, как параллелизм, встречается в алжирской народной притче «Дервиш и носильщик»: «إِلَى يَقُولُ لَكَ الْجُوعُ خَيْرٌ مِنَ الشَّبَعَةِ مَا تُصَدِّقُهُ شَيْءٌ... إِيَّيْ... إِلَى يَقُولُ لَكَ الْمَشِيَّةُ خَيْرٌ مِنَ الرُّكَّابِ مَا تُصَدِّقُهُ شَيْءٌ... إِلَى يَقُولُ لَكَ مَا أَجْهَلُ مِنْكَ مَا... تُصَدِّقُهُ شَيْءٌ... إِلَى يَقُولُ لَكَ مَا زَالَ شَيْءٌ صَاحِبِ فِي الْفَقَّةِ مَا تُصَدِّقُهُ...» [i'li y`qu:l lak l-gu:ε heyr mn aš-`šabea ma t`saddqu š ... `i`lli y`qu:l lak l-m`ašya heyr mn r-rka:b ma t`saddqu š ... `i`lli y`qu:l lak ka:yn ha`mma:l `aǧħal `mannak ma t`saddqu š ... `i`lli y`qu:l lak ma: za:l ši ghi:h f l-`quffa ma t`saddqu] – «Если кто-нибудь тебе скажет, что голод лучше сытости, – не верь ему!.. Если кто-нибудь тебе скажет, что идти пешком лучше, нежели ехать, – не верь ему!.. Если кто-нибудь тебе скажет, что есть носильщик невежественней, чем ты, – не верь ему!.. Если кто-нибудь тебе скажет, что в сумке что-то осталось целым, – не верь ему!» [Кудрявцев 2006, с. 177–178] (АРДЯ Алжира).

Среди стилистических фигур второй группы, повышающих воздействующую силу речи, в выступлениях Г.А. Насера отмечается *параллелизм*: «لا يد للمتقف أن يدرس أحوال المجتمع ، لا يد للمتقف أن يستوعب مشاكل المجتمع...» [Naserc 1968; Игнатъев 1982, с. 12] [la budd li l-mu`šaqqaf `an `yadris `ah`wa:l l-mug`tamaε la budd li l-mu`šaqqaf `an yu`ea:ni ma yuea:niħ al-mug`tamaε la budd li l-mu`šaqqaf `an yas`taweib ma`ša:kil il-mug`tamaε] – «Интеллигенция должна изучать состояние общества, интеллигенция должна переживать то, что переживает общество, интеллигенция должна понимать проблемы общества...» (АЛЯ).

Параллельные конструкции могут осложняться *хиазмом*, например: «فيلم النظارة السوداء» [ما هي سهرات يعني بنات وبنات يعني سهرات] 1963; Черные очки 1970, с. 28] [ma hie saħ`ra:t `yaeni ba`na:t wa ba`na:t `yaeni saħ`ra:t] – «Что такое вечеринки? Значит – девочки, а девочки – значит, вечеринки» и пр. (АРДЯ Египта).

Стилистической фигурой речи, построенной на антонимировании слов и служащей для выражения контрастных понятий, является *антитеза*. При этом ритмическая организация, синтаксический параллелизм структуры конструкции сохраняются: «الموضوع أكبر من كده بكثير. الموضوع هو أن تكون أو لا تكون.» [Игнатъев 1982,

с. 19] [ʔal maw`du:ε `akbar min `keda bi k`ti:r ʔal maw`du:ε `huwa ʔan na`ku:n ʔaw la na`ku:n] – «Вопрос намного важнее. Вопрос в том, быть нам или не быть» (АЛЯ/АРДЯ Египта).

Эта фигура распространена в разговорной речи арабов, содержится в паремиях, крылатых выражениях: «البضاعة هادي للبيع» «مِش لِلْفُرْجَةِ إِذَا كَانَ يَبْتَسِرُوا بِأَهِي وَإِذَا كَانَ مَا يَبُوشُ خَلُونِي نَمَشِي عَلَى حَالِي..» [Маляров, Мишкуров 1980, с. 358] [ʔal`bida:εa`ha:di lil`bi:ε miš lil`furǧa `ida: ka:n b`tišru:`ba:hi wa`ida: ka:n ma ti`bbu:š ha`llu:ni `nimši `εala tu:l] – «Этот товар для продажи, а не для показа (т.е. «не для забавы»): если будете покупать – хорошо, а если не хотите, то позвольте мне уйти...» (АРДЯ Ливии), «جِسْمٌ يَغْلُ جِسْمٌ يَغْلُ» «وَعَقْلٌ عَصْفُورٌ» [ǧism baǧl wa εaql εaš`fu:r] – «Тело с мула, а ум птичий» [Кухарева 2008, с. 182] (АРДЯ Ирака), «اللِّي فَاتَ مَا تَ وَاللِّي» «مَاتَ مَا يَحْيَا» [ʔilli fa:t ma:t wu `lli: ma:t ma `yahya:] – «Что прошло – умерло, а что умерло – не воскреснет» [Кудрявцев 2006, с. 54] (АРДЯ Алжира).

Для создания доверительной обстановки общения арабские ораторы часто прибегают к такому стилистико-риторическому средству, как *персонификация*, степень которой в арабской ораторской речи может достигать 8-10%, что способствует актуализации высказывания, повышению уровня экспрессии [Игнатъев 1983, с. 87].

Персонификация речи ярко выражена соотнесенностью с 1-м лицом мн. числа в выступлении М. Каддафи: «نحن لا نجامل، ولا نحن لا نجاهل، ولنا طامعين، ولا نستطيع أن نجامل في مصير العالم. نقول كلاما دبلوماسيا، ولنا خائفين، ولنا طامعين، ولا نستطيع أن نجامل في مصير العالم..» [الفضافي: 2009] [ˈnahn̩ la nuˈǧa:mi:l wa la naˈqu:l kaˈla:man diblu:maˈsiyan wa ˈlasna haˈiːfi:n wa ˈlasna taːmiːei:n wa la nastaˈti:ε ʔan nuˈǧa:mi:l fi maˈsi:ri l-ˈεa:lam ˈnahn̩ l-ˈa:n nataˈhaddaš εan maˈsi:ri l-ˈεa:lam] – «Мы не любезничаем и не говорим дипломатично, мы не боимся и не жаждем, мы не можем любезничать с судьбами мира. Мы сейчас разговариваем о судьбах мира...» (АЛЯ).

Персонификация распространена и в разговорной речи арабов: «...أنا بشتغل هنا يا حمدي..» [1962 فيلم وفاء الى الأبد] [Навеки твой 1976, с. 44] [ʔʔana: baš`tiǧil `hena ya: `hamdi] – «Я работаю здесь, Хамди...» (АРДЯ Египта), «إني ما نرتاحش بكل» [Маляров, Мишкуров 1980, с.173] [ʔʔani ma nir`ta:hš `bukkul] – «Совсем я не отдыхаю» (АРДЯ Ливии).

Итак, как видно из вышеизложенного, речевые фигуры широко распространены в арабской ораторской и устно-разговорной речи, являются средством выражения категории эмоциональности в арабском литературном языке и разговорных языках арабов стран Магриба и Машрика, служат эффективным средством эмоционально-экспрессивного воздействия на аудиторию.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с.
2. Игнатъев А.С. Некоторые тенденции становления арабской ораторской речи как самостоятельного функционально-стилистического образования (Египет, послевоенный период) // Развитие языков в странах зарубежного Востока (послевоенный период). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1983. С. 81-88.
3. Игнатъев А.С. Обучение использованию фигур стилистического синтаксиса в публичных выступлениях на арабском языке: Учебно-методические рекомендации по использованию фонограмм публичных выступлений на арабском языке. М.: ВКИ, 1982. 25 с.
4. Игнатъев А.С. О специфике современной арабской публичной речи // Сборник статей № 15. Иностранные языки. Юридические науки. М.: Военный институт, 1979. С. 121-126.
5. Кудрявцев Ю.Н. Арабский народно-разговорный язык Алжира: обычаи и фольклор. М.: Вост. лит., 2006. 239 с.
6. Кухарева Е.В. Арабские пословицы и поговорки: Словарь с лексико-фразеологическими комментариями. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; Восток – Запад, 2008. 303 с.
7. Маляров Ю.И., Э.Н. Мишкуроев. Учебник арабского диалектного языка Ливии. М.: ВКИ, 1980. 463 с.
8. Навеки твой: сценарий фильма: арабский язык. Текст фонограммы сост. П.В. Мигалёв. М.: Воен. ин-т иностр. яз., 1976. 106 с.
9. Насер, Г.А. Речь в Каирском университете перед представителями интеллигенции. 25.04.1968 г. [Звукозапись]. 112 мин.
10. «Черные очки» (фонограмма кинофильма). Арабский язык / Текст сценария записан и обработан В.В. Наумкиным и Н.Н. Вашкевичем. М., 1970. 91с.
11. القذافي ، معمر. نص خطاب الزعيم الليبي ورئيس الإتحاد الإفريقي العقيد معمر القذافي أمام الجمعية العامة 23\9\2009. [ʻal-qa`žža:fi mu`ammar nass

- hi`ta:b `az-za`ei:m `al-`li:biy wa ra`i:s `al-itti`ha:d `al-`if `ri:qiy `al-
 ea`qi:d mu`eammar `al-qa`zza:fi `a `ma:ma l-gam`eiyat l-`ea:mma]
 {Каддафи, Муаммар. Текст речи ливийского лидера, председа-
 теля Африканского союза полковника Муаммара Каддафи перед
 Генеральной Ассамблеей 23.09.2009 г.} [Электронный ресурс]. –
 URL: /http://www.israj.net/vb/t4300. Дата обращения: 26.09.2009.
12. 12. فيلم حب للحياة ، سوريا ، 1981 ، 100 دقيقة. [fi:lm hubb li l-ha`ya:t
 `su:tiya]{Кинофильм «Любовь к жизни»} – 100 мин. [Электрон-
 ный ресурс]. – Сирия, 1981. – URL: http://e171.com/file.php?f=
 5579. Дата обращения: 26.07.2010.
13. 13. فيلم النظارة السوداء ، مصر ، 1963 ، 108 دقائق. [fi:lm an-na`zza:ra as-
 saw`da: `miʒr] {Кинофильм «Черные очки»}. 108 мин. [Видео-
 запись]. Египет, 1963.
14. 14. فيلم وفاء الى الأبد. 94 دقيقة. مصر ، 1962 ، [fi:lm wa`fa: ` `ila l-` `abad
 miʒr] {Кинофильм «Навеки твой»}. 94 мин. [Видеозапись].
 Египет, 1962.

©

Е.А. Сабинина
ИБ РАН (Москва)

Арабский газетный заголовок как объект исследования

В организации текста как высшей коммуникативной единицы выделяют несколько сильных позиций, которые несут основную смысловую нагрузку текста, обеспечивают его связность, фиксируют внимание на самом важном [Арнольд 1978, с. 23-24]. К одной из таких позиций относится заголовок. В газетно-публицистическом тексте роль заголовка особенно важна, поскольку именно он служит информационно-смысловым ориентиром для читателя в потоке многочисленных и разнообразных публицистических заметок, а зачастую и вовсе замещает статью. По данным психологических исследований, большинство людей (примерно 80%) читают газету по заголовкам.

Феномен заглавия газетно-публицистического текста на протяжении не одного десятилетия является предметом науч-

ного интереса лингвистов. Актуальность темы подтверждается, среди прочего, многочисленностью отечественных исследований по проблематике газетного заглавия (на материале как российской, так и иностранной прессы), широко представленных, например, в электронном ресурсе диссертаций и авторефератов РГБ.

В данной работе мы рассмотрим основные точки зрения на проблему арабского газетного заголовка и состояние исследований по этой проблеме.

Арабский газетный заголовок прежде не становился объектом самостоятельного исследования. Однако некоторые характеристики этого явления получили освещение в работах отечественных и зарубежных лингвистов.

Так, в рамках исследования функциональных стилей арабского языка профессор А.Л. Спиркин подробно описывает функционально-стилистические и структурно-графические признаки арабских газетных заголовков. По его мнению, заголовок является важной составляющей газетного текста, исследование которой способствует теоретическому изучению языка газеты в целом [Спиркин 2008, с. 183].

Подчеркивая коммуникативную направленность арабского газетного заголовка, А.Л. Спиркин подробно выделяет его грамматические, стилистические и графические особенности.

Большой заслугой ученого является то, что он касается вопроса употребления пунктуационных знаков в арабском газетном заголовке. Несмотря на то, что пунктуационная система языков, использующих различные письменности, основана на единых принципах [БСЭ, статья «Пунктуация»], употребление знаков препинания в арабском языке значительно отличается, например, от их употребления в русском языке. В этой связи интересно проследить закономерности употребления знаков препинания в линейно ограниченном микротексте заголовка, все внешние показатели которого подчинены внутреннему назначению – информированию и привлечению читателя.

К функциональным особенностям арабского газетного заголовка в связи с исследованием феномена арабского текста обращается Е.А. Жуковская. Автор относит заголовок к числу

наиболее важных паратекстовых элементов публицистического текста, одной из функций которых является маркирование его границ. Она также отмечает, что заголовок участвует в реализации глобальной имплицитной связности текста и как «важнейшее семантико-синтаксическое средство» – в образовании самого текста [Жуковская 2009, с. 125]. Кроме того, Е.А. Жуковская поясняет, что заголовок имеет особое значение, так как «зачастую является единственной для читателя информацией о содержании статьи», и выделяет номинативный, информативный (информативно-рекламирующий), интертекстуальный и экспрессивно-оценочный типы арабских газетных заголовков [Жуковская 2009, с. 126-127].

На графически-выделительные характеристики заголовков арабских текстов различных стилей, в том числе газетно-публицистических, обращает внимание арабист А.Ю. Крылов. Он приводит примеры разнообразных вариантов графического оформления заголовков, используемых с целью оказания эмоционального воздействия на читателя [Крылов 2010, с. 265].

Среди работ зарубежных исследователей необходимо выделить работу Джанет Уотсон, в которой она анализирует синтаксические параметры заголовков арабских газет и сводок новостей и сравнивает их с английскими аналогами. Уотсон выделяет следующие основные синтаксические структуры арабских газетных заголовков: именное словосочетание, глагольное предложение, начинающееся с имени, глагольное предложение, начинающееся с глагола, а также сочиненные конструкции [Watson 1999].

Уотсон приходит к выводу, что именные структуры в арабских заголовках преобладают над глагольными. Указанная работа вызывает большой интерес ввиду важности изучения синтаксических характеристик арабского газетного заголовка с целью полноценного раскрытия этого феномена.

Говоря о взглядах ученых Арабского Востока на данную проблематику, стоит отметить, что они в целом единодушны в описании характеристик, которыми должен обладать газетный заголовок. Арабские лингвисты признают газетный заголовок одной из важнейших частей публицистического текста, назна-

чение которой заключается в привлечении внимания читателя, побуждении его прочитать статью. Большое значение авторы придают правилам оформления и редактирования газетного заголовка. Здесь проявляется традиционная приверженность арабов искусству красноречия.

В работах арабских исследователей встречаются следующие определения газетного заголовка.

«С точки зрения содержания заголовок не считается самостоятельной единицей текста, поэтому заголовок соответствует характеру последнего, его функции и правилам его оформления» [Хуфйр 1972, р. 77-78].

Заголовок – это «строка или несколько строк, написанные крупными буквами перед информационным сообщением и вкратце передающие содержание этого сообщения» [Намза 1980, р. 161].

Подчеркнем, что оба упомянутых автора: Адиб Худур в своем исследовании «Газетное сообщение» (1972) и Абдель Латиф Хамза в работе «Искусство редактирования прессы» (1970) – демонстрируют исторический подход в изучении феномена заголовка. Они отмечают, что арабские журналисты долгое время не придавали значения заголовкам. Материалы были плохо структурированы и часто не имели названия. Начиная со второй половины XX века, ситуация поменялась. Газетным заголовкам стало уделяться больше внимания, особенно тем, которые публикуются на первых полосах. На важность создания хорошего заголовка как гарантии популярности материала у читателя указывает и Мухаммед Фарид Махмуд Азат в работе «Введение в прессу» [‘Azat 1993, р. 176].

Основные характеристики арабского газетного заголовка, перечисляемые арабскими авторами: соответствие содержанию и характеру сообщения («легкое» сообщение – «легкий» заголовок), информационная насыщенность, соответствие стилю газеты, достоверность, понятность, ясность для читателя, отсутствие неизвестной лексики, сокращений, терминов, краткость (отсутствие необязательных элементов), простота синтаксической конструкции [Намза 1970, р. 161; Хуфйр 1972, р. 78-80].

Арабские исследователи уделяют большое внимание способам графического оформления газетных заголовков.

Подробный обзор вариантов представления заголовка на газетной полосе приводит Адиб Худур. В зависимости от расположения строк в заголовке и самого заголовка на странице выделяют следующие типы заголовков: отдельно стоящий заголовок (*'al-'unwān 'al-mufrad*); перевернутая пирамида (*'al-haram 'al-maqlūb*); подвешенный заголовок (*'al-'unwān 'al-mu'allaq*); обычная пирамида (*'al-haram 'al-'ādi*); заголовок, выровненный по одному краю (*'al-'unwān 'al-munṭalaq 'ilā l-yasār 'aw 'al-muwahḥad 'al-bidāya*) и некоторые другие [Худūr 1972, р. 86-89].

В отличие от ряда отечественных языковедов (ср., например, [Лазарева 1989; Хазагеров 1984; Лукин 1999; Турлачева 2010]), арабские исследователи не рассматривают газетный заголовок как автономное явление, а воспринимают его только как составляющую публицистического текста.

Отдельно подчеркивается информационно-коммуникативная функция газетного заголовка. «Заголовок вкратце передает основное содержание сообщения и является первым звеном в цепочке «сообщение – читатель». Необходимо, чтобы заголовок побуждал читателя узнать больше» [Худūr 1972, р. 77]. «Заголовок должен иметь первостепенное значение при передаче информации» [Намза 1980, р. 161].

Не остаются без внимания арабских лингвистов и синтаксические характеристики заголовков современных арабских газет.

Бакри Мухаммед аль-Хадж в монографии «Простые предложения в заголовках катарских газет: между требованиями смысла и правилами грамматики» исследует строение простых предложений в заголовках катарских газет [’al-Нај 2001]. При этом он сосредотачивает свое внимание на трансформационных изменениях, которые происходят при формировании подобных заголовков. Ученый проявляет особый интерес к порядку слов в простых предложениях, используемых в качестве заголовков в катарских газетах, и анализирует их с точки зрения их соответствия принципам классического арабского языка. Вопрос о порядке слов, рассматриваемый арабским языковедом с позиций генеративной лингвистики, непосредственно затрагивает вопрос реализации заголовком коммуникатив-

ной функции. Автор делает вывод, что частотность использования моделей простых предложений (т.е. кратких синтаксических структур) для создания заголовка объясняется стремлением журналиста донести информацию до читателя как можно быстрее. Аль-Хадж подчеркивает, что заголовки передают содержание озаглавливаемого текста и синтаксически оформляются в соответствии со стремлением автора вызвать интерес читателя к статье.

Среди других современных исследований можно назвать магистерскую диссертацию Тарика Баззы об особенностях перевода газетных заголовков с английского на арабский язык. Работа выполнена на английском языке на базе марокканского университета имени Абдель Малека ас-Саади [Bazza 2012]. В ней явно прослеживаются традиции современных западных научных изысканий по схожей тематике. Тем не менее, несмотря на то, что автор подробно исследует все работы, посвященные различным сторонам изучения газетного заголовка, его собственная работа находится, скорее, в русле переводоведения. В частности, он уделяет большое внимание языковым и семантическим изменениям при переводе заголовков с английского языка на арабский, выявляя возможные упущения и ошибки переводчика и выбирая наиболее эффективный вариант перевода.

Таким образом, перечисленные исследования арабских газетных заголовков отечественными и зарубежными лингвистами можно условно разделить на несколько направлений: 1) стилистическое (А.Л. Спиркин), 2) функциональное (Е.А. Жуковская), 3) графическое оформление (А.Ю. Крылов), 4) синтаксическое (Дж. Уотсон). При этом можно сказать, что работа А.Л. Спиркина носит комплексный характер, так как в ней затрагивается сразу несколько аспектов изучаемого явления.

Что касается лингвистов арабских стран, то на заре исследования газетного заголовка (70-х гг. XX в.) его рассмотрение проводилось в рамках изучения общих проблем прессы или лингвистики. Немаловажное значение при этом придавалось описанию истории развития газетного заголовка в арабском мире, перечислению правил его оформления и редактирования, выделению его характерных свойств. Вместе с тем су-

ществовало четкое понимание того, что газетный заголовок – единица коммуникативная, которая не представляет собой автономное явление, существующее отдельно от публицистического текста. Таким образом, можно сделать вывод, что арабоязычные исследования освещали стилистический, исторический и функциональный аспект явления газетного заголовка. В последнее десятилетие арабские исследования в данной области становятся более специализированными с привлечением материала зарубежных научных работ по вышеуказанной проблематике. Газетный заголовок становится самостоятельным объектом исследования.

Недостаточное освещение особенностей арабского газетного заголовка обуславливает актуальность его дальнейшего исследования. Представляется интересным классифицировать структурно-синтаксические типы заглавий арабской прессы, описать особенности взаимодействия заглавия с текстом статьи и дополнительными заголовками, установить функции, выполняемые газетным заголовком и способы их выражения, выявить коммуникативно-прагматический потенциал заглавия.

Литература

1. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4.
2. БСЭ – Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://alcala.ru/bse/izbrannoe/slovar-P/P17287.shtml>. Дата обращения: 24.07.2013 г.
3. Жуковская Е.А. Структурно-семантические и функционально-стилистические характеристики текста в современных арабском литературном и русском литературном языках. Дисс. на соиск. учен. степени кандидата филол. наук. М., 2009.
4. Крылов А.Ю. Функционально-семантическое поле эмотивности в арабском литературном языке и арабских разговорных языках Машрика и Магриба. Дисс. на соиск. учен. степени кандидата филол. наук. М., 2010.
5. Лазарева Э.А. Заголовок в газете. Свердловск, 1989.
6. Лукин В.А. Художественный текст: основы теории и элементы анализа. М., 1999.

7. Спиркин А.Л. Идентификация функциональных стилей и речевых жанров современного арабского языка. М., 2008.
8. Турлачева Е.Ю. Лексико-грамматическая организация заголовка англоязычного художественного текста. Дисс. на соиск. учен. степени кандидата филол. наук. Саранск, 2010.
9. Хазагеров Г.Г. Функции стилистических фигур в газетных заголовках. Дисс. на соиск. учен. степени кандидата филол. наук. Ростов-на-Дону, 1984.
10. 'Azat Muḥammad Farīd Maḥmūd. Madxal 'ilā ṣ-ṣiḥāfati . 1993. P. 176.
11. Bazza Tarek. Headline Translation From English Into Arabic: a Comparative Study [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.scribd.com/doc/98178375/Headline-Translation-From-English-Into-Arabic-a-Comparative-Study>. Дата обращения: 07.08.2013 г.
12. 'al-Haj Bakri Mohamed. 'Al-jumla 'al-basīṭa fī 'anāwīni 'aṣ-ṣuḥufi l-qaṭariyyu bayna mutaṭallabāt 'al-ma'na wa 'aṣ-ṣiḥḥati 'an-naḥwiyya // Majallatu kulliyati l-'insāniyyāti wa l-'ulūmi l-'ijtimā'iyyati. – 2001. – № 24 [Электронный ресурс]. URL: <http://qspace.qu.edu.qa/handle/10576/8412>. Дата обращения: 05.09.12.
13. Hamza 'Abd 'al-Laṭīf. 'al-Madxal fī fann 'at-taḥrīr 'aṣ-ṣuḥufiyyu. Dār 'al-fikr 'al-'arabiyyu. 'al-Qāhira. 1980. P. 161.
14. Watson, Janet C. The Syntax of Arabic Headlines and News Summaries // Arabic Grammar and Linguistics. 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://books.google.ru/books?id=sgqp5hLJfAC&pg=PT178&dq=syntactic+structure+of+arab+newspaper+headlines+watson&hl=ru&sa=X&ei=DxroUdCTF8bV4gTR5oHgAw&ved=0CDIQ6AEwAA>. Дата обращения: 18.07.2013.
15. Xuḍūr 'Adīb 'al-Xabar. 'aṣ-ṣuḥufiyyu: Maṭābi'u dāri l-ba'ti. Dimašq. 1972. P. 77-78.

©

Н.А. Шамраев

Военный университет МО РФ (Москва)

«Реалии хаджа» в арабской языковой модели мира

В картине мира арабомусульманской этнолингвокультуры особое место занимают «исламские реалии». В данной

работе под ними понимаются такие объекты, предметы и явления, которые соотносятся с особенностями догматики, истории и философско-правовой системы ислама, культовых действий и религиозных объединений мусульман.

«Исламские реалии» как факты внеязыковой действительности находят отражение в арабском языке. Языковые корреляты «исламских реалий» представлены апеллятивными и ономастическими реалиями, которые выступают как детерминанты этнолингвокультурной специфики арабской языковой модели мира в «исламском сегменте».

Апеллятивные арабские «исламские реалии» понимаются как лексические единицы арабского языка, обозначающие классы объектов (предметов, процессов, явлений), характерных для арабомусульманской этнолингвокультуры. Апеллятивные арабские «исламские реалии» обозначаются именами нарицательными, не соотносятся с конкретными единичными объектами и не имеют денотативных соответствий в русском языке.

Ономастические арабские «исламские реалии» – имена собственные, актуальные в массовом языковом сознании арабоязычных, обозначающие единичные исламские объекты-реалии и не имеющие денотативных соответствий в русском языке.

В арабской языковой модели мира значительным лингвокультурным потенциалом обладают апеллятивные и ономастические «исламские реалии», отражающие один из столпов ислама – «Хадж». Он относится к числу важнейших элементов концептуальной модели мира арабомусульманской этнолингвокультуры. Концепт «Хадж» как элемент социального опыта, приобретенного представителями арабомусульманской этнолингвокультуры, зафиксированный в их лингвокогнитивном сознании, представляет собою систему микроконцептов, соотносящихся с особенностями обрядов хаджа.

Хадж – паломничество в Мекку, один из пяти столпов ислама. Трудно переоценить влияние, которое оказывает хадж на совершающих его мусульман. По зову Аллаха и по доброй воле в Мекку в месяц *зу-л-хиджжа* (12-й месяц лунного календаря) ежегодно приезжают миллионы людей из различных стран мира.

Прибыв в Мекку 7-го числа месяца зу-л-хиджжа, паломники совершают *Тага:ф ат-таХиййа* – специальный приветственный ритуальный обход вокруг древнего храма Кааба (*аль-ка'ба*). На следующий день, который называется *йаум ат-тарвиййа* (от арабского глагола *равва* «давать напиток»), паломники запасаются водой и отправляются через долины Мина и Муздалифа к долине горы Арафат.

В полдень 9-го зу-л-хиджжа начинается центральный обряд хаджа – «стояние у горы Арафа(т)» (*вужу:ф 'арафат*), а сам день называется – *йаум 'арафа(т)*. После захода солнца паломники устремляются в долину Муздалифа, где читаются вечерняя и ночная молитвы. По окончании утренней молитвы 10-го числа пилигримы направляются в долину Мина, где бросают семь подобранных в Муздалифе «камешков» *джамара:т* в столб, который символизирует дьявола *аль-'ақабат аль-кубра*. После «побития дьявола» приносятся в жертву животные, купленные у торговцев и бедуинов, начинается важнейший мусульманский праздник *'ид ан-наХр*, или *'ид аль-аДХа* «праздник жертвоприношения». Он продолжается последующие три дня, которые называются *аййам ат-тацри:к* (от арабского глагола *щаррақа* «сушить, вялить на солнце ломтики мяса»).

Многие исламские богословы вслед за имамом Абу Ханифой (699-767) отмечают, что хадж является «соборным ритуалом, который вбирает в себя обряды других столпов ислама» (*'иба:да джа:ми'а татаДамман аль-'иба:да:т аль-ухра*), таких как пятикратная «молитва» (*Саля:т*), «пост» (*Сья:м*), «милостыня» (*зака:т*).

Согласно исламской догматике, человек, намеревающийся совершить хадж, должен прежде всего «покаяться» (*та:ба*) и «попросить прощения» (*истасмаХа*) у всех, кому он причинил обиды. Кроме того, мусульманин должен использовать во время хаджа только «честно заработанные деньги» (*ма:ль Та:хир*). Не допускается также «сквернословие» (*рафас*), «распутство/ прелюбодеяние» (*фусу:к*) и даже споры с кем бы то ни было во время хаджа. Только при соблюдении этих условий хадж будет считаться «благочестивым» (*мабру:р*).

Мусульмане называют хадж своим «всемирным конгрессом» (*му'тамар 'а:лямийй*), все участники которого «абсолют-

но равны» (*сава:сиййа*). По этому поводу пророк Мухаммед сказал паломникам в своей «прощальной проповеди» (*хуТбат аль-вада:* ') на горе Арафа в 632 году:

'аййухан-на:с 'инна рабба-кум ва:Хид ва 'инна 'аба:-кум ва:Хид кулло-кум ли-'а:дам ва-'а:дам мин тура:б «Люди! У вас один Бог, у вас один отец. Все вы дети Адама, а Адам из праха (земли)».

В ритуальном плане абсолютное равенство паломников подчеркивается их облачением в специальное одеяние, состоящее из «двух кусков белой материи», – *маля:бис аль-иХрам*. Один из них – *иза:р* – оборачивают вокруг бедер. Другой – *рида:'* – набрасывают на плечи. Для женщин-паломниц обязательно «покрывало на голову» (*Хиджа:б*). На ноги паломники надевают «сандалии» (*ни'а:ль*). Одеяние-ихрам стирает социальные различия между паломниками и символизирует «белые саваны усопших» (*акфа:н аль-мавта:'*): после смерти все равны перед Богом.

В лексической системе арабского языка «исламские реалии», обозначающие особенности ритуала хаджа, объединяются в лексико-семантическое поле «Хадж» на основе общего семантического признака, или общей семы – «совершение паломничества в Мекку». Внутри лексико-семантического поля «Хадж» связи между его элементами могут быть описаны по линии межсловных и внутрисловных отношений.

В состав лексического поля «Хадж», по нашим подсчетам, входит более 50 аппеллятивных и ономастических арабских реалий (как отдельных слов, так и словосочетаний). Ядро поля составляют такие реалии, как: *мекка* «Мекка»; *аль-ка'ба* «храм Кааба»; *аль-'иХра:м* «1) ихрам, состояние ритуальной чистоты; 2) одеяние паломника»; *ат-Тава:ф* «таваф, ритуальный обход вокруг Каабы»; *ас-са'й* «сай, ритуальный бег между холмами Сафа и Марва близ Каабы как один из обрядов большого и малого паломничества»; *йаум ат-тарвия* «8-е число месяца зульхиджжа, когда паломники запасаются водой»; *мина* и *муздалифа* «долины Мина и Муздалифа, ведущие в долину Арафат»; *вуку:ф 'арафа* «стояние у горы Арафа 9-го зульхиджжа – центральный обряд хаджа»; *рамй аль-джамара:т* «побитие дьявола (досл.: бросание камешков)»; *йаум ан-наХр*

«день жертвоприношения 10-го зуль-хиджжа»; *'ид аль-адХа* «праздник жертвоприношения».

По линии межсловных отношений внутри лексико-семантического поля «Хадж» реалии вступают в синонимические отношения, а также делятся на апеллятивные и ономастические.

Реалии, семантически связанные синонимическими отношениями, образуют соответствующие синонимические ряды. Например, храм Кааба может обозначаться одной из следующих синонимичных номинаций: *бейтул-ла:х* досл.: «Дом Аллаха»; *аль-бейт* «Дом»; *аль-бейт аль-Хара:м* досл.: «Священный дом»; *аль-бейт аль-'ати:к* досл.: «Древний дом».

В результате лексико-семантического анализа апеллятивных и ономастических реалий поля «Хадж» выясняется, что между ними имеются определенные семантические различия, отражающие общие закономерности различий семантики апеллятивной и ономастической лексики. Апеллятивные реалии именуют классы объектов, ономастические – единичные объекты, конкретные референты.

К ономастическим реалиям хаджа относятся арабские топонимы и антропонимы, например: *ас-Сафа:* и *аль-мерва* «холмы Сафа и Марва рядом с Каабой», *ибрахи:м* «Авраам – библейский пророк», *исма'ул* «Исмаил – сын Авраама, считающийся родоначальником арабов», *ха:джар* «Агарь – мать Исмаила», *мухаммад* «пророк Мухаммад», *абу: бакр* «Абу Бакр – один из четырех праведных халифов, получивший титул «эмир хаджа» и т.д.

Часть выявленных апеллятивных реалий хаджа образована вследствие лексикализации именных словоформ определенного состояния при помощи артикля *аль-*. Эти словоформы приобрели новое лексическое значение и статус языковых реалий в результате установления их денотативной соотносительности с соответствующими неязыковыми референтами – реалиями хаджа. Например, *масдар 'ифа:Да* в форме неопределенного состояния в зависимости от контекста может иметь одно из следующих значений – «проливание; ведение пространной беседы; устремление (подобно потоку)». В форме определенного состояния «*аль-'ифа:Да*» данное слово указывает на денота-

тивную соотнесенность с устремленностью потока паломников, направляющихся с горы Арафа в долину Мина.

При внутрисловном анализе реалий хаджа выявляется моносемичность большей их части. К немногочисленным полисемическим именам реалий относится, в частности, словосочетание *мана:сику-ль-Хадж* «1) обряды, совершаемые во время хаджа; 2) место в долине Мина, в котором во время хаджа совершаются жертвоприношения; 3) руководства (инструкции) для совершающих хадж».

Учет семантических особенностей языковых реалий хаджа и специфики их взаимосвязей внутри одноименного лексико-семантического поля позволяет выбирать один из способов их передачи с арабского языка на русский язык. К таким способам могут быть отнесены транскрипция или различные приемы перевода в сочетании с транскрипцией/без нее.

Транскрипция. Используется для передачи широко известных в русскоязычной среде реалий хаджа, сигнификаты которых сформированы у образованных носителей русского языка, например: *аль-Хадж* «хадж»; *мекка* «Мекка»; *аль-ка'аба* «Кааба».

Транскрипция с описанием (толкованием). Используется для передачи большинства реалий хаджа на русский язык. Например, *аС-Сафа:*, *аль-мерва* «Сафа и Мерва – холмы возле главной мекканской мечети, между которыми паломники совершают ритуальный бег»; *ат-тальбия* «талбия – произнесение особого обращения к Аллаху при вступлении в Мекку».

Калька с родовой заменой. Используется при максимальном полном сохранении семантики арабской реалии, например: *рамай аль-джамара:т* «бросание камней (один из обрядов хаджа)».

Аналоговая (словарная) замена. Может использоваться в сочетании с описанием, например: *муТаввиф* «проводник, руководитель группы паломников во время хаджа».

Ассоциативная (синонимическая) замена. Может использоваться для передачи ассоциативных реалий хаджа, образующих синонимические ряды. Например, словосочетание в определенном состоянии *аль-баляд аль-Хара:м* дословно означает «Священная Земля» и имеет денотативную соотнесенность с

топонимом Мекка, поэтому может быть переведено на русский язык одноименным названием – «Мекка».

Таким образом, ритуал хаджа, занимающий наряду с другими столпами ислама центральное место в системе исламских культовых действий и ценностей, находит отражение в арабской языковой картине мира. Языковая модель концепта «Хадж» может быть представлена в виде лексико-семантического поля, элементы которого взаимосвязаны внутрисловными и межсловными отношениями.

Лексико-семантическое поле «Хадж» включает в себя арабские языковые реалии, усвоение которых является важным и необходимым условием формирования вторичного языкового и когнитивного сознания переводчика-арабиста. Такое «удвоение» языковой личности переводчика будет способствовать адекватной передаче с арабского языка на русский язык смысла аутентичных арабских текстов, имеющих высокий лингвострановедческий потенциал.

Источники

1. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М., 1989.
2. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991.
3. http://www.sunna.info/Lessons/islam_1110.html.
4. http://www.ibnothaimeen.com/all/khotab/article_124.shtml.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Аннотации

Шаляпина З.М. Г.Ш. Шарбатов: 90 лет со дня рождения

Описывается биография Г.Ш. Шарбатова и дается краткий очерк его научной деятельности. Статью сопровождает биобиблиографическая справка, содержащая список основных трудов Г.Ш. Шарбатова, включая монографии, учебники, словари, статьи и рецензии, публикации в средствах массовой информации, а также его работу в качестве редактора, составителя, переводчика, автора предисловий, примечаний, комментариев к научной и художественной литературе. Указываются также основные публикации его о жизни и трудах.

Ключевые слова: персоналии, история арабистики, библиография

Шарбатова А.Г. В кругу коллег и коллег-друзей (по-разному о разном)

Статья содержит воспоминания дочери А.Г. Шарбатова о научной, преподавательской, переводческой и общественной деятельности отца и о его отношениях с коллегами.

Ключевые слова: персоналии, арабистика

Финкельберг Н.Д. Григорий Шамилевич Шарбатов: лексикограф и педагог

Для Г.Ш. Шарбатова были характерны два пути научной рефлексии – эвристическое и технологическое начало, – и две основные темы: изучение системы арабского языка и иноязычного познающего языкового субъекта. Это отразила его деятельность лексикографа и преподавателя. Г.Ш. Шарбатов, создавая свои словари в докомпьютерные десятилетия прошлого столетия, разработал основы отечественной лексикографической традиции для составления арабско-русских словарей, и они не теряют актуальности сейчас, в эпоху новых технических возможностей.

Ключевые слова: арабский язык, методика, лексикография

Шарафутдинова Р.Ш. *Памяти Г.Ш. Шарбатова (воспоминания бывшей аспирантки)*

Автор вспоминает о работе Г.Ш. Шарбатова в Отделе языков Института востоковедения РАН, в конце 1959 – марте 1963 г., когда он руководил ее научной работой в аспирантуре, об арабистах из его окружения в тот период и о XXV Международном конгрессе востоковедов.

Ключевые слова: персоналии, арабистика

Белова А.Г. *Корневой фонд древнеарабской лексики в современном арабском словаре (морфологическая и семантическая деривация)*

Рассматривается развитие арабского языка от классического до современного литературного, как семантическое, так и морфологическое. Особое внимание уделяется архаической и базисной лексике и историческим процессам в семантике: расширению и спецификации значения.

Ключевые слова: арабский язык; базисная лексика, архаическая лексика; семантическое развитие, словообразование

Столбова О.В. *Арабские параллели как важная составляющая в работе над чадскими этимологиями*

Рассматриваются арабские параллели в чадской фонетической реконструкции, в особенности при выявлении так называемых «корневых вариантов» (близких по семантике корней с чередованием одного из согласных). Приводятся наиболее интересные корневые варианты, реконструированные на чадском материале, и их параллели в семитских и других афразийских языках. Этот фрагмент этимологической базы данных показывает, что в подавляющем большинстве случаев именно лексика арабского языка позволяет разделить омонимичные чадские корни с чередованием.

Ключевые слова: историческая фонетика, чадские языки, арабский язык, фонетические варианты, реконструкция

Крылов А.А. *Фонация как невербальное средство, сопровождающее арабскую и русскую речь*

Рассматриваются некоторые средства фонации, сопровождающие речь арабофонов и носителей русского языка как компонент не-

вербальной коммуникации в условиях современной языковой ситуации в арабоязычном и русскоязычном ареалах. В сопоставительном аспекте анализируются сходства и различия в использовании фонационных средств представителями двух разных лингвокультур.

Ключевые слова: арабский язык, русский язык, фонация, эмфаза

Лебедев В.В. *Арабская временная система: дорожная карта*

Предлагается «дорожная карта» на пути построения «периодической системы арабских временных форм». Каждая форма этой системы, представленная предикативной (или полипредикативной) конструкцией, располагается на пересечении 3-х координат: 1) временные отношения – предшествование (прошедшее время), одновременность (настоящее время), следование (будущее время); 2) уровни сложности временной формы – I базовый уровень, II расширенный уровень, III интегральный уровень; 3) типы предикации – глагольное предложение, именное предложение. Особое внимание уделяется анализу оппозиций временных форм I-го базового уровня. При этом затрагивается передаваемая ими информация, имеющая отношение к арабской языковой «картине мира».

Ключевые слова: арабский язык, морфология, глагол, время

Блинов А.А. *Арабский язык в Джибути*

Описываются особенности функционирования арабского языка в Джибути. Несмотря на то, что арабы составляют здесь относительно незначительную часть населения, а сама страна сравнительно мало исследована, арабский язык носит в ней официальный статус и имеет большую социальную, культурную и религиозную значимость.

Ключевые слова: арабский язык, социолингвистика, Джибути, обучение языку

Мишкуров Э.Н. *Об этнопсихолингвистической рефлексии в исследовании современной арабской разговорной речи*

Анализируются основные результаты лингвопарадигмального описания арабских разговорных идиомов и формулируются перспективные направления их этнопсихолингвистической характеристики в свете антропоцентрической парадигмы и «лингвисти-

ческого поворота» в философии и смежных социально-гуманитарных науках.

Ключевые слова: арабский язык, разговорные идиомы, лингвистическая и антропоцентрическая парадигмы, этнопсихолингвистическая характеристика языка

Чупрыгина Л.А. *Мальтийский язык – от арабского диалекта к национальному языку*

Изучение арабских диалектов рассматривается в качестве одной из актуальных задач современной лингвоарабистики, предметом исследования которой, в числе прочего, является специфика речевого поведения арабоязычных обществ, особенности и перспективы развития разговорных форм арабского языка. В статье представлены результаты исследования мальтийского языка, который прошел путь от арабского диалекта к национальному языку, получившему статус государственного, и истории его формирования и развития.

Ключевые слова: мальтийский язык, арабский язык, развитие языка, диалекты

Крылов А.Ю. *Риторические фигуры арабов как средство воздействия на аудиторию*

В статье рассматриваются риторические фигуры, используемые в ораторской и устно-разговорной речи арабов как эффективное средство реализации категории эмотивности с целью эмоционально-экспрессивного воздействия на аудиторию при решении коммуникативно-прагматических задач в условиях современной языковой ситуации в арабоязычном ареале.

Ключевые слова: арабский язык, риторика, экспрессия, ораторская речь

Сабинина Е.А. *Арабский газетный заголовок как объект исследования*

Описываются основные подходы к проблеме арабского газетного заголовка и современный уровень ее изученности. Хотя арабский газетный заголовок до последнего времени не выступал как объект самостоятельного рассмотрения, некоторые его характеристики получили освещение в отечественных и зарубежных линг-

вистических исследованиях, обзор которых и дается в данной статье.

Ключевые слова: арабский язык, газетный заголовок

Шамраев Н.А. *«Реалии хаджа» в арабской языковой модели мира*

Хадж относится к числу важнейших элементов концептуальной модели мира арабомусульманской этнолингвокультуры. В лексической системе арабского языка реалии, обозначающие особенности ритуала хаджа, объединяются в лексико-семантическое поле «Хадж». Учет семантических особенностей реалий хаджа позволяет выбирать один из способов их передачи с арабского языка на русский язык, а именно: транскрипция и различные приемы перевода.

Ключевые слова: арабский язык, культурноспецифическая лексика

2. Summaries

Shalyapina Z.M. *The 90-th Anniversary of G.Sh. Sharbatov*

The paper gives the life story and a sketch of scientific achievements of Grigory Sharbatov – one of the most influential figures in Arabic studies in the USSR and Russia. The paper is supplemented by biobibliographical data on G.Sh. Sharbatov including his scientific monographs, textbooks, dictionaries, research articles and reviews, as well as his work as editor, translator, author of prefaces, notes, commentaries to scientific studies and works of fiction. Publications on G.Sh. Sharbatov's life and work are also listed.

Keywords: personalia, Arabic studies, bibliography

Sharbatova A.G. *Among Friends and Colleagues. Multifaceted Memoirs.*

The article presents G.Sh. Sharbatov's daughter reminiscences on her father's work as a researcher, teacher, lexicographer, interpreter, as well as on his relations with his colleagues, teachers, and students.

Keywords: personalia, Arabic studies

Finkelberg N.D. *G. Sharbatov – the Lexicographer and Teacher*

G.Sh. Sharbatov was notable for two directions of scientific reflection, based, resp., on the heuristic principle and on the technological one, and for two basic topics of research – the system of the Arabic language and the person of the foreign language learner. This is reflected in his work as lexicographer and teacher. Compiling his dictionaries in the pre-computer decades of the XXth century, G.Sh. Sharbatov has developed the foundations of the Russian lexicographic tradition for Arabic-Russian dictionaries, still valid in the present epoch of new technological facilities.

Keywords: personalia, Arabic studies, lexicography

Sharafutdinova R.S. *G.Sh. Sharbatov: In Memoriam (Reminiscences of his One-time Research Student)*

The author shares her impressions of G.Sh. Sharbatov as the supervisor of her post-graduate research at the Institute of Oriental Studies in 1959-1963, recalls his colleagues of that time, and the XXV International Congress of Asia and North Africa she took part in.

Keywords: personalia, Arabic studies

Belova A.G. *Old Arabic Roots in the Modern Arabic: Semantic and Morphological Derivation*

The paper follows the semantic and morphological developments in the Arabic language, from the Classical Arabic up to the contemporary literary Arabic. Special attention is given to the roots surviving from Old Arabic, with a focus on generalization and specification of meaning.

Keywords: Arabic, lexicon, basic vocabulary, archaic vocabulary, historical semantics, word-formation

Stolbova O.V. *The Importance of Arabic Parallels in establishing Chadic Etymologies*

Attention is drawn to Arabic parallels as a factor in the Chadic phonetic reconstruction, primarily in establishing the so-called “root variants” (semantically similar roots with a consonant alternation). The author demonstrates the most interesting root variants reconstructed from the Chadic material, and their parallels in Semitic and other Afro-Asiatic languages. This fragment of the Chadic Lexical Database

shows that in most cases it is the Arabic cognates that help to distinguish homonymous Chadic roots with consonant alternations.

Keywords: historical phonetics, Chadic, Arabic, phonetic variants, reconstruction

Krylov A.A. *Phonation as a Non-Verbal Factor in Arabic and Russian Speech*

The paper reviews some phonation means used in the speech of Arabic and Russian speakers as a component of nonverbal communication within the modern language situation in the Arabic and Russian language areas. The phonation means used by representatives of the two linguocultures are subjected to comparative analysis highlighting their similarities and differences.

Keywords: Arabic, Russian, phonation, emphasis

Lebedev V.V. *A Road Map for Arabic Tenses*

The paper presents a «road map» for the construction of a «periodic system» of Arabic tenses. Each form of this system represented by a predicative (or polypredicative) structure is placed at the cross-section of three axes: 1) temporal relations – precedence (past), simultaneity (present), succession (future); 2) formal complexity level – I (basic level), II (advanced level), III (integral level); 3) predication type – verbal or nominal sentence. Special attention is given to the analysis of the oppositions of tense forms at the I-st, basic level. Account is taken of the information they carry that refers to the Arabic «linguistic world image».

Keywords: Arabic, morphology, tense

Blinov A.A. *Arabic Language in Djibouti*

The paper gives an overview on the functioning of the Arabic language in Djibouti over the country's history, in particular in school education. Although Arabs here are only a minority and the country itself is rather scantily known, the Arabic language in Djibouti has an official status and is of great social, cultural, and religious importance.

Keywords: Arabic, sociolinguistics, language education, Djibouti

Mishkurov E.N. *Ethno-Psycholinguistic Consciousness in Researching Modern Spoken Arabic*

The paper analyzes the main results of linguo-paradigmatic description of Arabic spoken idioms, marking out the prospective trends in their ethno-psycholinguistic study within the framework of the anthropocentric paradigm and the “linguistic turn” in philosophy and other humanities.

Keywords: Arabic, spoken idioms, linguistic and anthropocentric paradigms, ethnopsycholinguistic study of language

Chuprygina L.A. *Maltese Language – from an Arabic Dialect to a National Language*

The study of dialects and spoken forms of Arabic is a prominent issue in contemporary Arabistics focussed, among other things, on studying the vernacular specifics of Arabic-speaking societies, as well as the features and prospects of the development of colloquial forms of Arabic. The paper presents a preliminary study of the modern Maltese language (il-Malti) and of its evolution from one of the Arabic dialects to the national language of Malta.

Keywords: Maltese, Arabic, linguistic evolution, dialects

Krylov A.Yu. *The Arabs’ Rhetorical Schemas as a Means of Influencing the Audience*

The paper examines the rhetorical schemas used in public and daily speech by Arabic speakers. They are shown to be a prominent and effective means for realizing the emotive category and exerting emotional and expressive influence on the audience as part of accomplishing the communicative and pragmatic tasks within the modern language situation in the Arabic language area.

Keywords: Arabic, rhetoric, expressivity, public speech

Сабинина Е.А. *Arabic Newspaper Headline as Research Object*

The paper considers the major viewpoints on the problem of the Arabic newspaper headline and describes its current study status. Although until recently the Arabic newspaper headline did not appear as the object of specific research, some of its characteristics have been dealt with in Russian and foreign linguistic research, thus constituting the material for this review.

Keywords: Arabic, newspaper headline

Shamraev N.A. *The «Hajj» Terminology in the Arabic Worldview*

Hajj is one of the most important elements of the conceptual model of the Arab Muslim culture. In the Arabic lexical system the realia referring to various aspects of the Hajj ritual are pooled into the «Hajj» lexico-semantic field. The paper gives an overview of this field and suggests some ways for their transliteration or translation into Russian taking into account the specific semantics of the Hajj realia.

Keywords: Arabic, culture-specific terminology, Hajj

3. Сведения об авторах

Белова Анна Григорьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела языков стран Азии и Африки Института востоковедения РАН

Блинов Андрей Андреевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела языков стран Азии и Африки Института востоковедения РАН

Крылов Александр Юльевич – кандидат филологических наук, доцент и заведующий кафедрой арабского языка Института стран Востока

Крылов Алексей Александрович – старший преподаватель Военного университета МО РФ

Лебедев Владимир Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. Email: lebedev@iaas.msu.ru.

Мишкуроев Эдуард Николаевич – доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова

Сабинина Елена Александровна – аспирант Отдела языков стран Азии и Африки Института востоковедения РАН

Столбова Ольга Валерьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела языков стран Азии и Африки Института востоковедения РАН

Финкельберг Наталья Дмитриевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры ближневосточных языков Военного университета МО РФ

Чупрыгина Лариса Альбертовна – старший преподаватель Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики»

Шаляпина Зоя Михайловна – кандидат филологических наук, заведующий Отделом языков стран Азии и Африки Института востоковедения РАН

Шамраев Николай Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры ближневосточных языков Военного университета МО РФ

Шарафутдинова Ркоия Шейхутдиновна – сотрудник филиала Библиотеки РАН при Институте языкознания АН СССР (Москва) и ЛО ИВ АН (Санкт-Петербург), научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (Махачкала).

Шарбатова Алла Григорьевна – кандидат филологических наук, преподаватель ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Дипломатической академии МИД РФ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Персоналии	5
З.М. Шаляпина. Г.Ш. Шарбатов: 90 лет со дня рождения	5
Г.Ш. Шарбатов. Биобиблиографическая справка (сост. З.М. Шаляпина)	12
А.Г. Шарбатова. В кругу коллег и коллег-друзей (по-разному о разном)	30
Н.Д. Финкельберг. Григорий Шамилевич Шарбатов: лексикограф и педагог	56
Р.Ш. Шарафутдинова. Памяти Г.Ш. Шарбатова (воспоминания бывшей аспирантки)	63
Сравнительно-исторические исследования	68
А.Г. Белова. Корневой фонд древнеарабской лексики в современном арабском словаре (морфологическая и семантическая деривация)	68
О.В. Столбова. Арабские параллели как важная составляющая в работе над чадскими этимологиями	77
Фонетика и морфология	91
А.А. Крылов. Фонация как невербальное средство, сопровождающее арабскую и русскую речь	91
В.В. Лебедев. Арабская временная система: дорожная карта	97
Социолингвистика	116
А.А. Блинов. Арабский язык в Джибути	116
Э.Н. Мишкурин. Об этнопсихолингвистической рефлексии в исследовании современной арабской разговорной речи	129
Л.А. Чупрыгина. Мальтийский язык – от арабского диалекта к национальному языку	139
Прагматика и культурология	152
А.Ю. Крылов. Риторические фигуры арабов как средство воздействия на аудиторию	152
Е.А. Сабина. Арабский газетный заголовок как объект исследования	159
Н.А. Шамраев. «Реалии хаджа» в арабской языковой модели мира	166
Приложения	173
1. Аннотации	173
2. Summaries	177
3. Сведения об авторах	181

Научное издание

**Проблемы общей и востоковедной
лингвистики 2014.**

**В мире арабского языка.
К 90-летию со дня рождения Г.Ш. Шарбатова**

Труды научной конференции.
Институт востоковедения РАН
22 октября 2014 г.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН. inf@ivran.ru. 107031 Москва, ул. Рождественка, д. 12

Научно-издательский отдел. Зав. отделом А.В. Сарабьев. E-mail: izd@ivran.ru

Подписано к печати 23.12.2015. Формат 60x84x16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 9. Тираж 500 экз. Зак. №

Отпечатано в типографии ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.
Лицензия на типографскую деятельность ПД № 0059